

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ

при поддержке
фонда
“История Отечества”

МАТЕРИАЛЫ XVII

Международной научной конференции
“ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ”

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА,
ГЕОГРАФИЯ, КУЛЬТУРА

Фонд
ИСТОРИЯ
ОТЕЧЕСТВА

2-4 октября 2019 года
г. Севастополь

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Филиал МГУ в городе Севастополе

при поддержке фонда «История Отечества»

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

XVII Международной научной конференции

«ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ:

история, политика, география, культура

2–4 октября 2019 г.

— Фонд —
ИСТОРИЯ
ОТЕЧЕСТВА

Севастополь – 2019

УДК 930
ББК 63
Л 17

ПУБЛИКУЕТСЯ

по решению программного комитета XVII Международной научной конференции
«Лазаревские чтения». Причерноморье: история, политика, география, культура

РЕЦЕНЗЕНТЫ

М.Н. Козлов

профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры истории
Севастопольского государственного университета

Е.И. Игнатов

профессор, доктор географических наук, заведующий кафедрой геоэкологии и природопользования
филиала МГУ в г. Севастополе

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.А. Шпырко

доцент, кандидат физико-математических наук, директор филиала МГУ в г. Севастополе
(главный редактор);

В.В. Хапаев

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений,
заместитель директора по научной работе (заместитель главного редактора);

А.В. Мартынкин

кандидат исторических наук, заместитель директора по учебной работе,
заведующий кафедрой истории и международных отношений;

С.В. Ушаков

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений;

И.Л. Прыгунова

кандидат географических наук, доцент кафедры геоэкологии и природопользования;

С.И. Рубцова

кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, заведующая учебным кабинетом
практикума

Л 17

Сборник материалов XVII Международной научной конференции
«Лазаревские чтения». Причерноморье: история, политика, география,
культура (2–4 октября 2019 года, г. Севастополь) / Под ред.
О.А. Шпырко, В.В. Хапаева, А.В. Мартынкина, С.В. Ушакова,
С.И. Рубцовой. – Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2019. –
240 с.

ISBN 978-5-907196-19-3

Сборник содержит материалы докладов участников XVII Международной
научной конференции «Лазаревские чтения». Причерноморье: история, полити-
ка, география, культура по истории, археологии, политологии, международным
отношениям в Причерноморье и истории природопользования в Черноморском
регионе.

Для ученых, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется новейшими
научными достижениями в области изучения Причерноморья.

ISBN 978-5-907196-19-3

9 785907 196193

УДК 930
ББК 63
Л 17

© Филиал МГУ в г. Севастополе, 2019 г.
© Фонд «История Отечества», 2019 г.
© Коллектив авторов, 2019 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Журавлев С.В.</i> Источники и перспективы изучения истории Крыма в период Великой Отечественной войны	9
<i>Захаров В.Н.</i> Три века внешней торговли России – от Белого моря к Черному.....	12
<i>Софокли С.Я.</i> Понт Эвксинский – море сотрудничества и противостояния.....	17
<i>Усов С.А.</i> Севастополь в составе Украины после распада СССР: долгий путь в Россию.....	19
<i>Шаров О.В.</i> Юго-Западный Крым в позднеантичную эпоху: от «готских» походов до «гуннского» нашествия	22
<i>Юрченко С.В.</i> Мировые тенденции и современные внешнеполитические вызовы и угрозы России	27

МАТЕРИАЛЫ К КРУГЛОМУ СТОЛУ

«Актуальные проблемы археологии Юго-Западного Крыма»

<i>Ушаков С.В.</i> Основные проблемы и задачи исследования Херсонеса Таврического.....	30
<i>Хапаев В.В.</i> Актуальные задачи археологического изучения истории Русско-византийской войны 987–988 годов с точки зрения историка-медиевиста.....	33

СЕКЦИЯ «Античная и средневековая история и археология»

<i>Алексеев Н.А., Дьячков С.В., Неделькин Е.В., Ступко М.В.</i> Османский гарнизон Балыклагу в начале XVI века (по письменным источникам и археологическим данным)	38
<i>Днепровский Н.В.</i> К вопросу о способах водоснабжения городища Эски-Кермен: водосборная пещера на восточном обрыве	41
<i>Емельянова Н.С., Емельянов М.А.</i> К истории создания историко-археологического Херсонесско-Корсунского заповедника	44
<i>Жиртуева Н.С.</i> Роль Крыма в диалоге культур Византии и Руси в IX–XV вв.	46
<i>Козлов М.Н.</i> Последний путь поздних язычников.....	49
<i>Матросов М.А.</i> Между эллинистическим Востоком и германским Западом: утверждение римского господства в Херсонесе и его варварской округе	51

<i>Миронов А.В.</i> Гражданское участие в формировании общественной ментальности городов-полисов.....	54
<i>Прохорова Т.А.</i> Из истории издания Херсонесского сборника: выпуск № 5 и неопубликованная статья В.М. Маликова	56
<i>Роменский А.А.</i> Князь Ярослав в Херсоне? Размышления над запиской Роже Шалонского	59
<i>Хапаев В.В.</i> Византийский идеал атлета и воина в эпических поэмах X века «Армурис» и «Дигенис Акрит»	61
<i>Шик Н.В.</i> О межевых границах Чембальского консульства и Феодоро в Юго-Восточной части Балаклавской долины	64
<i>Шульга Д.П., Чэнь Цзяньвэнь</i> «Сепаратисты-лоялисты»: параллели в ранней истории Царства Шу и Трапезундской империи	67
<i>Юрочкин В.Ю.</i> Сектор истории и археологии крымской научно-исследовательской базы АН СССР в 1947-1950 гг.	69

ПОДСЕКЦИЯ «Новая история»

<i>Есин И.М.</i> Усадьба Ясная Поляна «Романтическая Александрия».....	72
<i>Лобков А.Е.</i> Немецкие врачи – участники обороны Севастополя 1854-1855 годов	75
<i>Миленко А.А.</i> Визуализация истории предпринимательства в России по материалам комплекта ежемесячника «Былое»	78
<i>Олефиренко О.М.</i> Особенности развития Севастополя как главной базы Черноморского флота во второй половине XIX – начале XX века	81
<i>Осиповский С.Н.</i> Нереализованный проект восстановления церкви, в которой предполагалось крещение князя Владимира: роль Николая I.....	84
<i>Ставицкий А.В.</i> Монография Т.Г. Таировой-Яковлевой «Мазепа»: вклад в российскую историографию и украинскую «Мазепиану»	86
<i>Терещук Н.М.</i> Севастопольское городское управление. Конец XVIII – первая половина XIX века	90
<i>Шихаметова Э.Р.</i> Деятельность Таврических губернаторов по обустройству Северного Крыма	93

ПОДСЕКЦИЯ «Новейшая история»

<i>Баранов А.В.</i> Межэтнические и конфессиональные отношения в крымском сообществе (по данным анкетных опросов молодёжи в 2017–2019 гг.)	96
<i>Баранов М.П.</i> Некоторые аспекты установления оккупационного режима в Севастополе в 1942–1944 годах.....	99
<i>Бойцова Е.Е., Кузьмина А.В.</i> Организация досуга севастопольских школьников после освобождения города от немецко-фашистских захватчиков	102
<i>Жеребкин М.В.</i> Исторический клуб как инновационная внеаудиторная площадка по формированию патриотического мировоззрения.....	105
<i>Иванов В.А.</i> Советское антинацистское движение сопротивления в Северо-Западном Крыму в 1941–1944 гг.....	108
<i>Катамадзе Н.Ш.</i> Перспективы применения историографического метода при изучении истории отечественного крестьянства	112
<i>Комогаев В.С.</i> Роль севастопольского приборостроительного завода «Парус» в развитии северной стороны Севастополя в 1960–1985 годах	114
<i>Кондратюк Г.Н.</i> Караимы в условиях политики коренизации в Крымской АССР в 1920–1930-х годах.....	118
<i>Коробкина Е.Н.</i> Севастопольский миф исхода первой волны русской эмиграции в романе Г. Газданова «Вечер у Клэр»	119
<i>Кузьмина А.В., Холодков Д.В.</i> Деятельность севастопольского завода судовой техники «Маяк» в 1991–1994 годах.....	122
<i>Шипицына Е.И.</i> Братская могила воинов 35-й береговой батареи – объект культурного наследия	124

СЕКЦИЯ «Международные отношения»

<i>Белоглазов Р.Н.</i> Влияние Турции на процесс институционализации ислама в Крыму в 1990-е годы	126
<i>Бичаков С.А.</i> Позиция Российской Федерации в отношении «Арабской весны»: от событий в Тунисе до сирийского кризиса	129
<i>Боронина А.С.</i> Участие государственных и общественных структур Севастополя в процессе реализации политики «мягкой силы» России в 1990–2010-е годы	132
<i>Габриелян А.М.</i> Высшее образование и современная международная дипломатия	135

<i>Гаспарян Л.С.</i> Национализация партийной системы: к методологии исследования.....	138
<i>Иванков К.В.</i> Императивы внешней политики Украины как предпосылка кризиса (1991–2014 гг.)	141
<i>Ирхин А.А.</i> Эволюция внешней политики Турецкой Республики в 2002–2019 годах.....	144
<i>Калинкина Ю.В.</i> Религиозный экстремизм на примере исламского радикализма.....	147
<i>Кузьмин П.В.</i> Ответственность как принцип деятельности политика: содержание и реализация в условиях современного Крыма.....	151
<i>Мартынкин А.В.</i> Интеграция движения «Аль-Джихад аль-ислами» в состав организации «Аль-Каида».....	153
<i>Москаленко О.А.</i> Внешнеполитическая риторика Д. Трампа: трудный выбор между американским интервенционизмом и изоляционизмом.....	156
<i>Нелина Л.П.</i> Восточноевропейские исследования в Калифорнийском университете в Беркли: этапы становления.....	158
<i>Омельчук Д.В.</i> Бедность как фактор десоциализации.....	161
<i>Пашковский П.И.</i> К вопросу о функциях и полномочиях Государственной Думы Российской Федерации во внешнеполитической сфере.....	163
<i>Юрченко И.С.</i> «Жесткая», «мягкая» и «умная сила» во внешней политике государств: дискуссионные проблемы в исследованиях.....	166
<i>Шепелев М.А.</i> Итальянская геополитика в Большом Средиземноморье.....	169

СЕКЦИЯ «История природопользования»

<i>Игнатов Е.И.</i> История цунами и другие угрозы океана.....	172
<i>Новиков А.А., Каширина Е.С.</i> Рельеф как фактор развития транспортного каркаса г. Севастополя.....	177
<i>Рубцова С.И.</i> Исторические и медицинские аспекты последствий экологических изменений в Крыму и Севастополе.....	180
<i>Шик Н.В.</i> История использования крымских минералов в качестве сувениров (конец XVIII - начало XX вв.)	183

МАТЕРИАЛЫ ДОКЛАДОВ СТУДЕНТОВ

ПОДСЕКЦИЯ «Древняя история и археология»

<i>Десятерик Д.И.</i> Актуальные проблемы истории сарматов Северного Причерноморья.....	187
---	-----

ПОДСЕКЦИЯ «Средневековая история и археология»

<i>Глушич А.М.</i> «Книга церемоний» Константина Багрянородного как источник по истории спортивных состязаний на Константинопольском ипподроме.....	189
<i>Илива М.Н.</i> Сравнение влияния деятельности Ордена иезуитов и современных НКО на взгляды молодежи.....	192
<i>Ильичев А.В., Савчинский В.Э., Ситало М.С.</i> История возникновения и развития традиционного ирландского костюма	194
<i>Керимова Д.Т.</i> К вопросу о взаимоотношениях Англии и Франции в первые десятилетия после Столетней войны	197
<i>Кубишина А.В.</i> Влияние инквизиции на испанскую живопись в XV – XVII веках	200
<i>Филлер Т.Ю.</i> Развитие книгопечатания в странах Западной Европы (Англия, Франция, Нидерланды, Германия) в XV веке	202
<i>Юлык Д.Р.</i> К вопросу о причинах и назначении внебрачных связей при дворе Генриха I	204

ПОДСЕКЦИЯ «Новая история»

<i>Алейник Я.А.</i> Участие иностранной дипломатии в Кавказской войне 1817–1864 годов.....	206
<i>Иванова Е.А.</i> Мемуары Тимоти Гоуинга «Голос из строя» как источник по истории Крымской войны.....	209
<i>Стахурская Е.И.</i> Исторические интересы исследователей славянского язычества в XIX веке в России	211

ПОДСЕКЦИЯ «Новейшая история»

<i>Борисов С.Д.</i> Муссон сменился штилем? Судьба приборостроительного кластера в Севастополе после 1990 года.....	213
<i>Иудин В.Д., Родионов А.В.</i> Политическое положение в береговом райкоме РКП(б) Нижегородской губернии в период с марта 1919 по 1920 год.....	217

<i>Корнеева Е.В., Шелепов А.А.</i> Крымский мост в историко-патриотическом измерении.....	221
<i>Кулькова А.П.</i> Деятельность комсомольской организации Севастополя в 1944-1991 гг. (по материалам газеты «Слава Севастополя»)	224
<i>Чебану В.В.</i> Повседневная жизнь Севастополя в период героической обороны 1941–1942 гг. в отражении опубликованных источников	227
<i>Шпак О.А.</i> Освобождение Севастополя от немецких захватчиков в документальном наследии.....	229

СЕКЦИЯ «Международные отношения»

<i>Галстян К.А.</i> Большое Причерноморье и страны Южного Кавказа: проблемы взаимодействия (конец XX –начало XXI века).....	232
<i>Иваницкая Н.А.</i> Роль ОЧЭС в развитии экономического взаимодействия в Причерноморье (2014-2019 гг.)	235

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 94(477.75)“1941–1945”+930

Журавлев С.В.

ИСТОЧНИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КРЫМА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

Институт российской истории РАН, г. Москва

В конце 1941 г. по инициативе группы историков во главе с будущим академиком И.И. Минцем в структуре Академии наук СССР была создана Комиссия, в задачу которой входило проведение интервью с солдатами и офицерами по горячим следам боев, составление исторической хроники войны, документирование событий военного времени путем собирания разного рода материалов (сводок, газетных вырезок, трофейных документов и др.). В тех условиях научные задачи тесно переплетались с агитационными – выявлением и пропагандой фактов героизма советских воинов и сопротивления населения врагу. Поэтому стали целенаправленно собираться документы о Героях Советского Союза.

С одобрения ГлавПУР РККА Комиссия Минца (так ее стали неофициально называть) развернула активную деятельность. Кроме центральной Комиссии в Москве, сотрудники которой постоянно выезжали на места боев, в республиках и регионах страны, как правило, под эгидой партийных органов, были созданы филиалы Комиссии, которые тоже приступили к собиранию документов о событиях войны в данной местности.

Поскольку четкой координации в работе и разграничения полномочий центральной и региональных комиссий по истории Великой Отечественной войны не существовало, часть собранных материалов в итоге отложилась в Москве, в современном Научном архиве Института российской истории РАН (<http://komiswow.ru/>), а часть – в регионах и республиках бывшего СССР. В том числе известно наличие таких архивных коллекций в Белоруссии и на Украине [1], [2], [3].

После освобождения Крыма от оккупантов в мае 1944 г. такая Комиссия под эгидой обкома партии начала работу и в Крыму². Результатом ее деятельности стал сбор и публикация сразу после войны материалов, главным образом, воспоминаний по истории крымского подполья и партизанского движения (эти источники ныне хранятся в фондах П-156 и П-849 в Государственном архиве Республики Крым).

В конце 1945 г. московская Комиссия по истории Великой Отечественной войны при АН СССР прекратила свою деятельность. Собранные ею уникальные документы были переданы в ведомственный архив Института истории АН СССР, в котором в 1946 г. был создан Сектор истории Великой Отечественной войны, продолживший научные исследования в данном направлении. Однако архивный фонд Комиссии Минца начал

¹ Материал подготовлен в рамках проекта РФФИ № 17-01-00221-ОГН «Освобождение Крыма от нацистской оккупации в 1944 г.: свидетельства участников и очевидцев (по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны)».

² О деятельности Крымской Комиссии по истории Великой Отечественной войны см.: [4], [5].

активно использоваться историками лишь в последние годы. Что касается региональных коллекций военных лет, то они тоже недостаточно хорошо изучены.

В настоящее время стоит задача, как минимум, создания единого электронного каталога документов центральной и региональных комиссий по истории Великой Отечественной войны. Начало этой работе уже положено: на созданном сотрудниками ИРИ РАН сайте <http://komiswow.ru/> выложены описи документов центральной Комиссии, а также имеется подробная информация об основных направлениях ее деятельности, кадровом составе и др. В перспективе нами планируется сканирование всего массива материалов Комиссии Минца и формирование базы данных, включающей электронные копии документов. Желательно проделать аналогичную работу с коллекциями документов на местах, чтобы в перспективе сформировать единый банк данных центральной и региональных комиссий по истории войны. Работа с фондами Госархива Республики Крым может стать пилотным проектом такого рода.

Почему для науки важно объединение усилий московских и крымских ученых и архивистов, а также совместное изучение материалов? Эти документы в значительной степени дополняют друг друга. Московские материалы отражают в основном деятельность военнослужащих регулярных частей РККА и ВМФ по обороне Крыма и Севастополя, осуществлению десантных операций на Керченском полуострове, проведению Крымской наступательной операции 1944 г. Сохранившиеся документы Крымской Комиссии посвящены преимущественно теме подпольной и партизанской борьбы в условиях оккупации, повседневной жизни населения.

Как известно, к концу оккупации удалось наладить регулярную связь с «большой землей» и добиться координации в деятельности партизанских отрядов с регулярными частями РККА. В результате весной 1944 г. Крым был освобожден совместными усилиями Красной Армии и партизан, которыми к тому времени руководили кадровые офицеры. Однако изучение этой темы требует продолжения, в том числе по документам воинских частей, политорганов, по личным делам офицеров и генералов (преимущественно – фонды ЦАМО РФ в Подольске). Много еще предстоит сделать и по крайне острому и болезненному вопросу о коллаборационизме в Крыму, который тесно связан с современной политикой и исторической памятью. Поскольку он не может быть изучен вне контекста коллаборационизма во время войны в целом, а также без привлечения материалов советских спецслужб, войск НКВД, трофейных документов и др. (архивы ФСБ, СВР, РГВА, ЦАМО и др.), желательно, чтобы в данном направлении мы с крымскими историками работали сообща¹. В том числе используя, но при этом критически переосмысливая и перепроверяя информацию, собранную Крымской Комиссией по истории Великой Отечественной войны.

Не менее сложной задачей является и изучение документов московской Комиссии по истории Крыма периода войны. Этот комплекс источников состоит в основном из стенограмм интервью с военнослужащими, участвовавшими в боевых операциях в Крыму. В частности, отложилось немало интервью о Крымской наступательной операции РККА 1944 г. Отдельные интервью уже использовались в исследованиях, однако задача изучения единого комплекса источников поставлена только сейчас, в рамках проекта РФФИ, который реализует группа сотрудников ИРИ РАН.

¹ В данном направлении сотрудниками ИРИ РАН уже начата работа. См., например, исследования и документальные публикации: [6], [7], [8].

В чем научная новизна проекта? В 1944–1945 гг. Комиссией Минца были взяты интервью у военнослужащих разного звания (солдат, офицеров, генералов) и разных воинских специальностей (пехота, саперы, артиллеристы, авиаторы, моряки, морские пехотинцы, разведчики и др.), принимавших участие в освобождении Крыма в 1944 г. В результате стенограммы не только дают эмоциональное, «человеческое» восприятие войны, но и подчас позволяют, взятые в комплексе, взглянуть на одну и ту же боевую операцию разными глазами и с разных сторон. Поскольку из солдатского окопа и из штабного блиндажа бой выглядел по-разному, так же как отличались описания своей боевой работы, например, у саперов и артиллеристов, источники позволяют вплотную подойти к сложной научной проблеме – полифоничному показу боя. Полагаем, что реализация такого пилотного проекта на основе материалов по истории Крыма в период Великой Отечественной войны важна как с научной, так и общественно-политической точки зрения.

Литература

1. Архангородская Н.С., Курносоев А.А. О создании Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР и ее архива (К 40-летию со дня образования) // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982. С. 219–229.
2. Батурина С.С. Археографическая деятельность Ф.П. Шевченко в Комиссии по истории Отечественной войны при АН УССР // Археографический ежегодник за 2005 год. М., 2007. С. 121–123.
3. Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг.: коллективная монография / отв. ред. С.В. Журавлев. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.
4. Утробин Ю.А. Деятельность Крымской Комиссии по истории Великой Отечественной войны (1943–1947 гг.) // Крымский архив. 2014. №1 (15). С. 41–49.
5. Филимонов С.Б., Утробин Ю.А. Крымские комиссии (1942–1947 гг.) по истории Великой Отечественной войны // Проблемы национальной безопасности России в XX–XXI вв.: уроки истории и вызовы современности: к 65-летию победы в Великой Отечественной войне. XVII Адлерские чтения... (21–25 мая 2010 г.). Краснодар, 2010. С. 501–504.
6. Христофоров В.С. Участие отечественных органов разведки и контрразведки в освобождении Крыма // Крым в истории России: к 70-летию освобождения. 1944–2014. Материалы военно-исторической конференции. 28 мая 2014 г. Севастополь. М.: НИИ военной истории ВАГШ ВС РФ, 2014. С. 103–109.
7. Христофоров В.С. Архивные документы по истории нацистского оккупационного режима в Крыму // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. М.: Наука, 2015. С. 408–424.
8. Христофоров В.С., Черепков А.П., Хохлов Д.Ю. Контрразведка ВМФ СССР. 1941–1945. М.: Вече, 2015.

ТРИ ВЕКА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ РОССИИ – ОТ БЕЛОГО МОРЯ К ЧЕРНОМУ*Институт российской истории РАН, г. Москва*

Три столетия в истории России – XVII, XVIII и XIX, которые составляют большую часть эпохи Новой истории, имели особое значение в развитии контактов страны с окружающим миром, обретения ею своего места на международной арене. Обычно при этом имеется в виду возрастание роли России в мировой политике, постепенное вхождение ее в круг так называемых «великих держав». Но данный геополитический аспект был так или иначе сопряжен с аспектом геоэкономическим, определением места и роли России в системе мирового и европейского рынка, международного разделения труда и капитала. В рассматриваемую эпоху особое значение приобретала причастность к морской торговле, выход к морским коммуникациям. Успех в развитии морского судоходства и заморской торговли был одним из важнейших факторов первоначального накопления, экономического процветания и политического могущества тех или иных держав. Начало этой эпохи совпадает с Великими географическими открытиями XVI–XVII вв., продолжается она и в последующие столетия.

Россия не оставалась в стороне от этих процессов. Для нее этот период начинается в конце XVI в., в начале XIX в. можно говорить о его завершении, имея в виду установление Россией непосредственных морских коммуникаций с зарубежной Европой и далее со всем миром.

В эпоху средних веков внешние связи Руси и зарубежной Европы в морской торговле сводились к контактам через Новгород и Балтику при гегемонии Ганзы, и на южном направлении – через генуэзские и венецианские колонии в Крыму и других местах Северного Причерноморья. С началом Новой истории ситуация продолжает развиваться на северном фланге и консервируется на южном. Что касается южного, черноморского направления, то в XVI в. наивысшего могущества достигает Османская империя, которая полагает Черное море своим внутренним бассейном и запрещает движение по нему каких-либо судов, кроме принадлежащих подданным Турции. Это препятствует проникновению в Северное Причерноморье купцам из Западной Европы, а торговля и судоходство на Черном море оказывается в руках турецких подданных греков, у которых тогда явно не хватало сил и средств развивать торговые контакты между Россией и странами средиземноморского бассейна, да и Россия была еще далеко. До наступления эпохи Новороссии было еще долго.

Гегемония Ганзы на Балтике прекращается, в конкуренцию с ней и друг с другом вступают новые силы: Нидерланды, Англия, а из немецких центров – Гамбург, который является теперь самостоятельной силой, а принадлежность его к Ганзе имеет уже формальный характер. Английские, голландские, гамбургские купцы активизировали свое стремление проникнуть на новые рынки, в том числе и в Восточную Европу. Чтобы преодолеть конкуренцию Ганзы, они развернули торговлю через Нарву, относительно новый порт в устье одноименной реки, который не входил в Ганзейский союз. Как раз в это время Иван Грозный вел войну за Ливонию и захватил Нарву. Россия вышла на берег

Балтики. Началась прямая торговля с обосновавшимися в Нарве нидерландскими и другими иноземными коммерсантами [1, с. 19–20]. Но в итоге Ливонской войны Россия утратила Нарву, которая досталась Швеции. Балтийское море становилось для Швеции практически таким же внутренним бассейном, как для Турции Черное море. Россия оказалась отрезана от Балтики. Но так случилось, что тогда же ей удалось обрести все-таки непосредственный выход к морю. А именно – к морю Белому.

Это стало одним из результатов Великих географических открытий. Путь из Западной Европы в Россию через Белое море был открыт в 1553 г. английской экспедицией под руководством Х. Уиллоби, которая отправилась на поиски северо-восточного пути в Индию. Два из трех кораблей экспедиции погибли в буре у берегов Кольского полуострова. Третий во главе с капитаном Р. Ченслером добрался до побережья Белого моря. С этого момента начались прямые контакты России и Англии, в устье Северной Двины обосновались английские, а вслед за ними и голландские купцы. В 1584 г. был основан российский порт Архангельск, который в XVII веке стал главным морским портом России. Архангельск имел удобную коммуникацию с внутренними регионами страны. Тысячеверстный Сухоно-Двинский водный путь вел до Вологды, откуда уже недалеко было до Ярославля, Волги и Москвы. По этому пути двинулись в архангельский порт ценные для европейского рынка товары: юфть, пенька, сало, лен, смола и многое другое.

Так в истории внешней торговли России началась эпоха Белого моря.

А как же Швеция? Ведь она удерживала восточные берега Балтики, чтобы контролировать товаропотоки между рынками Западной и Восточной Европы, из прибалтийских портовых городов в шведскую королевскую казну поступали большие доходы. Поэтому Швеция была крайне заинтересована в активизации торговли России через балтийские рубежи и в создании препятствий для торгового обмена в Архангельске. В этой борьбе двух стратегий прошел почти весь XVII век. Швеция проводила политику так называемой “deviation”, то есть «отклонения» потока товаров русского экспорта с архангельского направления на прибалтийское. Использовались всевозможные меры: от военной угрозы до установления льготного таможенного режима в балтийских портах. В нижнем течении Невы шведы выстроили новую крепость Ниеншанц, рядом с ней возник торговый город, через который также пошли товары из России в зарубежную Европу и обратно. В договорах с Россией шведские дипломаты добивались права транзитной торговли между странами Среднего Востока и Западной Европы через российскую территорию и именно Прибалтику. Российское правительство стремилось препятствовать шведской политике «девиации» и принимало меры для развития Архангельска, который полагало своим главным портом. Неслучайно Архангельск или Архангельский Город в российском обиходе, даже в официальных документах, именовался просто «Город», что свидетельствовало о его исключительном значении. Новоторговый устав 1667 г., регламентировавший внешнюю торговлю страны, был составлен именно с учетом интересов архангельского торгового обмена. В развитии торговли через Архангельск были заинтересованы влиятельные силы: российское правительство, крупные московские купцы, имевшие связи с иностранными коммерсантами, а также наиболее активно торговавшие в России голландские, гамбургские, а до середины XVII в. и английские купцы.

Имела ли какой-либо успех в этих условиях шведская политика «девиации»? Современные исследователи полагают, если имела, то частично. Сопоставить масштабы торговли России через Архангельск и северо-западные рубежи невозможно, главным образом потому, что практически не сохранились документы Архангелогородской таможни о вывозе и привозе товаров. Но по косвенным данным можно судить, что архангельское направление существенно превосходило балтийское. Например, есть данные по экспорту юфти, важнейшего в тот момент товара русского экспорта. Через Архангельск вывозилось в середине XVII в. в 30–40 раз больше юфти, чем через Балтику [8, с. 530]. Однако также по косвенным данным можно заключить, что к концу века торговля через северо-западный рубеж активизируется, хотя еще остается позади беломорского направления. Это происходит в связи с нормализацией отношений с Польшей, подъемом торговли Любека, крупнейшего ганзейского порта именно на Балтике. Неслучайно в 1690-х гг. ряд важных контрактов западноевропейских купцов на вывоз русских товаров предусматривает их экспорт через Балтику, как например, поставка за рубеж мачтового леса голландцем Даниилом Артманом через Ригу. Английские купцы, которые добиваются восстановления торговли в России, стремятся пробиться на русский рынок именно через Нарву, где действует английская Eastland Company. Складывается впечатление, что существуют объективные предпосылки более успешного развития торговли России с западным рынком через Балтийское море. Очевидно, это осознал Петр I, что стало одним из существенных факторов начала Северной войны. Но превращение Швеции в военного противника, а Прибалтики – в театр военных действий привело к полному прекращению торговли через северо-западный рубеж. И теперь Архангельск, как никогда ранее, сосредоточил до 100% российской внешней торговли на западном направлении [2, с. 471–472]. Надолго ли?

Так получилось, что даже не на весь период Северной войны. Едва заложив новую столицу и новый теперь уже порт на Балтике – Санкт-Петербург, Петр I решил как можно скорее сделать его центром внешней торговли на западном направлении. И перед ним, как ни парадоксально, встала та же задача, которую пытались решить шведские короли в XVII веке: ограничить торговлю Архангельска в пользу Балтики. В отличие от шведов Петр I обладал мощным административным ресурсом. Во втором десятилетии XVIII века царь издает серию указов, которые запрещали доставку товаров с большей части российской территории в Архангельск и предписывали везти их для отправки за море в Петербург. Иногда под влиянием обстоятельств (шла еще война, жестко возражали крупные голландские коммерсанты, имевшие прочные позиции в Архангельске, не была еще развита торговая инфраструктура Петербурга) царь несколько уступал, но все равно продолжал гнуть свою линию. С 1713 г. можно говорить о начале регулярного судоходства между Петербургом и странами Западной Европы, к концу 1710-х гг. сюда прибывают уже десятки английских, голландских кораблей. В 1719–1720-х гг. ситуация на Балтике осложнилась, здесь появилась английская эскадра с враждебными по отношению к России намерениями. Но с окончанием Северной войны ситуация бесспорно разрешается в пользу Петербурга. Военная угроза полностью миновала. В 1721 г. издаются новые указы, жестко ограничивающие торговлю Архангельска территорией в бассейне Северной Двины. В результате товарооборот Петербурга по сравнению с 1718 г. к 1725 г. вырос в шесть раз и достиг 3,4 млн. руб. В Архангельске он составил в 1725 г. всего лишь 0,4 млн. руб. [6, с. 21].

Во внешней торговле России наступила эпоха Балтийского моря.

Ведущая роль в торговле страны на западном направлении надолго перешла к Петербургу. В XVIII веке через него проходила, как минимум, половина внешнеторгового оборота России. Значительным товарооборотом в то время отличался и рижский порт. В самом деле Рига еще в 1710 году вошла в состав Российской империи, но на протяжении почти всего XVIII века ареал ее торговых связей большей частью находился на территории Речи Посполитой, то есть за пределами собственно русского внутреннего рынка. Поэтому доля Петербурга в обеспечении контактов собственно русского рынка со странами Западной Европы во второй половине XVIII в. достигала и даже превышала две трети товарооборота.

Но в том же XVIII веке стала в полной мере насущной задача выхода к берегам Черного моря, в том числе и для обеспечения непосредственных контактов с западноевропейским рынком. Турция, еще более жестко, чем Швеция, долгое время старалась не допускать в Черное море корабли любых стран, кроме турецких. Шведы, стремясь удержать под своей властью порты Балтики, были рады видеть там корабли под разными флагами. Для Османской империи закрытие Черного моря для иностранных судов было вопросом военной безопасности и стратегической целью, интересы фиска и коммерции здесь отступали на второй план. В почти непрерывном противостоянии в XVIII веке с Османской империей Россия не сразу смогла добиться решающих успехов, поэтому долгое время приходилось считаться с турецкими правилами судоходства на Черном море. Когда после Прутского похода 1710 г. пришлось оставить основанный в 1690-х гг. порт Таганрог, главным пунктом торговли на черноморском направлении стала Темерниковская пристань при впадении речки Темерник в Дон. Река Дон стала главной водной магистралью, связавшей центр России с выходом к Азово-Черноморскому бассейну. В правление Елизаветы Петровны была создана привилегированная Темерниковская компания, задачей которой стало обеспечение внешнеторговых контактов в направлении Черного и Средиземного морей, с владениями Османской империи, а по возможности – и далее. Компания действовала без особого успеха, ей приходилось опираться на посредничество греческих купцов, подданных Турции, иноземных коммерсантов в Константинополе, которые слабо знали возможности русского рынка.

Прорывом стали итоги русско-турецкой войны 1768–1774 гг., когда по Кучук-Кайнарджийскому миру Турция была вынуждена согласиться на открытие Черного моря для торговых судов других стран. Россия получила выход непосредственно к берегам Черного моря в низовьях Днепра и Южного Буга. Вновь начал развиваться Таганрогский порт, в устье Днепра был заложен новый порт Херсон, который рассматривался и как гавань для обеспечения внешней торговли со странами Средиземноморья. Для поддержки Херсона по инициативе князя Г.А. Потемкина ограничивалась торговля Таганрога, где запрещалось строительство больших судов. Это живо напоминает меры Петра I по ограничению торговли Архангельска в пользу Петербурга. В Херсоне появились иностранные коммерсанты: француз Антуан, Виллесхофен из Вены и др. Антуан и его компания сумели организовать прямые рейсы торговых кораблей между Херсоном и Марселем, а также Корсикой, Генуей, Барселоной [7, с. 178]. Но Херсону так и не пришлось стать главным портом России на Черном море. Имели место недостатки инфраструктуры,

крайне негативно повлияла случившаяся в те годы эпидемия чумы, начавшаяся революция во Франции свела на нет усилия компании Антуана.

Новым мощным импульсом к развитию торговли на Черном море стали итоги русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Россия теперь вышла на берега Черного моря на обширном пространстве от Днестра до Кубани. Это привело к развитию внешней торговли в целом ряде портов, включая Крым. На первый план выходят Таганрог и Очаков, товарооборот которых в 1792 году составил 468 тыс. руб. и 461 тыс. руб., соответственно. В Крыму можно отметить Евпаторию (215 тыс. руб.), Севастополь (57 тыс. руб.), который превзошел тогда знаменитый торговый город Феодосию (53 тыс. руб.) [5]. В 1790-х гг. ведущую роль в торговле на данном направлении приобретает Таганрог, в котором активно действуют греческие купцы, принявшие российское подданство. Очаков приходит в упадок. Это очевидно связано с тем, что Таганрог имел налаженные связи по реке Дон с центральной Россией, а торговля Очакова оказывается в тени быстро растущей Одессы, основанной в 1794 г. На переломе XVIII и XIX веков Одесса вступает уже в конкуренцию с Таганрогом и в 1802 г. выходит на первое место. Причем товарооборот обоих портов исчисляется уже миллионами рублей (Одесса – 2,3 млн. руб., Таганрог – 1,7 млн. руб. [5], что свидетельствует о стремительном прогрессе внешней торговли России через порты Северного Причерноморья, которое стало называться теперь Новороссией. В последующие годы внешняя торговля через Новороссию развивается в геометрической прогрессии. Решающее значение имеет экспорт и, прежде всего, вывоз зерна, которое направлялось и в страны Западной Европы. В 1802–1807 гг. через порты Юга России вывозилось товаров на 24,3 млн. руб. в год, в 1820–1824 гг. – на 112 млн. руб. в год [3, с. 43].

Ведущая роль оставалась за Одессой, через которую вывозилось в конце 1820-х гг. по 3 млн. четвертей зерна в год (по всем портам Юга – 4 млн. четвертей, по всей России – 5 млн. четвертей) [3, с. 50]. По общим цифрам товарооборота порты Балтийского моря оставались впереди. По данным на 1831 год товарооборот портов Черного и Азовского морей составил 66,3 млн. руб., Балтийского – 281 млн. руб. [4, прил. А, Б]. Но, учитывая столь мощный прогресс внешней торговли Новороссии и ее особое значение в экспорте зерна и других товаров аграрного сектора, можно сказать, что **в истории внешней торговли России началась эпоха Черного моря.**

Литература

1. Велувенкамп Ян Виллем. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550–1785. М., 2006. 311 с.
2. Беспятых Ю.Н. Архангельск накануне и в годы Северной войны. 1700–1721. СПб.: БЛИЦ, 2010. 680 с.
3. Золотов В.А. Внешняя торговля России в первой половине XIX века. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1963. 192 с.
4. Небольсин Г. Статистические записки о внешней торговле России. Ч. 1. СПб.: тип. Деп. Внеш. Торг., 1835. 275 с.
5. РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 2893.
6. Репин Н.Н. Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России в XVIII в. (Архангелогородский и Петербургский порты). Омск: ОмГУ, 1989. 81 с.
7. Юрченко П. Историко-статистический очерк торговли города Херсона // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. 1882. Т. 13.
8. Tröbst Stefan. Handelskontrolle – “Derivation” – Eindämmung. Schwedische Moskaupolitik 1617–1661. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997. 649 p.

ПОНТ ЭВКСИНСКИЙ – МОРЕ СОТРУДНИЧЕСТВА И ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Газета «ХАРАВГИ» («Рассвет»), г. Никосия, Республика Кипр

После распада Советского Союза в декабре 1991 года, международные отношения вокруг Чёрного моря снова оказались на первой линии взаимоотношений причерноморских стран и не только. Количество стран на побережье Чёрного моря увеличилось, как и диапазон их политической и военно-стратегической ориентации и принадлежность этих стран к различным союзам, блокам и группам, что качественно изменило ситуацию и соотношение сил в регионе.

Испытанная и проверенная временем Конвенция Монтрё от 20 июля 1936 года в последние три десятилетия стала нарушаться военными кораблями США и некоторых других стран-членов НАТО, что заставило ряд учёных и политиков, а также специалистов по Международному морскому праву задуматься о её соответствии сегодняшним реалиям.

Под вопросом оказался и состав стран, подписавших Конвенцию Монтрё 1936 г. При этом на повестку дня уже выносятся вопросы об актуальности и целесообразности внесения изменений или даже пересмотре текста самой Конвенции. Но такой подход может создать новые более серьёзные проблемы и разрушить действующий правопорядок в регионе и статус-кво, несмотря на отдельные ее нарушения.

В международной конференции по проливам, ведущим из Чёрного в Средиземное море, участвовали следующие государства: Советский Союз, Турция, Великобритания, Франция, Болгария, Румыния, Греция, Югославия, Австралия и Япония. Но за последние тридцать лет многое изменилось, несмотря на правопреемство новых государств, образовавшихся на месте стран, подписавших конвенцию в 1936 году.

Нет больше Советского Союза и Югославии, а на берегах Чёрного моря, помимо Турции, появилось ещё два новых члена НАТО – Болгария и Румыния; Украина и Грузия претендуют на членство в Североатлантическом альянсе.

Прошло 83 года со дня подписания Конвенции Монтрё. У ряда политиков, правоведов и экспертов по Международному морскому праву возникают вопросы по поводу участников и подписантов этой Конвенции. Например, к далёким Великобритании и Франции, не говоря уже об Австралии и Японии.

Конечно, в нынешней сложной международной обстановке, в условиях растущей провокационной и агрессивной политики США и НАТО, возможно, нецелесообразно поднимать вопрос о пересмотре текста Конвенции Монтрё. Попытка внесения изменений в её текст или в состав её участников могла бы привести к результатам, противоположным желаемому.

Современное руководство Турецкой Республики не скрывает, что не отказывается от амбиций восстановления «величия» Оттоманской империи (включая территориальные претензии), официально прекратившей существование в 1923 году после подписания Лозаннского Договора.

И это проявляется не только в бассейне Черного моря, но и в прилегающем к нему Восточном Средиземноморье. Ярчайшим примером экспансионистской политики Турции является Кипрская проблема. Остров Кипр был владением исчезнувшей Османской империи. Одним из результатов очередной русско-турецкой войны 1877–1878 гг. была передача Турцией Кипра Великобритании, в качестве «платы» за то, чтобы «владычица морей» встала на её сторону против России.

Лозаннским Договором от июля 1923 года Турецкая Республика под руководством Кемаля Ататюрка навсегда отказалась от прав на остров Кипр. Но спустя 81 год, в феврале 1959 года, Великобритания снова вернула Турцию на Кипр. 11 и 19 февраля 1959 г. были подписаны Цюрихско-лондонские соглашения, в результате которых 16 августа 1960 г. на карте мира возникло молодое государство – независимая Республика Кипр. Независимость Кипра была относительной и даже уникальной в международной практике и истории.

Республике Кипр были навязаны извне так называемые «суверенные британские военные базы», а три члена НАТО – Великобритания, Греция и Турция – по воле английских колонизаторов стали странами – «гарантами» независимости Кипра.

Спровоцированные извне столкновения между двумя основными общинами острова (греко-киприотами и турко-киприотами) в декабре 1963 года спустя 11 лет, 15 июля 1974 года, привели к военному перевороту, организованному тогдашней греческой хунтой против законного Президента страны архиепископа Макариоса III. За этим 20 июля 1974 года последовала интервенция и оккупация войсками Турции 37% северной части территории Республики Кипр. Оккупация продолжается до сих пор.

Кипрский вопрос остаётся нерешённым более 45 лет. Многочисленные Резолюции Совета Безопасности ООН по Кипру, единогласно принятые и призывающие к незамедлительному и безоговорочному выводу войск с оккупированных территорий Республики Кипр, полностью игнорируются Турцией, которая и сегодня держит на маленьком острове сорокатысячную оккупационную армию.

Черноморский бассейн, как и Большое Средиземноморье в целом, может и должен служить мирному сотрудничеству между странами региона и не только, где разные государства не должны противостоять друг другу.

Усов С.А.

**СЕВАСТОПОЛЬ В СОСТАВЕ УКРАИНЫ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР:
ДОЛГИЙ ПУТЬ В РОССИЮ**

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, г. Севастополь

К концу существования СССР в 1991 г. Севастополь занимал территорию более чем 680 квадратных километров, береговая линия превышала 105 километров. Население города с сельской зоной достигло 400 тысяч человек. При этом более 100 тысяч человек составляли ветераны труда и военной службы. Большинство населения (более 80 %) составляли этнические русские, а русский язык рассматривали в качестве родного по результатам Всесоюзной переписи более 90% жителей.

С учетом значения города как Главной базы Черноморского флота, союзного подчинения самого флота и практически всех крупнейших предприятий, таких как Севморзавод имени С. Орджоникидзе, завод «Муссон», завод имени В.И. Ленина, «Маяк», рыбопромышленного объединения «Атлантика» и многих других, распад Советского Союза практически сразу поставил их в крайне тяжелое положение. Украина не собиралась и не имела финансовых возможностей поддерживать развитие крупной промышленности, в городе начался отток населения в Россию. В 90-ые годы численность населения города уменьшилась на 25 тысяч человек.

На протяжении 90-х годов крупнейший производитель в СССР плавучих кранов и центр военного и гражданского судоремонта с численностью работников более 10-ти тысяч человек к 2013 году был практически развален, а количество сотрудников сократилось до 100 человек обслуживающего персонала.

Аналогичная судьба постигла все наиболее крупные предприятия города Севастополя. Например, уникальный завод радиоаппаратуры «Муссон» превратился в торгово-развлекательный центр. Более 70 океанских траулеров объединения «Атлантика» были арестованы в зарубежных портах и проданы за долги. Такие же разрушительные процессы под флагом приватизации земли происходили в сельской зоне Севастополя, где ранее успешно работали 5 совхозов виноградарского профиля.

Процесс деиндустриализации Севастополя сопровождался массовым выездом высококвалифицированных специалистов в Россию и страны дальнего зарубежья, перекалфикацией людей на торгово-посреднические функции. Следует особо подчеркнуть, что практически единственными действующими крупными предприятиями Севастополя в указанный период оставались предприятия Черноморского флота России.

Упадок промышленности привел к глубокой запущенности всей социально-коммунальной сферы Севастополя, которая практически не получала средств на развитие из бюджета Украины. В этом отношении показательным стал пример, что единственной школой построенной более чем за 20 лет украинского периода стала школа построенная для моряков-черноморцев по инициативе и на средства правительства Москвы в 1998 году.

В этих сложных условиях важную роль в поддержании социальной сферы Севастополя играла помощь России и правительства Москвы. В этом контексте представляется актуальным показать реализацию межправительственного соглашения «Об участии России в развитии социально-экономической сферы Севастополя», по которому Севастополь ежегодно получал до 5-ти миллионов долларов из России на инфраструктуру.

Благодаря правительству Москвы, в Севастополе было построено за эти годы 2000 квартир, детский сад, школа, филиал МГУ имени М.В. Ломоносова, реконструированы исторические здания Матросского клуба и Дома офицеров флота. Значимым фактором социально-экономической жизни Севастополя было то, что на предприятиях и учреждениях флота работали до 20-ти тысяч жителей города, производились большие налоговые отчисления в местный бюджет и пенсионный фонд.

Таким образом, к 2014 г. Севастополь практически утратил свой промышленный потенциал созданный в период СССР, исключение составляли лишь небольшие предприятия по перевалке металла и зерна из Турции и использованию порта для завоза потребительских товаров из за рубежа.

В составе Украины произошло реформирование местных органов власти. С учетом опасений руководства Украины из-за преобладающих пророссийских настроений населения и с целью прямого контроля за ситуацией в городе, исполнительная власть в городе после распада СССР была сосредоточена в руках Представителя Президента Украины в Севастополе. Единственный раз, это было в 1994 г., руководство Украины допустило прямые выборы мэра Севастополя, что усилило пророссийские настроения в городе.

Впоследствии руководство Украины всячески уклонялось от принятия закона «О городе-герое Севастополе», что предусматривалось в Конституции Украины 1996 года, имея целью не допустить право севастопольцев на выборы мэра города. Поэтому вплоть до воссоединения с Россией глава администрации города назначался указом Президента Украины.

В тоже время орган представительной власти – Горсовет избирался самим населением и все эти годы сохранял пророссийскую ориентацию, отражавшую настроения большинства жителей и отстаивал единство с Россией, сохранение Черноморского флота, защиту русского языка и культуры, а также негативное отношение к попыткам втягивания Украины в НАТО.

В этом отношении особое значение имел городской опрос (референдум) 1994 года по вопросу о придании Севастополю статуса главной базы Черноморского флота России. Абсолютное большинство участников городского опроса высказались «за» такой статус города. Несмотря на то, что результаты опроса не были реализованы на практике, он отчетливо продемонстрировал настроение жителей Севастополя.

Именно в 90-2000-е гг. в ответ на попытки украинских властей навязать так называемую украинизацию во всех сферах жизни и идею вступления Украины в НАТО, общественность Севастополя и Черноморский флот России инициировали создание памятника Российской Императрице Екатерине II, выдающемуся адмиралу Н. Кузнецову, памятных знаков в честь 300-летия Российского флота, создание мемориала в честь павших защитников Севастополя на 35-ой батарее.

Ключевым моментов в истории Севастополя этого периода была борьба как на межгосударственном уровне, так и непосредственно в городе за сохранение базирования российского Черноморского флота.

В связи с распадом СССР, руководство Украины взяло курс на фактический захват флота и вытеснение России из Севастополя и Крыма, нанося тем самым крупномасштабный ущерб интересам России. В этом контексте представляется актуальным показать выдающуюся роль командующего флотом адмирала И.В. Касатонова в сохранении для России Черноморского флота и Севастополя в сложнейшей ситуации 1992 года. В этот период флот испытывал большие трудности в продовольственном и финансовом обеспечении. Болезненный характер носил процесс сокращения его численности.

События, происходившие вокруг Черноморского флота, непосредственно затрагивали интересы практически каждой семьи в городе и вызывали мощный подъём патриотических настроений всех слоёв населения. Ярким примером этому стала живая цепь севастопольцев вокруг штаба флота в апреле 1992 года, чтобы не допустить его захвата спецслужбами Украины.

При всех политических осложнениях Черноморский флот продолжал играть важную стабилизирующую роль в регионе Чёрного моря. В этот период черноморцы выполняли миротворческую операцию в Абхазии (1992 г.), участвовали в ликвидации антигосударственных группировок в Грузии (1993 г.), доставки Российских миротворцев на Балканы (1999 г.), многочисленных контактах в военно-морской области с причерноморскими государствами, антитеррористических операциях в Средиземном море, выходили в Атлантический и Тихий океан.

Крупная роль в обеспечении боеготовности Черноморского флота в эти годы принадлежала его командующим адмиралам И. Касатонову, Э. Балтину, В. Кравченко, В. Комоедову, В. Масорину, А. Клецкову, А. Татаринову, А. Федотенкову, А. Витко. Представляется важным отметить, что все командующие обеспечивали тесное взаимодействие и сотрудничество с органами власти г. Севастополя, несмотря на различную государственную принадлежность.

Значение для России Черноморского флота в Крыму приобрело особую актуальность в 2000-е годы в контексте политике Запада по расширению НАТО на Восток и усиленных попыток втягивания в альянс Украины, что представляло серьёзную угрозу национальной безопасности России. Поэтому руководство Украины предпринимало большие усилия по вытеснению флота из Севастополя и ограничения его деятельности.

Все эти события вокруг Черноморского флота очень остро воспринимались в Севастополе и стали одним из серьёзных факторов консолидации пророссийских настроений большинства жителей и неприятия ими прозападного курса Украины.

Таким образом, после распада СССР потребовались большие усилия государственного и военного руководства России для того, чтобы политико-дипломатическими средствами сохранить для России Черноморский флот и его Основную базу в Севастополе.

Следует особо подчеркнуть, что важным фактором этого было исторически сложившееся неразрывное единство Севастополя и флота и самая активная поддержка флота со стороны населения г. Севастополя. В условиях назревавшего к концу 2013 года так называемого «Майдана» в Киеве, разрушения легитимной власти на Украине все это стало ключевым условием единения города и флота в период Русской Весны 2014 года.

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ В ПОЗДНЕРИМСКУЮ ЭПОХУ: ОТ «ГОТСКИХ» ПОХОДОВ ДО «ГУННСКОГО» НАШЕСТВИЯ

Институт археологии РАН, г. Москва

В тезисах моего доклада не будет анализа наиболее важных исторических событий, происшедших в II–IV вв. н.э. в регионе, именуемом «Юго-Западный Крым». Об этом написаны многочисленные статьи и монографии (см.: [5], [11]). Я хотел бы остановиться на точности и вариативности определения каждого из предложенных в заглавии терминов.

Юго-Западный Крым. В научной литературе по крымской археологии часто встречается термин «Юго-Западный Крым», причем практически ни в одном издании не указаны четкие границы региона, но используются одни и те же карты с теми же памятниками [1], [2], [3], [4], [5]. Возникает закономерный вопрос: «Юго-Западный Крым» – это термин географический или культурно-исторический? Рассмотрим обе точки зрения.

Географический термин. Приведем определение региона: «**Юго-Западный Крым**» (ЮЗК) – географический регион на юго-западе Крымского полуострова, расположенный к юго-западу от транспортного центра полуострова – Симферополя. К ЮЗК обычно относят всю территорию Бахчисарайского района Республики Крым и сельскую округу Севастополя вместе с самим городом. Иногда регион выделяют по речным бассейнам: ЮЗК – это территория южнее Альмы¹. С этой точки зрения, большинство всех археологических памятников позднееримской эпохи расположено вблизи Херсонеса и может быть отнесено: либо к дальней хоре Херсонеса, либо к зоне его сильного влияния.

В вопросе определения географических границ «Юго-Западного Крыма» есть и иная точка зрения. Ее приводит С.В. Ушаков, опираясь на работу П.Д. Подгорецкого [11, с. 10], [9, с. 150]. Он пишет следующее: «В Горном Крыму можно выделить юго-западную и юго-восточную провинции, граница между которыми протекает между г. Чатырдаг с одной стороны, и г. Демерджи и Долгоруковой Яйлой, с другой стороны; далее к северу эта граница идет по водоразделу р. Салгир ... В физико-географическом отношении к нему относятся: **I. Предгорная местность.** 1. Чернореченский район. 2. Юго-западная (большая) часть северного предгорного района. 3. Юго-западная (большая) часть южного предгорного района. **II. Главная гряда.** 5. Западный район. 6. Центральный район. **III. Южный берег.** 8. Западный район ... Можно заметить, что в археологической и исторической литературе Южный берег Крыма (ЮБК) обычно отделяется от горной части полуострова. Однако с точки зрения природных условий [и, добавим, исторических судеб] они составляют единое целое. Все это и позволило перечисленные выше районы рассмотреть как географическую среду горного и предгорного **Юго-Западного Крыма** в широком смысле слова» [11, с. 10]. С этой точки зрения, в область «Юго-Западного Крыма» входят также памятники не только ближней и

¹ Крымов А. Юго-Западный Крым. Определение [Электронный ресурс] // URL: https://akrymov.wikia.org/ru/wiki/%D0%AE%D0%B3%D0%BE%D0%97%D0%B0%D0%BF%D0%B0%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%9A%D1%80%D1%8B%D0%BC (дата обращения: 05.09.2019).

дальней хоры Херсонеса, но и памятники, сильно удаленные от метрополии, такие как могильники Чатыр-Даг, Перевальное, Лучистое на Главной горной гряде, могильники Нейзац и Дружное на Внешней гряде и могильник Ай-Тодор на Южном берегу [11, рис. 7–8].

Культурно-исторический термин. Существуют и иные определения региона «Юго-Западный Крым», сделанные с опорой на археологические памятники. Так, А.К. Амброз в главе докторской диссертации «Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв.» пишет, что им рассматриваются памятники археолого-этнографической общности, иногда называемой «культурой Суук-Су», существовавшей в небольшой области между морем и невысокими обрывами Внешней крымской гряды. Незаселенной порубежной полосой между обитателями Юго-Западного Крыма и степняками стала низкая Внешняя гряда. [6, с. 31]. На карте, прилагаемой к тексту, видно, что большинство памятников IV–V вв. н.э. тяготеют к Херсонесу, как бы окаймляя его хору, и лишь далеко, через значительное пустое пространство на карте выделяется еще 2 группы могильников 1: Заветное, Озерное III, Скалистое, Чатыр-Даг; 2: Ай-Тодор [6, рис. 4, 5: 6–10].

Приведу для примера также работу Н.Н. Болгова [7, с. 25–26]. Он пишет следующее: *«Для Северного Причерноморья позднеантичного времени можно выделить единственную периферийную контактную зону близ античного центра, испытавшую значительное античное влияние. Это Юго-Западный Крым близ Херсонеса. Данный регион можно разделить в широком смысле на три части: собственно Юго-Западный Крым, Горный Крым с Яйлой, Южный берег Крыма. Территория Юго-Западного Крыма составляет около 3200 кв. км и была относительно плотно заселена, особенно в междуречье Бельбека и Черной»* [7, с. 25–26]. В итоге, по Н.Н. Болгову, периферийная контактная зона, именованная им как «Юго-Западный Крым» простирается вплоть до Судака и Симферополя.

А.И. Айбабин не указывает в своих работах границ данного региона, но приводит карты могильников «Юго-Западного Крыма», на которых видно, что он включает в этот ареал и позднескифские памятники предгорного Крыма, и могильники Дружное и Нейзац, расположенные у подножья Внешней гряды, не говоря о сильно удаленных от Херсонеса могильниках Чатыр-Даг Главной гряды и Ай-Тодор на Южном берегу Крыма [1], [2], [3], [4], [5].

Зададимся вопросом: насколько изменится культурно-историческая парадигма позднеримского периода, если не привлекать к анализу в рамках «Юго-Западного Крыма» материалы раскопок сильно удаленных от Херсонеса «сармато-аланских» некрополей Дружное и Нейзац или «германских» могильников с кремациями Чатыр-Даг и Ай Тодор? Получится совершенно иная картина, отличающаяся от известных ярких полотен, написанных А.И. Айбабиным, как черно-белое кино от цветного. По моему мнению, проблема выделения региона как культурно-исторического ареала в другом. Для каждого региона речь должна идти о центре власти и его контактной зоне, где еще ощущается сильное влияние центра. Для «Юго-Западного Крыма» им был, несомненно, Херсонес, и это фиксируется по материалу большинства некрополей, входящих в данный регион. Не следует забывать и о факте римского присутствия в Херсонесе, в Алма-Кермене и Хараксе. Некрополи Дружное-Нейзац (нейзацкая археологическая культура по И.Н. Храпунову) предгорного Крыма находились не в зоне влияния данного центра: на раннем этапе (I – рубеж II/III вв. н.э.) – в зоне влияния Неаполя

Скифского, а в позднеримскую эпоху – в контактной зоне между Херсонесом и Пантикапеем, либо же в зоне неизвестного нам центра [13, с. 42–43].

То же можно сказать и о могильнике Чатыр-Даг, расположенном на восточной границе региона «Юго-Западный Крым». Он находится в контактной зоне между Херсонесом и Пантикапеем и, скорее всего, основан как пограничный/таможенный пункт на границе их владений после побед Савромата II, присоединения Таврики по договору 193 года (Корпус боспорских надписей № 1237) и событий «Боспорской войны» [14, с. 145–148]. Таким образом, я полагаю, что в культурно-исторический регион «Юго-Западный Крым» нужно включать лишь памятники, находящиеся в зоне влияния Херсонеса и расположенные вблизи границ его хоры.

Позднеримское время. Казалось бы, термин всем вполне понятный, но в применении к материалам «Юго-Западного Крыма» он также получил не совсем верное значение. Это касается, прежде всего, ряда работ А.И. Айбабина, упомянутых выше. Авторская концепция появления германцев и сарматов/аланов около середины III в. н.э. привела к некоторым искажениям реальной исторической картины. Суть проблемы в том, что автором рассматриваются лишь те памятники, где представлены комплексы, несущие черты новой культуры (памятники типа «Озерное-Инкерман») [16], [17], [13 с. 42], либо комплексы, связанные с памятниками типа «Ай-Тодор» [8, с. 29–31]. Это население сменило в эпоху начала «готских походов» позднескифское и стало доминировать вплоть до гуннского нашествия.

Все было бы хорошо, если бы «позднеримский период» начинался в середине III в. н.э., но для Центральной и Восточной Европы и Скандинавии он начинается на 100 лет раньше, в эпоху Антонина Пия и Марка Аврелия, в эпоху Маркоманнских войн [15]. Начинать рассмотрение памятников Юго-Западного Крыма позднеримского времени нужно с позднескифских некрополей предгорной/горной зоны середины – второй половины II века н.э. Помимо этого, при планомерных раскопках некрополей середины III–IV вв. н.э., приписываемых аллохтонам–сарматам/аланам, оказалось, что резкой смены материальной культуры в середине III века не происходит, и эти памятники возникли не в середине III в. н.э., а еще в I–II вв. н.э. [13, с. 42–43]. Подбойные и грунтовые могилы, ряд типов склепов, приписываемые сарматам, оказались характерными погребальными сооружениями и для ряда позднескифских некрополей вблизи Херсонеса [10, с. 195–198].

«Готские походы». Можно еще раз, вслед за М.М. Казанским, описать германские типы вещей, которые характерны как для культуры «Озерное-Инкерман», так и для памятников типа «Ай-Тодор», а также вновь выделить некрополи, где встречены различные варианты погребений по обряду кремации [8, с. 26–42]. Суть проблемы в ином: насколько мы можем связывать эти комплексы с готами? С готами связана вельбаркская и черняховская культуры, и в этом случае искать параллели нужно именно там [5, с. 40]. Но получается странная картина с большинством памятников, где встречены вещи вельбаркского или черняховского круга [8, с. 28–32]. Эти типы вещей встречены в комплексах, которые по погребальному обряду, типам погребального инвентаря не могут считаться «готскими» или вообще германскими. И.Н. Храпунов, анализируя эту проблему, пишет следующее: *«Приведено много примеров совпадения погребальных обрядов, зафиксированных при раскопках крымских некрополей, с одной стороны, и могильников черняховской, вельбарской, пшеворской культур, а также расположенных в Скандинавии –*

с другой. Однако не меньше и отличий, а самое главное, ни один из крымских могильников не может быть по совокупности признаков отнесен к конкретной археологической культуре. В погребальном инвентаре крымских некрополей с кремациями сочетаются вещи германские, античные и сарматские. Такое положение дел не дало пока возможности убедительно отождествить население Крыма позднеримского времени с тем или иным германским племенем или племенами» [12, с. 71].

Этот пассаж не касается памятников типа «Ай-Тодор» на Южном берегу Крыма, где сочетание обряда кремации с погребальным инвентарем свидетельствует о том, что данные некрополи были оставлены германцами. Сможем ли мы в будущем определить, каким племенам они принадлежали? Думаю, что маловероятно, и сегодня уже очевидно, что в движении «готов» в Причерноморье приняли участие различные германские и не германские племена. Этот феномен во многом объясним теорией «снежного кома» Б. Контны. Согласно ей, начальная группа переселенцев-воинов увеличивалась по мере продвижения вперёд. Если это движение началось в Скандинавии, нетрудно понять, откуда взялись черты балтской и пшеворской культуры. Такая полиэтничная группа, оказавшаяся вдали от родины и не имевшая крепкого культурного фона, легко менялась, формируя новую эклектичную модель [18, р. 208, 212].

«Гуннское нашествие». Обычно, появление гуннов в Крыму относят к 375 году н.э., либо к более позднему времени. А.И. Айбабин считает, что гунны появились на полуострове уже после своего утверждения в Северном Причерноморье – на рубеже IV–V вв. Контролируемая гуннами степная территория простиралась до возвышенностей Внешней гряды в Центральном Крыму [4, с. 21]. Можно видеть на картах, что в «Юго-Западный Крым» гунны не проникли, ближайшие памятники, которые можно связать с гуннами, находятся далеко на северо-востоке. Важно отметить следующие моменты: в 374–376 годах происходит очередной политический и экономический кризис в Северном Причерноморье: с востока появляются новые кочевники – гунны, сметая и уничтожая все на своем пути. Разбиты аланы, готы терпят поражение за поражением, толпы мирного населения бегут к Дунаю, умоляя римлян спасти их семьи. Это – конец старым, налаженным торговым и экономическим связям внутри понтийского региона. Нет следов страшных пожаров и разрушений в городах и сельских поселениях, но старому миру вновь приходит конец, мастера уезжают, закрываются мастерские, зарываются клады, корабли перестают в течение нескольких лет возить вино, масло, сыпучие продукты, красивую стеклянную и краснолаковую посуду в опасный и беспокойный регион.

После краткого периода – относительно мирного для Боспора и совершенно мирного для Херсонеса, в последней трети IV века главными поставщиками модной краснолаковой посуды в Северное Причерноморье становятся Фокея, Кипр и керамические мастерские Африки. С Синопой налаживается импорт вина и масла в новой таре, появляются новые типы стеклянных стаканов, украшенные каплями синего стекла, новая керамическая тара заменяет собой старую: светлоглиняные узкогорлые амфоры типа «Е» по Д.Б. Шелову, амфоры типа «carotte», красноглиняные амфоры типов 95, 98, 99, 102, 103 по И. Б. Зеест. Это уже «гуннская» эпоха и термин «гуннское нашествие» надо воспринимать как некий хронологический рубеж, за которым начинается новая эпоха – эпоха Великого переселения народов [15, с. 191–192].

Литература

1. Айбабин А.И. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода // Советская археология. 1984. № 1. С. 104–122.
2. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии (МАИЭТ). 1990. Вып. I. С. 3–86, 175–241.
3. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. 352 с.
4. Айбабин А.И. Крым в середине III – начале VI века (период миграций) // Археология: В 20-ти т. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века // Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 10–26.
5. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III–VII вв.). Симферополь: ООО «Антиква», 2017. 366 с.
6. Амброс А.К. Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. 1994/1995. Вып. IV. С. 31–88.
7. Болгов Н.Н. Юго-Западный Крым позднеантичного времени – контактная зона // Акта. Сборник научных трудов / отв. ред. А.В. Махлаюк. Нижний Новгород, 2002. С. 25–34.
8. Казанский М. М. Германцы в Юго-Западном Крыму в позднеримское время и в эпоху великого переселения народов // Готы и Рим / гл. ред. Р.В. Терпиловский. К., 2006. С. 26–41.
9. Подгородецкий П.Д. Крым: Природа. Симферополь: Таврия, 1988. 192 с.
10. Свиридов А.Н., Язиков С.В. Погребальные обряды могильника римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму // Краткие сообщения института археолога. № 255. М.: ИА РАН, 2019. С. 185–201.
11. Ушаков С.В. Варвары горной Таврики на рубеже эпох: Этническая ситуация в Юго-Западном Крыму (III – середина VI вв. н.э.). Опыт реконструкции. Археологический альманах, № 23. Донецк: «Донбасс», 2010. 180 с.
12. Храпунов И.Н. Северные варвары в Крыму: история исследования / Международная конференция «Inter Ambo Maria. Контакты между Скандинавией и Крымом в римское время». 21–25 окт. 2010 г., Гаспра, Крым: Тез. докл. Симферополь, 2010. С. 62–72.
13. Храпунов И.Н. Археологическая культура позднеримского времени в предгорном Крыму. // Российская археология. № 1. 2019. С. 32–49.
14. Шаров О.В. В поисках страны «Ойум»: эпос или реальность? // Древности Западного Кавказа. Краснодар, 2013. С. 118–155.
15. Шаров О.В. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг. СПб.: Нестор-история, 2007. 208 с.
16. Юрочкин В.Ю. Черняховская керамика юго-западного Крыма // Херсонесский сборник. 1999. Вып. X. С. 257–274.
17. Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А. Хронология могильников Центрального и Юго-Западного Крыма III–IV вв. н.э. // Древняя Таврика. Симферополь, 2007. С. 359–382.
18. Kontny B. New Traces to Solve the Riddle: Weapons from Chatyr-Dag in the Light of Current Research // Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards to Black Sea. Kristiansand; Simferopol: Dolya Publishing House, 2013. P. 196–212.

**МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ
И УГРОЗЫ РОССИИ**

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь

С начала 1990-х гг. в развитии мира отчетливо проявились несколько фундаментальных тенденций. США, после разрушения СССР, становятся единственной сверхдержавой, реализующей свою мощь и экстраполирующей её на глобальное окружение. Однако американское доминирование отражало «момент однополярности», а со временем мощь США всё больше подвергается диффузии, и в системе международных отношений развивается тенденция к многополярности.

Осуществлялся бурный рост экономики в треугольнике Северная Америка – Западная Европа – Восточная Азия, в результате которого развитое меньшинство подчиняло огромное большинство людей. На этой основе произошла универсализация рыночной экономики и демократических политических ценностей, западных по своему происхождению. Проявился феномен глобализации, выступавшей в своей основе как объективный процесс, но допускающий его использование совокупным Западом во главе с США, которые успешно «оседлывали» глобализационные волны. Модернизация через вестернизацию встретила неоднозначную реакцию в странах, относящихся к другим цивилизациям, тем более, что многие из них, в том числе и Россия, не стали «чемпионами глобализации».

В мире происходило дальнейшее развитие НТР в виде информационной и технологической революций. Под давлением внешних и внутренних сил происходило ослабление государств-наций, что приводило к формированию многочисленных противоречий, чреватых неуправляемостью мировых процессов, даже при всей мощи Запада. Росла поляризация богатого меньшинства и бедного большинства, которая все чаще интерпретировалась в понятиях «Север» и «Юг».

В этих условиях и «чемпионы глобализации», и «лузеры» обращались к новой идентичности, базирующейся на возврате к традициям, исконной религии, своему историческому опыту. Одни – для того чтобы обосновать свой успех, другие – чтобы пережить, опираясь на привычный опыт, горечь неудач и сконцентрироваться для нового витка конкурентной борьбы. В любом случае мы видим феномен «возвращения прошлого», дающий силу в настоящем. В крайних формах этот процесс проявился в экстремистских тенденциях в политической сфере.

С начала 2000-х гг. все в большей мере на международной арене вырисовывались новые центры силы, формирующие многополярную структуру мира. Образуется группа БРИК, позднее БРИКС – наиболее динамично развивающиеся центры силы. При этом Россия прошла сложный путь государства, в значительной мере потерявшего свой суверенитет в начале 1990-х годов, к «государству-корпорации» начала 2000-х годов и возвращению себе статуса «великой державы» в последующий период.

Отмечается значительный рост численности населения планеты, преимущественно его бедной части. В 2019 году численность населения Земли достигла 7,7 млрд человек. А это ставит вопрос об управляемости международно-политическими процессами. Снижение уровня управляемости проявилось, в частно-

сти, в масштабных миграционных процессах, в ходе которых значительные массы людей в погоне за экономическим успехом перемещались на пространства чуждых им цивилизационных канонов. В связи с интенсивной разработкой природных ресурсов проявилась тенденция оскудения земной оболочки минеральным сырьем, что обозначало проблему «борьбы за ресурсы», в первую очередь – энергетические.

Мировой финансовый и экономический кризис, начавшийся в 2008 году нанес сокрушительный удар по социально-экономической сфере «великих держав», обостряя весь комплекс проблем, имманентно присущих капиталистической экономике, и ставя вопрос об исчерпанности возможностей современной модели капитализма. Этот кризис наглядно продемонстрировал ограниченность возможности регулирования социально-экономических проблем в рамках «неолиберальных» доктрин и экономики «свободного рынка». Проявился кризис глобализации. Обозначился раскол и противостояние в обществах, и предметом споров стали базовые вопросы: источники и цели национальной мощи, использование силы, роль международных институтов. В мире появились новые вызовы и угрозы, против которых прежние институты не работают.

В этих условиях Россия в августе 2008 года в ходе «пятидневной войны» была вынуждена, защищая своих миротворцев и граждан в Южной Осетии, вступить в конфликт с напавшей на них Грузией. Затем последовал государственный переворот на Украине в 2014 году, реакция на него населения Крыма, выразившаяся в результатах референдума по воссоединению с Россией, и возвращение полуострова в «родную гавань». А на юго-востоке Украины вспыхнул ожесточенный гражданский конфликт. Россия стала оказывать поддержку жителям ДНР и ЛНР. Последовало введение санкций против России со стороны стран Запада. Эти процессы демонстрировали несогласие совокупного Запада с новой ролью России – ролью великой державы.

Реакция российского руководства на новую ситуацию в мире нашла выражение в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640. В документе, в частности, говорится о формировании полицентричной международной системы; о сокращении возможностей исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике; о проявлении многообразия культур и цивилизаций в мире, и множественности моделей развития государств; о том, что конкуренция не только охватывает человеческий, научный и технологический потенциалы, но и все больше приобретает цивилизационный характер, форму соперничества ценностных ориентиров; о том, что стремление западных государств удержать свои позиции приводит к нарастанию нестабильности в международных отношениях, усилению турбулентности на глобальном и региональном уровнях; что борьба за доминирование в формировании ключевых принципов организации будущей международной системы становится главной тенденцией современного этапа мирового развития.

В документе подчеркивается, что в условиях роста нестабильности мировой системы повышается роль фактора силы в международных отношениях; возрастают риски возникновения региональных конфликтов; что, наряду с военной мощью, актуализируются такие факторы влияния государств, как экономические, правовые, технологические, информационные, и неотъемлемой составляющей международной политики становится использование инструментов «мягкой силы», прежде всего возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных,

гуманитарных и других методов и технологий; что особую актуальность приобретают коллективные подходы к управлению международной экономикой, укрепление транспарентности в глобальном торгово-экономическом пространстве; что наметившаяся смена технологического уклада способна привести к дальнейшему обострению экономического соперничества, ускорить перераспределение сил на международной арене; что одной из наиболее опасных реалий современного мира становится усиление угрозы международного терроризма.

Для формирования «ответов» России на возникающие вызовы и угрозы особенно важны, во-первых, формирование полицентричности с обеспечением в ней достойного места для себя; во-вторых, преодоление кризиса идеологии; в-третьих, это императив консолидации национальной элиты, как залог успешного международного и внутреннего курса; в-четвертых, это адекватная реакция на ожидаемую смену технологического уклада, когда мир стоит на пороге шестого технологического уклада. Его контуры только начинают складываться и характеризуются развитием и применением наукоёмких технологий. Решение этих задач, как представляется, должно составить основу перспективного политического курса Российского государства.

МАТЕРИАЛЫ К КРУГЛОМУ СТОЛУ

«Актуальные проблемы археологии Юго-Западного Крыма»

УДК 904

Ушаков С.В.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, г. Севастополь

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

Херсонес Таврический – один из важнейших центров античной цивилизации в Причерноморье, дорическо-ионический полис, превратившийся в крупное «территориальное» государство, охватившее весь Западный Крым практически от Перекопа до Бухты Символов (Балаклавы). Изучается с 1827 г. Исследовано городище (более 30 га, раскопано до 1/3 площади), некрополь, ближняя (на Гераклеяском п-ве) и дальняя (п-в Тарханкут и Северо-Западный Крым) хора. Многочисленные находки хранятся в основном в фондах Музея-заповедника (более 200 000 ед. хран.), а также в Археологическом музее г. Одессы, Государственном историческом музее (Москва) и Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург). Архивные и графические материалы хранятся в архиве музея (документальные материалы – более 4000 ед. хран.; фонд чертежей – 7500 ед. хран.). Античному Херсонесу посвящена многочисленная научная литература: издание библиографии античных археологических исследований в бассейне Чёрного моря, относящихся к нему, насчитывает 2016 работ [12, р. 244–414].

Однако масштабы, качество и скорость научных публикаций сильно отстают от количества раскопанных объектов. В отличие от работ Г.Д. Белова, научные отчёты о раскопках в большинстве своём малодоступны для исследователей. Публикация коллекций фондов – также скорее исключение, чем правило. Лучше всего изучена коллекция архитектуры (работы А.В. Буйских), амфор [7]; неплохо представлена часть чернолаковой и расписной парадной керамики (например: [3]), сероглиняной посуды с чёрным покрытием [14]. Исследуется нумизматика (работы Е.Я. Туровского), эпиграфика (И.А. Макаров). Опубликовано отдельные находки, комплексы и группы материалов (например: [11], [13], [14]).

В прошлые годы появился ряд фундаментальных работ, обзорные или посвящённые отдельным проблемам исследования Херсонеса [1], [2], [6]. Однако они опираются не на весь накопленный массив археологических данных: первые две носят характер исторических очерков, а книга А.В. Буйских подводит итоги архитектурно-археологическому изучению Херсонеса на всём протяжении его античной истории и также специально не анализирует археологические материалы.

Наиболее дискуссионной выглядит проблема основания и становления херсонесского полиса. Идея Г. Шнайдервирта – А.А. Тюменева о времени его основания как 423/422 г. до н.э. осталась сейчас только в анналах историографии, а

концепцию М.И. Золотарёва – Ю.Г. Виноградова о раннем основании полиса на берегу Карантинной бухты (528 г.) [4] поддерживают немногие исследователи. При этом она не подвергается детальному анализу по всем группам источников, лишь отмечается, что имеющиеся археологические материалы не подтверждают прямую дату основания Херсонеса в VI в. [1]. Недостаточно исследованными выглядят и другие проблемы – система взаимоотношений Херсонеса с греческим миром и окрестными варварами, а также его внутренняя история в эллинистическую, митридатовскую или римскую эпохи. Особого внимания заслуживает финальный этап античной истории Херсонесского государства. Если опираться на археологические данные и концепцию «Большой античности», то его верхнюю хронологическую границу необходимо продлить до конца VI – начала VII вв. [8], [9], а периодизацию истории и хронологию следует пересмотреть [10].

В качестве первоочередных задач следует отметить подведение историографических итогов изучения Херсонеса (городище, некрополь, хора), (пере) публикацию на современном научном уровне основных исследованных историко-археологических комплексов и отдельных групп материалов, подготовку квалифицированных кадров с использованием ресурсов ведущих российских и крымских учебных заведений.

Представляется актуальным и необходимым возобновление и проведение масштабных исследований с упором на хронологию и использование «цифровой археологии» в самом Херсонесе с детальной и оперативной публикацией их результатов в отечественных и зарубежных рейтинговых изданиях.

Литература

1. Буйских А.В. Херсонес Таврический в VI в. до н.э.: реальность историческая или археологическая? // Античный мир и археология. 2006. Вып. 12. С. 263–277.
2. Буйских А.В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии (МАИЭТ). Supplementum. Вып. 5. Симферополь, 2008. 424 с.
3. Вдовиченко И.И., Жесткова Г.И. Расписная керамика Херсонеса Таврического (Раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича и Р.Х. Лепера). Рубежи Ойкумены // Stratum plus, 3, 2011. С. 15–126.
4. Виноградов Ю.Г., Золотарёв М.И. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы М., 1999. С. 91–129.
5. Золотарёв М.И. Херсонес Таврический: основание и становление полиса // Херсонесский сборник. 2005. Вып. XIV. С. 13–44.
6. Зубарь В.М. Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его окружи (2014–2005 гг. Т. I. Т. II // МАИЭТ. Supplementum. Вып. 6. Симферополь, 2009. 496 с.
7. Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б. Амфоры V-II вв. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»: Каталог. Саратов: Типография «Новый проект», 2017. 208 с.
8. Ушаков С.В. О рубеже между античностью и средневековьем: исторический и археологический подходы (на примере Херсонеса Таврического) [Электронный ресурс] // Ломоносовские чтения 2017 года: Сборник материалов научной конференции (22 марта 2017 года, г. Севастополь). Севастополь: Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2017. С. 30–31.
9. Ушаков С.В. О хронологии позднеантичного Причерноморья: Ольвия, Херсонес и Боспор (археологический аспект) // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной конференции. Часть 2. СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2018. С. 121–127.
10. Ушаков С.В. Херсонес Таврический: проблемы периодизация и хронологии // Ломоносовские чтения: Материалы ежегодной научной конференции МГУ (3–5 апреля 2019 года, г. Севастополь) / Под ред. О.А. Шпырко, В.В. Хапаева, С.И. Рубцовой и др. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2019. С. 103–104.

11. Ушаков С.В., Дорошко В.В., Дорошко О.П. Херсонесская сигиллята: основные типы и хронология (по материалам раскопок городища Херсонеса и могильника «Совхоз-10») // История и археология Крыма. Вып. VI. Сборник статей / Ответственный редактор В. В. Майко. Симферополь: ИП Бровко А.А., 2017. С. 54–93, 157–163.
12. Cojocaru V. Bibliographia classica orae Septentrionalis Ponti Euxini. Vol. II. Archaeologica. Cluj-Napoca: Editura MEGA, 2018.
13. Ušakov S., Bočarov S. Chersonesos Taurike und die Ägäis: Neue archäologische Fundkomplexe im 5.–3. Jahrhundert v. Chr. // Interconnectivity in the Mediterranean and Pontic World during the Hellenistic and Roman Periods / ed.: Victor Cojocaru, Altay Coşkun, Mădălina Dana. Cluj-Napoca: Mega, 2014. S. 229–250.
14. Ushakov S., Strukova K. Grey Ware with Black Coating from Chersonesos: Research Problems and New Findings // Traditions and Innovations. Tracking the Development of Pottery from the Late Classical to the Early Imperial Periods. Proceeding of the 1st Conference of IARPotHP. Berlin, November 2013, 7–10th. Edited by Saran Japp and Patrisia Kögler. Wien: Phoibos Verlag, 2016. P. 479–489.

**АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ
РУССКО-ВИЗАНТИЙСКОЙ ВОЙНЫ 987-988 ГОДОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ИСТОРИКА-МЕДИЕВИСТА**

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, г. Севастополь

В 2017 году исполнилось 190 лет со времени начала раскопок Херсонеса. В течение этого времени археологическое изучение как самого городища, так и его окрестностей, происходило крайне неравномерно. После первых раскопок 1827 года этот процесс остановился на четверть века, возобновился было в 1852–1853 годах, и снова замер с началом Крымской войны. В 70-е годы XIX века раскопки проводились спорадически, а регулярными стали лишь с 1888 года, когда их возглавил К.К. Косцюшко-Валюжинич. Затем были перерывы, связанные с Гражданской и Великой Отечественной войнами. В остальное время раскопки были то очень масштабными (в начале XX века, в 30-е и 60-е годы), то затихали.

Несмотря на то, что история Херсонеса (как античного, так и средневекового) довольно хорошо освещена в письменных источниках, его раскопки почти никогда не проводились, исходя из задач исторической науки по уточнению и верификации данных письменных источников. Пожалуй, только у самых первых – 1827 года, которые проводились плантером Черноморского флота Карлом Крузе [7], такая цель была – обнаружить место крещения князя Владимира, хотя и она официально не формулировалась. В археологических исследованиях Херсонеса случайные находки – архитектурных памятников, эпиграфики, ценных артефактов – становились поводом для исторических гипотез, привлекались в качестве иллюстрации данных письменных источников.

Приведу несколько ярких примеров. В 1836 году Н.Н. Мурзакевичем было высказано предположение, что открытый К. Крузе крестообразный храм на Агоре был местом крещения князя Владимира. В 1851 году З.А. Аркас высказал это же предположение об Уваровской базилике, а в 1897 году К.К. Косцюшко-Валюжинич связал ключевое событие древнерусской истории с только что найденным им Храмом с ковчегом. Находка костяного наконечника епископского посоха с надписью, датируемой по палеографическим признакам IV в. н.э., была соотнесена с Житиями св. епископов Херсонских и протоколами II Вселенского (I Константинопольского) собора 381 года, подписанными херсонским епископом Эферием. Раскопанная в 1890 году Базилика на Холме в 1994 г. была соотнесена С.А. Беляевым с храмом св. Василия, построенным князем Владимиром в память о его крещении. Почетный декрет в честь Диофанта был коррелирован с сообщениями Страбона и т.д.

Случаев, когда археологическую повестку формулировали бы историки, в ходе изучения Херсонеса еще не было ни разу. Хотя в мировой археологии такие случаи не редкость: именно в этой парадигме развивается археология Древнего Египта, Месопотамии, в меньшей степени – Греции и Рима. В средневековой археологии такие случаи реже, но также встречаются. Например, одной из старейших задач отечественной археологии является проблема изучения поля Куликовской битвы.

Херсонесская археология в настоящее время находится в кризисе: раскопок проводится все меньше. Практически все они носят либо охранный характер (на хоре), либо представляют собой незначительные по площади исследования ранее обнаруженных памятников. Больших комплексных исследований целых кварталов, которые в последний раз проводились в 60–70-е годы XX века, уже не было давно. Мы наблюдаем два разнонаправленных процесса. С одной стороны, значительно вырос методологический уровень археологических исследований: в наши дни даже небольшие по площади раскопки дают больше информации, чем сотни квадратных метров площадей, вскрывавшихся ежегодно в разных районах городища и хоры в начале XX века. С другой стороны, сами раскопки становятся все более хаотичными территориально, и подчиняются не столько научным задачам, сколько сиюминутной целесообразности, связанной, в первую очередь, с современной застройкой.

Побочным результатом сложившейся ситуации является то, что Херсонес все больше ассоциируется у общественности не с научными исследованиями и открытиями, а с масштабными медийными проектами и фестивалями, проводимыми на его территории. Нельзя отрицать их полезность – популяризация Херсонеса способна привлечь к нему не только внимание публики, но и серьезное финансирование на проведение научных исследований. Но чтобы получить его, необходимо четко сформулировать научную повестку дальнейших раскопок – на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективы. И сделать это должны, в первую очередь, не музейные работники (у них – другие задачи, и они с ними справляются), а представители научного сообщества – как академического, так и вузовского. Для этого необходима широкая дискуссия по данному вопросу: проведение круглых столов, семинаров, публикация тематических научных сборников. Полагаю, что за год – два такая повестка может быть сформирована и вылиться в крупные грантовые (или даже мегагрантовые) проекты.

Вот – те острые и дискуссионные проблемы херсонесской истории, которые на взгляд историка-византиниста, долгое время занимающегося изучением истории Херсона средневизантийского периода, могут быть поставлены и решены путем проведения археологических раскопок.

1. Вопрос об основной зоне боевых действий русско-византийской войны 987–988 гг. (летописной Корсунской осады). По данному вопросу в историографии высказывались противоположные точки зрения [6, с. 324–328], но в настоящее время большинство исследователей склоняется к ее локализации у западных стен Херсонеса, в районе 4–6 куртин и III–V башен. Продолжение раскопок в этом месте, проводившихся лишь однажды – Р.Х. Лепером в 1914 году [2, с. 63], вероятно, позволит обнаружить артефакты, связанные с осадой и обороной, в том числе такие хорошо датирующие, как наконечники стрел. Кроме того, будет изучен крепостной ров, обнаруженный, но не раскопанный Лепером, а его размеры можно будет соотнести с указанными в византийском воинском трактате «Как выдерживать осаду» [8, р. 163], [5, с. 163]. Можно будет проследить длину и устройство уникального для Херсонеса объекта фортификации – двойной протейхизмы, установить дату, а, возможно, и обстоятельства ее постройки. Музеефикация этого беспримерного по мощности узла обороны, выходящего к скверу имени А. Ахматовой, дала бы возможность «оживить» западный вход в Херсонесский музей-заповедник, создать новый экскурсионный маршрут по городищу, альтернативный традиционному – с запада

на восток, открыло бы путь к музеефикации и включению в план экскурсионного показа и других памятников Западного района – Западного Загородного храма (св. Созонта?), Западной базилики (монастыря св. Леонтия?), Базилики на Холме. Не исключено, что вышеперечисленные раскопки (если они будут проводиться с двух сторон стены) позволят найти и летописный подкоп херсонитов под осадный вал (приспу), соорудившийся, но так и не законченный воинами Владимира.

Вопрос о месте, где рассыпали «посреди города» вынесенную из подкопа землю херсониты, может быть решен исследованием местности вокруг Базилики на холме, которую раскапывал С.А. Беляев. Однако его исследования не были завершены, а проведенные не вполне качественно документированы. Тем не менее, С.А. Беляев обнаружил возле базилики, но не раскрыл на значительном пространстве городскую площадь, вымощенную «кулачным камнем», и предположил, что земля из подкопа ссыпалась именно сюда [1, с. 29–30, 37]. Это интереснейшее предположение нуждается в проверке.

2. Существуют перспективы решения еще одной застарелой историографической проблемы – атрибуции и локализации «земляного пути», по которому, согласно «Житию Владимира особого состава», в осажденный Херсон «корабленицы» доставляли продовольствие. По этому вопросу существует две гипотезы – о том, что это был подземный ход, и о том, что это была скрытая камышами дамба, проходившая по болоту вдоль южных оборонительных стен. Путем к разрешению этой дилеммы, а, возможно, и к объединению обеих гипотез, могло бы стать исследование (а по сути повторное обнаружение) одного из самых загадочных культовых сооружений Херсонеса – так называемой «второй базилики Крузе», где К. Крузе летом 1827 года обнаружил заполненный ядовитыми газами (метаном? сероводородом?) подземный ход, в котором он потерял сознание и чуть не погиб. Больше этот ход никогда и никем не исследовался, а храм не раскапывался, в настоящее время утерян и локализуется лишь предположительно как храм № 17, в основном, по словесным указаниям и плану Ф. Дюбуа де Монпере, которому этот объект показывал сам К. Крузе, проводивший в Херсонесе всего один, но зато очень результативный полевой сезон.

Повторное обнаружение подземного хода, особенно если окажется, что он ведет за пределы южной оборонительной стены, в направлении исторического болота и обнаруженной раскопками Н.В. Пятышевой дамбы [3], позволит не только подтвердить данные «Жития особого состава» о «земляном пути» продовольственного снабжения осажденных, но и поставит точку в споре о датировке и достоверности самого Жития, которое дошло до нас в поздних списках XVII века, но датируется многими историками очень ранним временем – ближе к началу XI в.

3. Разрешимой археологическими методами, на мой взгляд, является и старейшая проблема херсонесской археологии – локализация места крещения и венчания князя Владимира. Решить эту задачу напрямую невозможно – храмы-кандидаты (Крестообразный № 27, Базилика № 28 и Уваровская базилика) раскопаны в XIX веке, и на сегодняшний день новой археологической информации содержать не могут. Однако археологически разрешимой является смежная задача – попытка обнаружена потестарных зданий, в которых находились летописные «палаты» князя Владимира и принцессы Анны, которые, согласно древнерусским летописям (в этом вопросе совершенно единодушным) простояли «до второго курсунского взятия», то есть до гибели города во второй половине XIII века. Раскопки VII квартала, находящегося «за алтарем» (летописная формулировка) храма № 27, нужного результата не дали. Здания этого квартала были

разрушены в начале XI века, до «второго взятия» не дожили, и на их месте были возведены новые постройки. Однако в VII квартале А.В. Сазановым была сделана интереснейшая находка – колодец, буквально забитый боем дорогой белоглиняной столовой посуды, который был туда кем-то целенаправленно сброшен [4]. Это – явное указание на то, что рядом находились богатые жилые постройки, которые не были разрушены по время постигшей город катастрофы, но посуда в них массово разбилась. Где их можно локализовать, руководствуясь указаниями письменных источников? В квартале LXXXIII, «за алтарем» храмов № 28 и № 29 могли находиться «царицыны палаты» (т.е. временная резиденция Анны), а в кварталах LXXXI и LXXXII «палата владимирова», которая «вскраи церкви» стоит. Квартал LXXXIII лишь частично был затронут раскопками К.К. Косцюшко-Валюжинича, который не был вооружен современными знаниями о датирующих признаках большинства артефактов. Поэтому атрибуция и датировка обнаруженных строительных остатков и других находок не была осуществлена. Кварталы LXXXI и LXXXII не исследовались вовсе.

Возможное обнаружение на вышеназванных местах остатков крупных потесарных зданий, просуществовавших до XIII века, позволит не только закрыть вопрос о месте крещения князя Владимира (в Киеве, Василеве или Херсонесе) в пользу Херсонеса, не только подтвердит топографическую точность сведений Повести Временных лет, но и обогатит херсонесскую археологическую коллекцию ценными находками (об их наличии в этом районе свидетельствуют раскопки VII квартала). Кроме того, херсонесский «музей под открытым небом» обогатится ценнейшими во всех смыслах «экспонатами», к которым начнется и экскурсионное, и религиозное паломничество. Найденные в ходе раскопок артефакты могут стать центральными экспонатами Музея истории христианства, о планах открытия которого в Херсонесе или возле него заявил Президент РФ В.В. Путин, а в последнее время говорят и федеральные чиновники.

В заключение отмечу еще один, на мой взгляд, чрезвычайно перспективный археологический объект, в письменных источниках не упоминаемый, но планомерные раскопки которого могут приумножить славу Херсонесской музейной коллекции и обогатить ее уникальными в мировом масштабе артефактами, а кроме того, позволить верифицировать и уточнить классификацию византийской белоглиняной поливной керамики Дж. Хейса. Речь идет о мусорной свалке X века, обнаруженной с внешней стороны 13-й куртины раскопками сотрудников Херсонесского музея Е.Я. Туровского и А.А. Филиппенко в 2009 году [6, с. 298]. Целью их раскопок были античные захоронения, предположительно находившиеся под свалкой. Поэтому, в ходе раскопок свалки выемка грунта осуществлялась не по слоям, которые на стратиграфическом срезе хорошо видны. Но даже этот разведочный шурф показал, что свалка относится ко времени, предшествующем Корсунскому походу князя Владимира (самые поздние монеты относились ко времени правления Иоанна Цимисхия (969–976)), и что она чрезвычайно плотно насыщена боем белоглиняной поливной посуды, перемешанной с кухонной золой, т.е. этот бой образовался не в результате катастрофических событий начала XI века, а в ходе повседневной жизнедеятельности горожан в X веке. Поэтому, планомерные, послойные раскопки этого участка позволят:

1. Получить уникальную, нигде в мире пока не собранную коллекцию археологически целой византийской белоглиняной поливной столовой посуды X века, верифицировать ее датировку и уточнить типологию, предложенную Дж. Хейсом, пополнить музейную экспозицию уникальными артефактами.

2. Получить артефакты, связанные с экономической жизнью Херсона периода его наивысшего расцвета в Средние века.

3. Получить послойный монетный комплекс в сочетании с большим количеством других находок, что станет важным шагом на пути создания эталонной стратиграфии Херсонесского городища.

Таким образом, обращение к задачам археологического изучения только одного, относительно короткого периода двухтысячелетней истории Херсонеса показывает, что задачи его археологического изучения отнюдь не исчерпаны и могут быть тесно увязаны с парадигмой исторических исследований, что пойдет на пользу как археологии, так и исторической науке в целом, а кроме того, обогатит херсонесскую музейную коллекцию и расширит диапазон объектов показа.

Литература

1. Беляев С.А. «Базилика на холме» в Херсонесе и «Церковь на горе» в Корсуні, построенная князем Владимиром // *Byzantinorussica*. 1994. № 1. С. 7–47.
2. Отчеты императорской археологической комиссии за 1913–1915 годы. Петроград: 9-я гос. тип., 1918. 295 с.
3. Пятыхшева Н.В. «Земляной путь» рассказа о походе Владимира на Корсунь // *Советская археология*. 1964. № 3. С. 104–114.
4. Сазанов А.В. Комплекс византийской поливной керамики начала XI века из Херсонеса // *Проблемы истории, филологии, культуры*. Вып. IX. М.–Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского гос. ун-та, 2000. С. 118–145.
5. Хапаев В.В. Византийские воинские трактаты X века об обороне городов: предисловие, перевод, комментарии // *Причерноморье. История, политика, культура*. Серия А. Античность и средневековье. Вып. XI. Севастополь, 2013. С. 146–185.
6. Хапаев В.В. Византийский Херсон на рубеже тысячелетий (вторая половина X – первая половина XI века). Симферополь: Н. Оріанда, 2016. С. 324–328.
7. Хапаев В.В. Заведывающий открытиями: первые сообщения о раскопках Херсонеса // *Причерноморье. История, политика, культура*. Серия А. Античность и средневековье. Вып. XIX. Севастополь, 2016. С. 6–46.
8. Sullivan D.F. A Byzantine instructional manual on siege defense: The *De Obsidione Toleranda*. Introduction, English translation and annotations // *Byzantine authors: literary activities and preoccupations. Texts and Translations dedicated to the Memory of Nicolas Oikonomides* [ed. by J.W. Nesbitt]. London; Boston: Brill, 2003. P. 139–266.

СЕКЦИЯ «Античная и средневековая история и археология»

УДК 94/902(477.75):[911.375.4:355.47(560)]"15"

Алексеев Н.А.*, Дьячков С.В.**, Неделькин Е.В.***, Ступко М.В.***

ОСМАНСКИЙ ГАРНИЗОН БАЛЫКЛАГУ В НАЧАЛЕ XVI ВЕКА (ПО ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ)

*Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

**Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина

***Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический», г. Севастополь

В 1475 году Генуэзская Газария и княжество Феодоро были завоеваны Османской империей. Генуэзский гарнизон Чембало оказал сильное сопротивление войскам Гедык-Ахмед-паши. Крепость пала в результате штурма турецкими войсками, после чего город был частично сожжен. В городе был размещен немногочисленный османский гарнизон.

Османская налоговая перепись населения провинции Кефе, проведенная в 1520 г. отмечает в Балыклагу один квартал, в котором проживала мусульманская община, располагавшийся внутри внешнего периметра укреплений генуэзской крепости. Для нужд его населения была сооружена мечеть Джамии-и Кебир. Три общины немусульман: пять греческих, армянский и иудейский кварталы. Гарнизон города возглавлял комендант (*dizdâr*), у которого был заместитель (*kethüda*), один оружейник (*sebecî*), один пушкарь (*topçu*) и 15 солдат (*mustahfız*), также в гарнизоне был имам (*imam*) и муэдзин (*müezzîn*).

В 1520 г. проведена инвентаризация оружия и военного имущества, хранившегося на складах крепости. Согласно реестру, в городском арсенале из огнестрельного оружия числилось 7 средних пушек (*darbzen*), 40 мелкокалиберных орудий (*top-ı branqo*), в том числе 32 железных и 8 бронзовых, 45 камор (*hane-i ateş*) из которых 41 железная и 4 бронзовых, 106 единиц ручного огнестрельного оружия (*tüfenk*) и 176 пуль к ним (*finduk-u tüfenk*), 1 бочка железной картечи (*toprak-ı âhen*), а также 19 бочек пороха (*top otu*). В документ также внесены данные о 14 орудиях, тип которых в настоящий момент определить не представилось возможным (*darbzen meymuncuğu*). Из допороховой артиллерии учтены 50 железных баллист (*âhen-i mancınık*).

Из оружия ближнего боя учтено 62 сабли шамшир (*şimşîr*), средней дальности – 11 копий (*nize*). Оружие дальнего действия представлено 77 арбалетами (*zenberek*) и 90 луками (*kemân*). Боезапас к арбалетам состоял из 52 ящиков (*sandık*) болтов (*tirhâ-i zenberek*). Из комплектующих числилось 80 луков арбалета (*kemân-i zenberek*) и 19 приспособлений для натягивания лука – когтей (*mengene-i zenberek*). Также учтено 8000 стрел для луков, в том числе 6500 стрел, хранившихся на отдельном складе (*tîr-i hazine*).

Из защитного вооружения в реестре значится в общем 232 панциря (*cevşen*), 216 железных шлемов (*toğulga*) и 3 поножи (*dizlik*). В рассматриваемом контексте понятие панцирей, вероятнее всего, носило собирательный характер, включая в себя как кольчато-пластинчатые доспехи, так и бригантинного типа. В документе они разделены на 49 пехотных, 140 старых и 43 валашских. Шлемы имеют обозначение как «франкские». Франк (эфрендж) было распространенным среди мусульман прозвищем европейца или католика. Вероятно, в данном случае приписка «франкские» означает, что эти шлемы остались еще от генуэзского гарнизона Чембало. Однако такие пометки являются скорее исключением, а большая часть старого генуэзского вооружения, состоящего на балансе османского гарнизона, не имеет дополнительных обозначений в документе.

Также среди имущества, состоявшего на балансе гарнизона, значится 2 больших молота, 11 кайл, 4 железных лома, 57 прочных бревен (?) (*âhen-i tomruk*), 4 цепи, 1 бочка серы, 1 *кантар* (56,45 кг) свинца. К имуществу гарнизона были отнесены и 49 невольников (*mal-i natik* – «разговаривающее имущество»). Запасы провизии состояли из 15 стамбульских *мюд* (1 стамбульский *мюд* – 513,12 кг) пшеницы и 50 *мюд* проса.

В связи с приведенными выше данными из турецкого документа значительный интерес представляет археологический комплекс из башни № 5 крепости Чембало, руины которой находятся на границе латинского квартала на балаклавском мысу у подножья замка Св. Николая. В процессе исследования заполнения сохранившейся части башни (2013, 2017 гг.), которое образовалось в результате неоднократных обрушений стен и перекрытий, а также постепенного проседания строительных остатков и натечного грунта внутрь строения, получен уникальный археологический комплекс, который своими показателями превосходит все известные в Восточной Европе аналоги.

Башня была возведена генуэзцами около 1425 г. Ее перестройка, по-видимому, проводилась после 1453 г. В этот период она утратила первоначальное оборонительное значение и произошло изменение ее функционального назначения. В основании башни устраивается цистерна.

В заполнении башни № 5 обнаружено более 1,3 тыс. фрагментов и целых железных пластин от латинского доспеха типа «бригандина», принадлежавших воинам гарнизона. В то же время порядка 8,3 тыс. сильно фрагментированных железных пластин возможно лишь условно отнести к обломкам ламинарного доспеха. Часть находок представлена тяжелыми массивными слегка изогнутыми прямоугольными или трапециевидными пластинами с закругленными углами (толщина корродированных фрагментов пластин достигает 3–4 мм). Также выделяется значительная группа более мелких пластин («чешуек») толщиной до 2 мм. Они могли применяться не только на панцирном покрытии, но и служить для крепления на широком защитном поясе. На фрагментах и целых пластинах сохранились железные и медные заклепки. В ряде случаев на пластинах от доспехов сохранились следы ткани в виде органических остатков.

К остаткам доспеха и иной воинской амуниции следует отнести также медные и железные пряжки (всего 36 экз.). Они использовались как для соединения ремешков доспеха «бригандина», так и портупей.

В ходе археологических исследований башни обнаружено около 3,8 тыс. наконечников (без учета части фрагментированных изделий) арбалетных болтов двух типов генуэзского времени, более 800 наконечников черешковых стрел для луков османского периода.

Помимо вышеперечисленного в слоях разрушения башни обнаружено два костяных (из рога оленя) «ореха» от спускового механизма арбалета, било железного кистеня, фрагменты железного лезвия палаша или сабли (?), свинцовая шаровидная пуля.

Интересными ввиду своей редкости являются находки железных кованых ядер. Всего на дне цистерны в башне обнаружено 42 ядра. По своим параметрам они разделяются на два «калибра»: 1. 140–154 мм и весом от 18,8 до 24 кг; 2. 115–123 мм и весом от 11,5 до 13 кг. Помимо железных ядер в заполнении цистерны найдено 7 каменных ядер. Их диаметр колеблется от 130 до 183 мм, а вес от 2,2 до 12,8 кг. Обычно подобные ядра использовались в XV в. для пристрелки бомбард.

Во всех слоях встречались кованые четырехгранные в сечении гвозди с плоскими и выпуклыми шляпками, а также фрагменты железных полос, вероятнее всего, скреплявших деревянные бочки и сундуки, в которых хранили боезапас.

Немногочисленный гарнизон Балыклагу начала XVI в., конечно же, не мог защитить население города в случае военной опасности. Его главной задачей в мирное время были полицейские функции. Укрепления Балыклагу уже не играли никакой роли в военно-стратегической системе османской провинции Кефе. Арсенал гарнизона был частично укомплектован устаревшим трофейным оружием, захваченным, вероятно, еще во время военной кампании 1475 г. Один из складов оружия османы разместили на втором этаже башни № 5, где располагались стеллажи и сундуки для складирования амуниции. Возможно, данное помещение использовалось под арсенал еще с генуэзских времен, а османы лишь пополнили его луками и стрелами. Однако весь этот архаический набор оружия оказался невостребованным, а после обрушения внутренних перекрытий второго этажа башни был погребен под каменным завалом в цистерне.

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ВОДОСНАБЖЕНИЯ ГОРОДИЩА ЭСКИ-КЕРМЕН: ВОДОСБОРНАЯ ПЕЩЕРА НА ВОСТОЧНОМ ОБРЫВЕ

Издательство «Невская Лавра», г. Санкт-Петербург

Одним из актуальных вопросов изучения «пещерных городов» Крыма является вопрос об их водоснабжении. В особенности он важен в отношении такого крупного городища, как Эски-Кермен. Осадный колодец последнего явно не мог полностью удовлетворить повседневных потребностей населения города, а малая прочность водопровода из балки Бильдеран при большом перепаде высот не позволяла с его помощью поднять воду непосредственно на вершину горы. В этой связи представляется важным обнаружение альтернативных источников водоснабжения на самом плато.

В 2012 г. автор проанализировал особенности храма «Успения» на восточном склоне Эски-Керменского плато. Оказалось, что вырубленное в стене пещеры «приспособление», которое обычно считают тарапаном, на эту роль подходит плохо, но зато хорошо отвечает инженерным требованиям к водосборному приспособлению с малым дебитом, имеющему своим источником водоносную трещину.

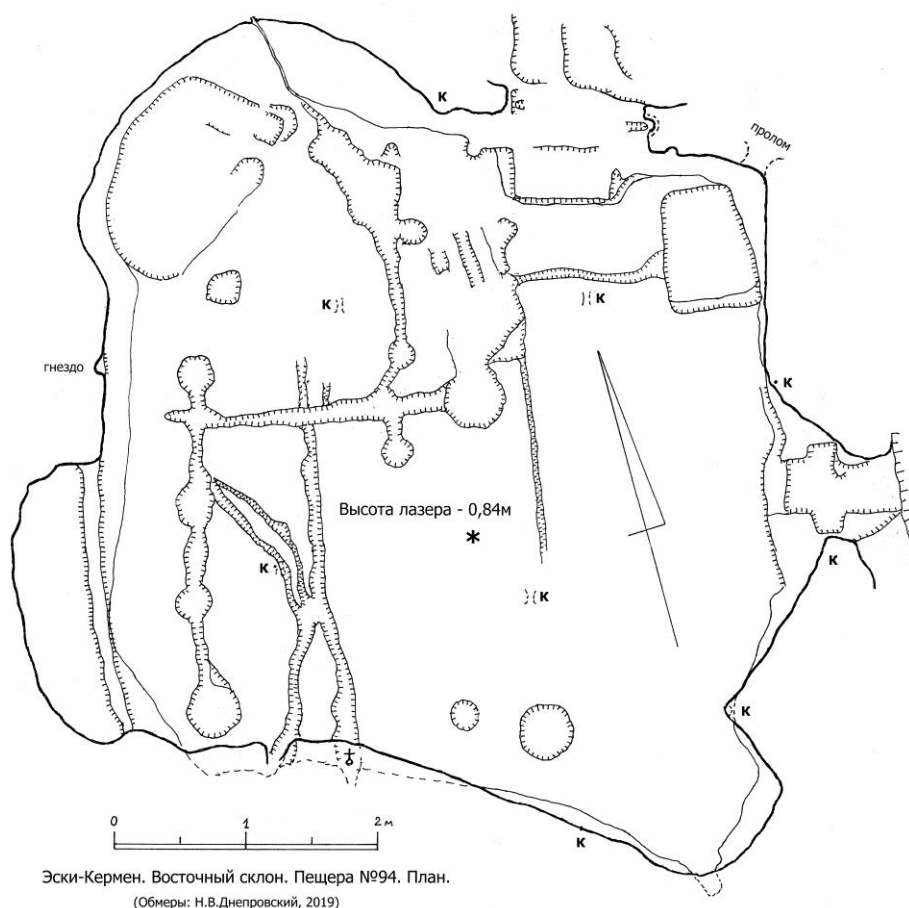

Рис. 1. Эски-Кермен. Восточный склон. Пещера № 94. План

Ещё ранее, в 2008 г., в архиве Е.В. Веймарна автором этих строк была обнаружена фотография пещеры с крестом, но без её локализации. Эта пещера (№ 94 по нумерации Севастопольского музея краеведения) вновь была обнаружена в 2018 г. План её приведён на рис. 1. Помещение расколото трещиной, а соседняя с ним пещера и вовсе обрушилась.

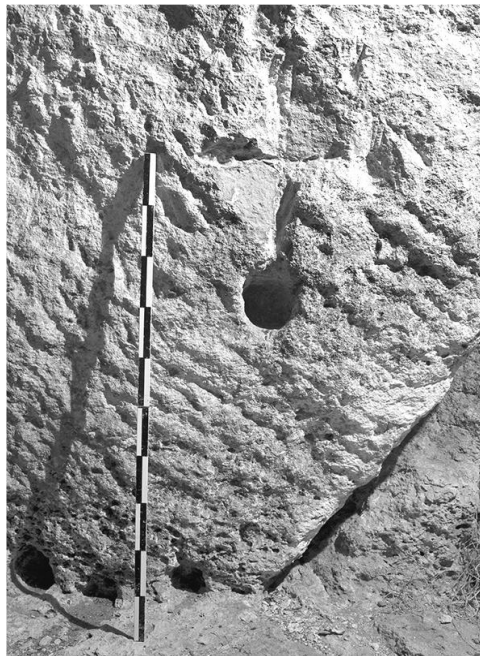

Рис. 2. Крест на южной стене пещеры № 94

На первый взгляд, пещера была типичным хозяйственным помещением, совмещавшим функции хлева и кладовой, на что указывают вырубленные в её стенах и потолке каменные кольца, а также углубления в полу, какие в «пещерных городах» обычно вырубались для установки сосудов. Однако крест на южной стене пещеры (рис. 2) позволил определить и ещё одно её назначение. Он находится точно над устьем трещины в скале, от которой отходят канавки, в дальнейшем соединяющие между собой систему углублений. Не вызывает сомнений, что как минимум в период осадков эта трещина была водоносной, а источник был освящён. Видимо, аналогичная система водосбора была организована и в пещере, расположенной на главной улице городища – напротив «Судилища». В ней имеется такая же система вырубленных в скале резервуаров и желобков. Не поняв её действительного назначения, Н.И. Репников счёл один из её элементов тарапаном, как и в случае с храмом «Успения». Подобная же трещина имеется и в самом «Судилище».

Таким образом, анализ устройства пещеры № 94 позволил уточнить назначение целой группы аналогичных объектов. В типологии хозяйственных помещений городища им должно принадлежать особое место – это были пещеры-источники.

В пещере № 94 созданная её хозяевами система желобков и углублений позволяла собрать каждую каплю воды – как источаемую скалой из южной стены, так и капавшей с потолка пещеры. Избыток этой воды по системе желобков сливался в бассейн, а остальные вычерпывались из углублений-отстойников (возможно, впрочем, что эти углубления действительно были вырублены для установки сосудов под местами наиболее сильной «капели»). Крест в стене освящал эту живительную влагу, в которой Эски-Кермен всегда испытывал острый недостаток. Соответственно, и вся пещера представляла собой святой источник.

Было бы важно установить строительную периодизацию появления источников подобного типа в крымских «пещерных городах». Очевидно, что в пещере № 94 (равно как и в пещере напротив «Судилища», и в храме «Успения») такой источник мог появиться только после возникновения водоносной трещины. А, следовательно, она возникла уже в период существования города. Поэтому желателен анализ причин её возникновения (в частности, возможность учёта сейсмического фактора). Кроме того, автором было обнаружено антропоморфное изображение на южной стене пещеры, а также выявлены

следы переделки креста в трезубец или наоборот. Предположительно, на этой же стене мог быть и ещё один крест.

Поскольку трезубец присутствует как в символике Хазарского каганата, так и в крымско-татарских тамгах, то установление реальной последовательности переделки символов над источником, возможно, позволило бы дать представление уже о строительной периодизации самого помещения № 94, а в итоге уточнить, в свою очередь, уже и саму историю городища Эски-Кермен в целом.

Наконец, сделанные выводы могут также оказаться полезными для идентификации водосборных устройств подобного типа в ходе дальнейших исследований Эски-Кермена, а возможно, и других «пещерных городов».

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ХЕРСОНЕССКО-КОРСУНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь

В последнее время большое количество работ посвящено историографическим исследованиям развития исторической науки. Изучение истории становления научных организаций и работы научных сотрудников позволяет сформировать целостную картину о деятельности ученых и организаций, задачах, целях, направлениях исследований, идеологии данного периода и итогах работы.

Для понимания роли послевоенного периода в возобновлении деятельности научных организаций Крымского полуострова необходимо рассматривать и нереализованные проекты, которые остались на бумаге. Проекты позволяют оценить научный потенциал региона, закономерности и направления развития исследований.

В 1947 году была создана Крымская научно-исследовательская база Академии наук СССР, в состав которой входил Сектор истории и археологии. В конце 1949 года возникла идея преобразовать сектор в Институт истории и археологии, в структуру которого должны были войти крымские заповедники, в том числе и Херсонесский [1], [2], [4].

Заповедник должен был стать научно-исследовательским историко-археологическим учреждением, основными задачами которого являлись охрана заповедника и близлежащих историко-культурных памятников, их консервация и реставрация, осуществление научно-исследовательской работы и проведение культурно-просветительской деятельности.

Базой для заповедника должен был стать херсонесский музей с прилегающей территорией – около 1600 га [3].

Предлагалась штатное расписание, согласно которому заповедник должен был насчитывать 46 сотрудников, из них 20 – научный персонал и специалисты, 20 – обслуживающий персонал (музейные служители, каменщики, сторожа, уборщица и другие рабочие специальности) и 6 человек – административно-управленческий персонал. Курировать заповедник, включая назначение администрации, должен был председатель Комитета по делам культурно-просветительских учреждений при Совете Министров РСФСР.

Вопросы проведения научных исследований и культурно-просветительской деятельности должны были стать компетенцией Ученого совета заповедника, состоящего из руководства, заведующих отделами и специалистов заповедника, а также представителей Севастопольского Горкома ВКП(б), Севастопольского горисполкома советов депутатов трудящихся, Черноморского флота и научных сотрудников других организаций [3].

Планировалось Херсонесский заповедник инкорпорировать в систему АН СССР, тем самым поднять его статус, прежде всего, как научной организации.

Таким образом, в компетенции планируемой научной организации должны были быть вопросы не только сохранения памятника истории и археологии, но и развитие научной мысли, приобщение жителей и гостей полуострова к истории родного края.

Литература

1. Емельянова Н.С. Институт истории и археологии Крымского филиала Академии наук СССР: нереализованный проект // Причерноморье. История, политика, культура. № XXVI (VIII). Серия А: Античность и средневековье. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2018. С. 6–18.
2. Материалы по проектированию преобразования сектора истории и археологии в институт (черновые проекты, планы, составлявшиеся в 1950 году) // Архив ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН». Д. 14. Л. 1–82.
3. Материалы по учету и охране памятников (Постановления и указания, акты обследования, протоколы заседаний и переписка по вопросам охраны) Отдела истории и археологии Крымского филиала академии наук СССР: Положение о Государственном историко-археологическом Херсонесском-Корсунском заповеднике Всесоюзного Значения // Архив ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН». Д. 3. Л. 54–68.
4. Стрижова Т.П., Киселев М.Ю. Крым с давних времен привлекал к себе внимание выдающихся деятелей науки: Документы об организации крымской научно-исследовательской базы АН СССР. 1947–1948 гг. // Исторический архив. 2015. № 1. С. 66–79.

РОЛЬ КРЫМА В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР ВИЗАНТИИ И РУСИ В IX–XV ВВ.*Севастопольский государственный университет, г. Севастополь*

История взаимоотношений таких крупнейших культурных центров, как Византия и Древняя Русь, всегда находится в центре внимания ученых, стремящихся все ближе прикоснуться к истокам православной культуры. Важным направлением научного исследования, с моей точки зрения, является роль Средневекового Крыма в процессе культурного взаимодействия Византии и Руси. К этой теме обращались в своих трудах А.Г. Герцен, А.С. Глушак, Е.К. Дулуман, В.М. Зубарь, О.И. Домбровский, Т.М. Фадеева, А.А. Якобсон и другие исследователи. Но не существует такого исследования, в котором бы вопрос о роли Крыма в диалоге культур Византии и Руси был рассмотрен всесторонне. На современном этапе данная тема является актуальной и перспективной для дальнейших исследований¹.

Целью исследования является рассмотрение особенностей культурного взаимодействия Византии, Руси и Крыма в период с IX по XV век для выявления его основных этапов и их основных особенностей.

Первый этап (IX–XII вв.) характеризуется трансляцией идей византийского христианства в культуру Древней Руси. Как отмечают исследователи, утверждение христианства на территории самого полуострова происходило очень медленно, что объясняется устойчивостью языческих традиций. Даже в самом Херсонесе, который стал оплотом империи в средневековой Таврике, «двоеверие» сохранялось вплоть до XIII века [1, с. 35–40], [4, с. 16], [7, с. 12].

Важную роль в процессе распространения христианства в Таврике сыграли братья Кирилл и Мефодий, после пребывания которых в Херсонесе закрепилась кирилло-мефодиевская традиция [3, с. 16]. Результатом миссии святых братьев стало утверждение неортодоксальной формы православия на полуострове. После завоевания Херсонеса (Корсуня) князем Владимиром, город начал играть важную роль в культуре Древней Руси. Священник Анастас Корсунянин возглавил Десятинную церковь, объединившую первых христиан на Руси, большинство которых также были херсонеситами. Традиция Десятинной церкви оказала определяющее влияние на мировоззрение митрополита Илариона.

Можно предположить, что Крым способствовал не только распространению кирилло-мефодиевской традиции на Руси, но также явился одним из каналов передачи на Русь византийской мистической традиции исихазма [2, с. 15]. Это стало возможным после массовой миграции греческих монахов-иконопочитателей в Таврику в VIII веке. Важным следствием стало появление, так называемых, «пещерных монастырей» Крыма. Традиция пещерножительства сформировалась еще в раннем исихазме, когда монахи-отшельники Египта и Палестины уединялись среди гор, в пещерах, чтобы целиком посвятить себя

¹ Редакционная коллегия не разделяет основных положений, представленных в публикуемом тексте (прим. ред.).

молитве. Позднее центром исихазма стал греческий Афон. Успенский пещерный монастырь (Чуфут-Кале) наиболее всех других напоминал святую гору.

Иллюстрацией перемен, произошедших в жизни полуострова, является его архитектура. С конца IX века здесь распространяется крестовокупольный тип храма, который воспроизводит провинциальную ветвь византийского зодчества, распространенную в Малой Азии и на Балканах [6, с. 76]. Интересно, что впоследствии Десятинная церковь в Киеве воспроизведет именно этот тип храма. С XI–XII веков античный натурализм херсонесских мозаик постепенно был вытеснен символическими изображениями, а в самом Херсонесе появились индивидуальные молельни во дворах усадеб богатых горожан. Это можно объяснить распространением идей ортодоксального христианства в результате переселения греческих иконопочитателей.

Второй этап (XIII–XV вв.) характеризуется появлением новых центров культуры Крыма – Юго-западного и Восточного. После уничтожения Херсонеса, центром православной культуры Крыма становится страна Дори (с XIV века носит название княжества Феодоро). Основными центрами княжества являются поселения юго-западной части полуострова – Мангуп, Эски-Кермен, Чуфут-Кале. В XV веке Феодоро заняло заметное место не только в истории Крыма, но также всей Восточной Европы. В 1474–1475 годах велись даже переговоры о бракосочетании сына московского князя Ивана III с мангупской княжной [5, с. 156]. Браку помешало только турецкое завоевание Крыма в 1475 году. Но особенно Гаврасы гордились своим родством с домом Палеологов. Неслучайно Софью Палеолог сопровождал в Москву мангупский князь Константин Гаврас, где она должна была вступить в брак с великим князем Иваном III.

Когда орды захватчиков завладели Крымом, многие «пещерные монастыри» перестали существовать. Среди уцелевших особым авторитетом пользовался Успенский монастырь. К концу XV века он стал центром православия в Крыму, а также резиденцией митрополита. Из московских жалованных грамот известно, что в XVI–XVII веках крымским монастырям выплачивалась ежегодно субсидия (руга), а греческие монахи часто ездили в Москву «за милостыней». Поддержка крымских монастырей объясняется стремлением сохранить «очаги греческого православия», расположенные в самом центре Крымского ханства [5, с. 203–204]. Интересен тот факт, что Успенский монастырь почитался не только христианами, но и мусульманами.

По своим иконографическим и стилистическим особенностям искусство княжества Феодоро близко сербскому и болгарскому искусству того времени. С XIV века здесь произошло утверждение экспрессивного стиля, сложившегося под влиянием идей исихаста Григория Синаита, выражавшего дух «палеологовского ренессанса».

Культура Восточного Крыма представлена, преимущественно, памятниками Каффы (Феодосии), Солдайи (Судака) и Солхата (Старого Крыма). Особенностью их развития является появление здесь двух новых культур – тюркско-татарской и крымско-итальянской.

Анализ памятников культуры Восточного Крыма дает основания утверждать, что византийское влияние здесь не было господствующим [7, с. 83, 118, 121–124]. Восточный Крым в меньшей мере, чем Юго-западный, оказался подвержен византийскому влиянию эпохи «палеологовского ренессанса» и идеям исихазма. Вместе с тем существовали интенсивные торговые связи между Каффой и русскими землями [7, с. 84, 111–115]. Бесспорно, что они также способствовали культурному обмену государств. Известно, что в Каффе некоторое время перед отъездом в Новгород, работал Феофан Грек.

Есть все основания утверждать, что средневековому Крыму было суждено сыграть роль посредника в диалоге культур Византии и Руси в IX–XV веках. Если на первом этапе взаимоотношений Крым играл активную роль транслятора идей ортодоксального и неортодоксального христианства в культуру Руси, то на втором этапе культурная жизнь Крыма становится все более зависимой от Московской Руси. Появляются также новые культурные центры, среди которых особую роль играет мусульманская крымско-татарская культура. Нет данных о культурных связях Крыма с Киевом на этом этапе его истории.

Литература

1. Дулуман Е.К. Введение христианства на Руси: легенды, события, факты. Симферополь: Таврия, 1988. 184 с.
2. Жиртуева Н.С. Роль средневековой Таврики в диалоге культур Руси и Византии // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 55. С. 12–16.
3. Златоструй. Древняя Русь. X–XIII в. Дороги человеческой мысли / [авт.-сост. А.Г. Кузьмин, А.Ю. Карпов]. М.: Мол. гвардия, 1990. 303 с.
4. Зубарь В.М., Павленко Ю.В. Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси / В.М. Зубарь, Ю.В. Павленко. К. : Наук. думка, 1988. 230 с.
5. Фадеева Т.М. Тайны горного Крыма. Симферополь: Бизнес-Информ, 1998. 256 с.
6. Якобсон А.А. Закономерности в развитии средневековой архитектуры IX–XV вв. Л.: Наука, 1987. 233 с.
7. Якобсон А.А. Крым в средние века. Л.; М.: Наука, 1973. 173 с.

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ ПОЗДНИХ ЯЗЫЧНИКОВ*Севастопольский государственный университет, г. Севастополь*

Результаты археологических исследований второй половины XX – начала XXI века позволили пересмотреть многие общепринятые гипотезы и представления. В частности, после открытия восточнославянских языческих святилищ и кремационных захоронений XI – первой половины XIII вв., стало очевидным, что христианизация Древней Руси растянулась на несколько веков. Вплоть до монгольского нашествия на окраинах восточнославянского мира существовали позднеязыческие общины со своим жизненным укладом, особым мировоззрением и уникальным социальным строем. Между тем, без понимания их истории и культуры полноценно исследовать раннюю историю восточных славян невозможно.

Исторические судьбы поздних язычников, их верования и культы стали объектом исследования отечественных ученых [7, с. 110–122], [3]. Вместе с тем в отечественной исторической науке так до конца и осталось невыясненным, куда же ушли последние язычники Руси накануне нашествия монголов. Выявить основные направления исхода поздних язычников с земель Древней Руси – основная цель данного исследования.

Согласно данным археологических исследований и сообщениям письменных источников, волна антихристианских выступлений, прокатившихся на окраинах Древней Руси в конце 60-х – нач. 70-х гг. XII в. была связана с заключительным этапом христианизации восточнославянских земель. Так, во второй половине XII века большая часть поднестровских языческих святилищ прекратила свое существование [6, с. 53]. Сохранившиеся языческие святилища понемногу приходили в упадок. В середине XII в. были оставлены жилища служителей языческого культа в городищах-святилищах Збручского культового центра, стала замедляться жизнь в окрестных поселениях. Все же до середины XIII века язычники посещали святилища и совершали здесь культовые обряды, продолжали функционировать и длинные общественные дома. Окончательно язычники Западной Руси оставили свои последние святилища в середине XIII в., вероятно, опасаясь монгольского нашествия [5, с. 155].

Согласно данным археологии немногочисленные языческие общины сохранились у вятичей вплоть до конца XIII в. Так, в 60-е годы XX в. были исследованы большие курганные могильники летописных вятичей XII–XIII вв.: Колчино, Красный стан и Ступенки. Все захоронения в могильниках были осуществлены по обряду трупосожжения. В женских захоронениях найдены многочисленные украшения, в мужских зафиксированы монеты и оружие [4, с. 122–129].

В отечественной науке до сих пор остается невыясненным, куда же ушли язычники после того как оставили свои последние святилища в восточнославянских землях.

Возможно, что часть уцелевших служителей языческого культа и их паства бежали к своим соседям – язычникам балтийских и финно-угорских народов, которые еще на протяжении нескольких столетий успешно противостояли всем попыткам христианского духовенства распространить новую веру на своих землях. По данным археологии после монгольского нашествия в могильниках и поселениях восточнославянских земель, грани-

чивших с балтийскими и финно-угорскими народами, были зафиксированы кремационные погребения и значительное количество языческих оберегов. Примером в этом отношении может стать приграничный с Литвой древнерусский город Любомль, при раскопках которого археологи находят многочисленные языческие костяные обереги и свинцовые топорики-амулеты в срубх XIV–XV вв., а также синхронные им языческие курганы с погребениями по обряду кремации [2, с. 67–69].

Возможно, что часть язычников, после христианизации Восточной Руси, мигрировала в земли финно-угорских народов. Так, в XV в. один из православных просветителей Стефан Пермский застал в приуральских землях *«невернии человецы и еще некрещени соуце, собравшиеся мнози, и от них овии соуць руськи волсви, а друзии-кудесници, инии же – чаротворцы и прочий старци их, йже стояху за веру свою и за пошину Пермьския земля, иже хотяху разъвращати веру христьянскую»* [1, с. 127].

Таким образом, напрашивается вывод, что последние восточнославянские язычники Древней Руси мигрировали в земли своих соседей – язычников: балтийских и финно-угорских народов.

Литература

1. Житие святого Стефана Пермского // Памятники старинной русской литературы. СПб.: Типография И. Глазунова. 1876. Выпуск 4. С. 119–171.
2. Златогорський О.Є., Панишко С.Д. Дослідження давньоруського Любомля // Археологічні дослідження в Україні 2008 р. К.: Вид-во Інституту Археології НАН України, 2009. С. 67–69.
3. Козлов М.Н. Восточнославянское язычество: от рождения до гибели богов. М.: Вузовский учебник; ИНФРА-М, 2017. 296 с.
4. Равдина Т.В. О датировке вятичских курганов // Советская археология. 1965. № 1. 122–129.
5. Русанова И.П., Тимошук Б.А. Во времена Збручского идола // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 153–157.
6. Русанова И.П. Культурные места и языческие святилища славян VI–XIII вв. // Российская археология. 1992. № 4. С. 50–68.
7. Тимошук Б.А. Языческое жречество Древней Руси (по материалам городищ-святилищ) // Российская археология. 1993. № 4. С. 110–122.

**МЕЖДУ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИМ ВОСТОКОМ И ГЕРМАНСКИМ ЗАПАДОМ:
УТВЕРЖДЕНИЕ РИМСКОГО ГОСПОДСТВА В ХЕРСОНЕСЕ И ЕГО ВАРВАРСКОЙ
ОКРУГЕ**

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

На протяжении своей долгой истории Херсонес сохранял тесные связи с центрами средиземноморского римско-византийского мира, и в то же время поддерживал контакты с представителями варварского мира, проживавшими в его округе. Поэтому Херсонес порой рассматривают как город, связывавший два различных мира, один из которых формировался и существовал вокруг моря, а другой внутри обширных степных пространств.

Эта роль Херсонеса чётко прослеживается на примерах христианизации Таврики, на значении города для взаимодействия Византии с кочевыми народами причерноморских степей. Но без внимания остаётся тот факт, что и в более раннее время Римская империя, утверждавшая своё господство в Таврике, должна была обращаться одновременно к методам, выработанным в период поглощения эллинистических государств и в период становления влияния империи на германском Западе.

В настоящее время созданы обобщающие работы по римскому присутствию в Херсонесе [2], [5], статьи, посвящённые отдельным аспектам и вещественным следам римского и византийского военного присутствия [4], [6], [10]; работы, освещающие внутреннюю жизнь Херсонеса в римское и ранневизантийское время [5], [8], [11]. Предметом активных исследований становилось и варварское окружение Херсонеса в разные периоды его истории [9]. В числе прочего, исследователи рассматривали внешнюю политику Римской и Восточной Римской империй, направленную на установление господства в Херсонесе и его «варварской» округе. При этом исследователи отмечали факты, подтверждающие двойственность в утверждении римского господства над Херсонесом и его округой.

В.И. Кадеев отмечал сходство этого процесса с тем, что происходило в других регионах эллинистического Востока и приводил подтверждающие этот вывод аналогии [5, с. 16, 23]. С другой стороны, В.М. Зубарь, рассматривая оборонительную систему Херсонеса в римское время, показывал, что она была построена по тем же правилам, что и на рубежах римского Запада [4].

Херсонес ко времени появления римлян в Таврике уже имел длительную собственную историю и никогда не терял связи с центрами античного мира – в этом было его сходство с городами греческого мира и эллинистического Востока. Округа этого города, населённая варварами, была больше связана с Причерноморьем и с окружением римского Запада. Римлянам, таким образом, приходилось решать двоякую задачу: усиливать свои позиции внутри херсонесского общества, но при этом налаживать контакты с проживавшими в окрестностях города варварами.

Обстановка в Таврике стала предметом внимания со стороны Рима ещё в начале II в. до н.э. [6, с. 88]. Римский Сенат в конце 90 – начале 80-х гг. до н.э. потребовал от

Митридата VI вывода гарнизонов с территории скифского царства. Понтийцы исполнили это требование [3, с. 44]. В 80–70-е гг. до н.э. Херсонес принимал участие в боевых действиях сначала на стороне Митридата, а когда победа Рима стала очевидной – стал склоняться к переходу на сторону победителя. После гибели на Боспоре сына Митридата VI Фарнака, в Рим отправляется первое посольство от Херсонеса с просьбой о даровании городу свободного статуса (элевтерии) [5, с. 14]. Характерно, что уже это посольство возглавлял гражданин Херсонеса, имевший одновременно и римское гражданство, о чём свидетельствуют его имена «Гай Юлий (Сатир)».

Утверждение римского влияния в Херсонесе в I в. до н.э. – III в. происходило в соответствии с тем, что происходило и в других городах эллинистического мира. В этом отношении Херсонес не представлял собой совершенно уникального явления.

В конце 40-х гг. до н.э. Марк Антоний лишил некоторые греческие города элевтерии; в числе этих городов, возможно, оказался и Херсонес [5, с. 15]. Восстановление элевтерии Херсонеса Августом также имело свои параллели в других регионах, как и связанное с этим событием введение новых летоисчислений в городах [5, с. 15–17]. Характерным для других регионов было и происходившее в Херсонесе падение значения Народного собрания и переход управления в руки архонтов. В I в. возникает должность первого архонта, носители которой постепенно сосредоточили в своих руках гражданскую и военную власть в Херсонесе: во II в. эту должность часто занимали римские граждане [5, с. 74]. Перемены, произошедшие в общественно-политической жизни Херсонеса, характерны для многих греческих городов Малой Азии [5, с. 63] и Фракии [5, с. 23]. В середине III в., при императоре Галлиене, Херсонес прекратил чеканку собственной монеты: такое же явление произошло и в других греческих городах [1, с. 88]. Говоря о событиях рубежа III–IV вв., исследователи не раз высказывали мнение, что в правление Диоклетиана «свободный» Херсонес превращался в обычный провинциальный город Римской империи [5, с. 38].

С другой стороны, вокруг Херсонеса, на небольшом расстоянии от города, проживало варварское окружение, с которым периодически возникали конфликты. Не способный справиться с варварской угрозой своими силами, Херсонес после падения Понтийского царства вынужден был полагаться на силы Рима. И после экспедиции Плавтия Сильвана, когда в 60-х гг. I века скифская угроза вновь была отведена от города, здесь появился римский гарнизон. С этого времени Херсонес стал одним из центров римского присутствия на Крымском полуострове. См.: [3, с. 60], [5, с. 24].

Во II–III вв. ключевую роль в управлении городом играли носители военной власти; в то же время изменилась организация защиты земель Херсонеса от внешних вторжений. Если в доримское время оборона хоры Херсонеса была подчинена задачам в случае нападения извне рассредоточить внимание противника и заставить его распылить свои силы в пределах самой хоры [7, с. 197], то в римское время оборонительная система выносится за её границы или строится вокруг стратегически важных точек. Так, к римскому периоду относится функционирование во II–III вв. в восточной части Гераклеяского полуострова укреплений, охранявших подходы к округе Херсонеса, [8, с. 83], т.е. за пределами прежней сельскохозяйственной округи. В то же время башни на усадьбах, ранее выполнявшие военные функции, теперь становятся пунктами для укрытия местного населения. Об этом свидетельствует тот факт, что в римское время эти башни находятся уже в центре

застроенной территории [8, с. 85]. Исключением были только укрепления, защищавшие источники воды и магистральные дороги [8, с. 86]. Эти изменения соответствуют римской традиции защищать свои территории при помощи пограничных укрепленных линий (лимесов). Для II–III вв. эта традиция была достаточно характерна, в отличие от последующего времени.

Таким образом, утверждение Рима в Северном Причерноморье и, в частности, в Херсонесе в первые века н.э. протекало двойственным образом. В самом городе мы видим те же трансформации, что и в городах эллинистического Востока, попавшего под контроль Рима и становящегося частью римского государства. По отношению к варварскому окружению, населявшему окрестности Херсонеса, мы видим политику, сходную с той, которая проводилась на Западе. Таким образом, на небольшой территории, части которой были издавна связаны друг с другом, мы видим одновременно применение способов утверждения, характерных и для эллинистического Востока, и для германского Запада.

Литература

1. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). К.: Наукова думка, 1997. 176 с.
2. Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. К.: Киевская академия бизнеса, 1994. 180 с.
3. Зубарь В.М. Херсонес Таврический. Основные этапы развития в античную эпоху. К.: Наукова думка, 1997. 128 с.
4. Зубарь В.М. О римских войсках в Херсонесе и его округе в середине II – первой трети III вв. в свете новых открытий [Электронный ресурс] // История древнего Рима. URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1408545106> (дата обращения: 04.09.2019).
5. Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первые века н.э. Харьков, 1981. 143 с.
6. Кузищин В.И. Херсонес и Рим в начале II в. до н.э. Первые контакты // Херсонесский сборник. Севастополь: Ахтиар, 1996. Выпуск VII. С. 87–92.
7. Марченко Л.В. Защита хоры // Херсонесский сборник. Севастополь: Ахтиар, 1996. С. 193–197.
8. Николаенко Г.М. Хора Херсонеса в римский период // Херсонесский сборник. Севастополь, 1998. Выпуск IX. С. 83–88.
9. Ушаков С.В. Варвары горной Таврики на рубеже эпох. Этническая ситуация в юго-западном Крыму (III – середина VI вв. н.э.). Опыт реконструкции // Археологический альманах. Донецк: Донбасс, 2010. № 23. 180 с.
10. Филиппенко А.А. Строительные керамические материалы с пунктов дислокации римских войск в Кадьковке и на высоте Казацкой // Херсонесский сборник. Севастополь, 1998. Выпуск IX. С. 110–117.
11. Якобсон А.А. Раннесредневековый Херсонес. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. 365 с.

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ ГОРОДОВ-ПОЛИСОВ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

«Великая греческая колонизация», проходившая в VIII–VI вв. до н.э. мотивировала греческих мыслителей к рационализации оснований гражданского участия индивида в общественной жизни. Сферы морали и политики приобретали новые ракурсы реализации в условиях освоения враждебных территорий, столкновения с иными культурными и ценностными системами. Гражданский статус индивида выступал приоритетом по сравнению с другими его сущностями и приобретал решающее значение в выживании этнической группы. Коллективное начало объединяло общезначимые интересы греков-переселенцев и предполагало соответствие каждого требованиям общности. Представленная в полисе мировоззренческая сопричастность граждан формировала личностную позицию человека, включавшую основные ценностные ориентиры: представления о социальной справедливости, оправданность социальных требований, условия открытой коммуникации, принципы согласия между гражданами. В греческих городах, возникших в бассейнах Средиземного и Черного морей, статус гражданина определяла ответственность за всех, кто идентифицировался в категории «свой». Внешние угрозы мотивировали к исполнению социального долга, понимаемого как неоспоримое предназначение человека, включавшего моральные, политические, культурные ориентиры. *«Скооперировавшись в пути, что неизбежно, когда люди оказываются в «одной лодке» перед лицом общей опасности, они предпочитают и дальше жить и действовать в соответствии с заведенным на корабле порядком»* [1, с. 144]. Предложенный Платоном проект «идеального государства» и произведения Аристотеля «Никомахова этика» и «Политика» включают проблему гражданской коммуникации как важнейшую. Благо каждого зависело от коллективного процветания всех, данная посылка подкреплялась очевидными достижениями города-полиса. Доверие и согласие между членами общественной системы выступало следствием эмоционального и рационального единства, которое складывалось в результате совместной гражданской деятельности.

Ограниченное пространство греческих колоний обуславливало постоянную коммуникацию ее жителей, связанную с мероприятиями, носившими социальную направленность. Общественное мнение акцентировало внимание граждан на общих проблемах, центральной из которых являлось формирование чувства патриотизма и способы его предъявления социуму. Устранение причин, стимулирующих зависть, недоброжелательство, индивидуализм в данном контексте являлось актуальной потребностью как власти, так и отдельно взятого гражданина. Нейтрализация социальных, материальных, политических барьеров, препятствующих общению и, как следствие, нарушающих консолидацию общественных

сил в поддержке государства, выносилась в качестве морального должествования. Гражданские функции общества уравнивались с государственным влиянием, создавая баланс интересов, представленных различными группами. В трудах Аристотеля гражданские проявления соответствуют разумности человека. Обязанности, которые возлагал город на своих жителей, должны были создавать условия саморазвитию каждого индивида и способствовать всеобщему благополучию. Гражданственность в греческой ментальности есть творчество, мотивирующее индивида к самосовершенствованию, так как его направленность ограничивает эгоизм и воспитывает коллективные устремления.

Литература

1. Тойнби А. Постигание истории. М.: Изд-во Айрис-пресс, 2004. 640 с.

**ИЗ ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ ХЕРСОНЕССКОГО СБОРНИКА: ВЫПУСК № 5 И
НЕОПУБЛИКОВАННАЯ СТАТЬЯ В.М. МАЛИКОВА**

*Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический», г. Севастополь*

В 1959 году увидел свет очередной, пятый по счету, выпуск «Херсонесского сборника». Долгим и непростым был путь, который пришлось пройти книге со времени подачи авторами статей до того момента, как она попала в руки к читателям. Решение о возобновлении издания было принято еще в 1956 году, и только три года спустя задуманное удалось осуществить.

В то время музеем руководила молодая и энергичная Инна Анатольевна Антонова (1928–2000), которая прекрасно понимала значение собственного печатного органа для Херсонесского музея. Как организатору науки, ей было хорошо известно, что наличие прав у музея на собственный сборник способствовало гарантированной защите интеллектуальной собственности музея, поднимало его авторитет, позволяло сотрудникам своевременно публиковать результаты исследований. Начало выхода издания относится к 1926 году, когда свет увидел первый выпуск сборника. Жизнь ему подарил Константин Эдуардович Гриневич (1891–1970), стоявший во главе музея с 1924 по 1929 гг. С самого начала основу сборника составляли статьи и публикации по актуальным проблемам античной и византийской истории и археологии, а также исследования по нумизматике и сфрагистике, истории науки, объединенные общностью херсонесской и сереверопричерноморской тематики. К.Э. Гриневич был не только основателем, но и главным редактором первых выпусков сборника. До войны свет увидело всего 3 выпуска – в 1926, 1927 и 1930 гг. У издания была сложная судьба. Первый послевоенный выпуск (IV) вышел в 1948 г. и был посвящен памяти Василия Петровича Лисина – научного сотрудника музея, погибшего в годы войны. И вот теперь, спустя почти десять лет, вновь заговорили о возобновлении издательской деятельности музея.

И.А. Антонова, желая возродить заложенные ее предшественником *«славные традиции музея – регулярное издание сборников»*, осознавала сложность предстоящего мероприятия. Говоря о множестве *«самого различного характера препятствий на этом пути»*, И.А. Антонова писала К.Э. Гриневичу в письме от 26 июня 1956 года: *«Придется взять на себя, а у меня в этом отношении только горячее желание и никакого опыта. Буду очень признательна Вам за помощь советом»* [1].

Вопрос о выборе редактора возобновленного издания был решен сразу. В продолжение существующей традиции им вновь должен был стать «старый херсонесит» К.Э. Гриневич. Уже на этом этапе работы над сборником И.А. Антонова в переписке с К.Э. Гриневичем всерьез поднимала вопрос о целесообразности печатать сборник в Харькове. Симферопольское издательство «Крымиздат», созданное еще в 1921 году, работало на старом оборудовании, а потому качество издаваемой продукции было

невысоким. И.А. Антонова полагала, что издательство Харьковского университета качественнее справится с поставленной задачей.

И все же после двух лет обсуждений и подготовки материалов печатать сборник стали в Симферопольском Крымиздате. К концу 1957 года содержание сборника было окончательно определено и утверждено в Министерстве культуры УССР. В течение всего последующего года работа над сборником продолжалась медленно и с сомнительным успехом. Трудности были связаны и с несогласованностью действий редакторов и рецензентов, и с проблемами самого издательства, в котором не оказалось цинка для печати нужного числа иллюстраций [2]. В производство материалы были сданы 28 июня 1958 года.

Подписанный к печати 22 апреля 1959 года, наконец, сборник тиражом в 2000 экземпляров был издан. Девять статей на 244 страницах текста, с таблицами и иллюстрациями, в мягком переплете – вот итог трехлетней работы авторского коллектива и группы редакторов. К.Э. Гриневич, воодушевленный долгожданным выходом сборника, писал: *«Я очень рад Херсонесскому сборнику. В Харькове вряд ли бы лучше его издали. На днях у меня на кафедре его критиковали – признали положительным явлением в науке и т. д. Я сам доволен им. [...] Давайте готовить шестой том Херсонесского сборника»* [3]. Есть основания полагать, что К.Э. Гриневич, который заканчивал работу над книгой «Памятники Гераклеяского полуострова», планировал издать VI выпуск монографическим трудом. К слову, так и вышло, правда, издан был труд С.Ф. Стржелецкого «Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму» (Симферополь, 1961).

В сборник включал статьи И.А. Антоновой, В.В. Борисовой, Г.Д. Белова, К.Э. Гриневича, С.Ф. Стржелецкого, О.И. Домбровского, А.М. Гилевич, Э.И. Соломоник, А.А. Якобсона. Рукопись сборника, равно как и переписка по его подготовке, сохранилась в научном архиве Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический». В числе статей была обнаружена еще одна – не включенная в итоговый вариант содержания сборника – работа крымского реставратора и археолога Владимира Михайловича Маликова «Об археологических памятниках на урочище, примыкающем к мысу Айя». В Государственном Херсонесском музее он работал с 1956 г., был активным участником краеведческого кружка музея. Однако статья была написана им ранее – судя по подписи, работу над ней он закончил 27 января 1951 г., будучи лаборантом-реставратором отдела истории и археологии Крымского филиала Академии наук СССР. После работы в Государственном Херсонесском музее он вернулся в Симферопольский отдел античной и средневековой археологии Крыма Института археологии АН УССР, защитил кандидатскую диссертацию. В 1960 г. с экспедицией Института археологии АН УССР продолжил работу по изучению пещер и отдельных винодельческих комплексов Качи-Кальона, тогда же впервые им был составлен топографический план «пещерного города», его культовых, жилых, производственных сооружений. Помимо реставраторской работы занимался изучением истории древнего виноградарства в Крыму.

Рукопись статьи В.М. Маликова, сохранившаяся в херсонесском архиве, представляет собой машинописный текст на 7 листах без каких-либо правок или дополнений. В более полном виде (с иллюстрациями) экземпляр рукописи хранится в рукописном фонде Института археологии Крыма РАН. Работа, без сомнения, известна археологам и уже

использовалась ими при изучении памятников археологии на Южном берегу Крыма, но доселе не опубликована [4, с. 431]. Учитывая то, что статья должна была быть напечатана в Херсонесском сборнике, но по неизвестным причинам в него не вошла, работа В.М. Маликова публикуется – в той редакции, в которой она сохранилась в музейном архиве¹. Выражаем надежду на то, что данная работа, становясь общедоступной, не останется без внимания исследователей, и расширит спектр исследований, посвященных группе археологических памятников в урочище у м. Айя.

Литература

1. И.А. Антонова – К.Э. Гриневичу. 26 июня 1956 г. // Научно-архивный отдел Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» (далее – НАО ГМЗ ХТ). Ф. 1. Д. 1024. Л. 63–64.
2. И.А. Антонова – К.Э. Гриневичу. 12 мая 1958 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1431. Л. 40–41 об.
3. К.Э. Гриневич – И.А. Антоновой. 18 декабря 1959 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1432. Л. 58–58 об.
4. Тесленко И.Б. Одна из групп неполивной керамики Крыма XV в.: хронология и эволюция // История и археология Крыма. Симферополь, 2015. Вып. 2. С. 428–436.

¹ Полный текст статьи В.М. Маликова публикуется со вступительной статьей Т.А. Прохоровой в XXX(IX) выпуске научного журнала МГУ (сетевого издания) «Причерноморье. История, политика, культура». (см. www.chernomor-journal.ru) (прим. ред.).

КНЯЗЬ ЯРОСЛАВ В ХЕРСОНЕ? РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ЗАПИСКОЙ РОЖЕ ШАЛОНСКОГО

Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический», г. Севастополь

Исследователи истории византийской Таврики нечасто обращают внимание на противоречивый текст, который – если считать его сведения достоверными – добавляет яркие детали в реконструируемую картину русско-византийских отношений. Речь идет о записке епископа Роже Шалонского. Этот небольшой текст сохранил сведения о посольстве на Русь с целью сватовства французского короля Генриха I к Анне Ярославне, дочери киевского князя. Посольство Роже, состоявшееся в 1049 г., скорее всего, лишь оговаривало предварительные условия брачного альянса; год спустя за невестой в Киев отправились *«Готье, епископ Мо, и Гослен из Шони с другими»* [6, с. 148]. Брак Анны и Генриха состоялся в Реймском соборе на Пятидесятницу 19 мая 1051 г. [10, р. XVIII–XXII; 9, р. 549–550]¹. Записка Роже содержит апокрифические известия о перенесении мощей Св. Климента в Херсоне Римским Папой Юлием, якобы сообщенные французскому иерарху самим «королем» Ярославом. Киевский князь рассказал епископу и о своем пребывании в Херсоне: *«в свое время он побывал там и привез оттуда с собой главы святых Климента и Фива, ученика его, и положил их в городе Киеве, где они чтимы и покланяемы»*. После этого он даже показал мощи любознательному Роже [6, с. 146–147].

Экскурс об обретении мощей св. Климента записан, дабы удовлетворить интерес каноника Одалярка, настоятеля Реймского собора, в котором и венчалась королевская чета. Сведения о Папе Юлии вступают в резкое противоречие с данными кирилло-мефодиевской традиции, согласно которой, заслуга обретения останков мученика принадлежит именно св. Константину-Кириллу. Критический анализ конкурирующих преданий о Св. Клименте выходит за рамки этой работы. Представляется необходимым остановиться на вопросе соответствия историческим реалиям возможного участия Ярослава в перенесении мощей Климента на Русь, а значит, и его участия в Корсунском походе отца.

Традиционно дату рождения Ярослава Мудрого относят к 978 / 979 гг., поскольку в летописи указан его 76-летний возраст к моменту кончины [3, стб. 162]. Но весьма вероятно, что княжич появился на свет несколькими годами позже – он не был самым старшим в многочисленном потомстве Владимира. В 978 г. его отец только лишь вокняжился в Киеве, изгнав и убив старшего брата, Ярополка (день вокняжения 11 июня 978 г. известен из «Памяти и похвалы» Иакова Мниха; см.: [4, с. 425–426]). Накануне он силой взял в жены мать Ярослава, Рогнеду, дочь полоцкого правителя Рогволода. Запутанный вопрос о

¹ Вопрос о хронологии и количестве посольств Генриха I, а также причинах брачного альянса, остается спорным в историографии. Некоторые специалисты полагают, что Готье, епископ Мо, и Роже Шалонский находились вместе в одном и том же посольстве 1049 г. См.: [5].

старшинстве Владимировичей не позволяет с уверенностью определить время рождения самого знаменитого отпрыска Крестителя Руси.

Так или иначе, к 988 г. Ярославу было не больше десяти лет. Детский возраст не был в раннем средневековье препятствием для участия в действиях взрослых, в том числе и в военных кампаниях. Известно, что дед Ярослава, Святослав, инициировал начало сражения в походе на древлян, будучи еще ребенком [3, стб. 58]. Владимир Мономах совершал «пути и ловы» с тринадцати лет [3, стб. 247]. Предположение о том, что Владимира Святославича в походе в Таврику могли сопровождать старшие сыновья, не лишено оснований, хотя прямо и не подтверждается источниками [8, с. 295]. Но в случае с Ярославом ситуацию осложняет заболевание опорно-двигательного аппарата, которым он страдал с рождения. Предание, сохранившееся в Тверской летописи, сообщает о том, что ребенок поздно начал ходить, связывая с крещением укрепление его здоровья [2, с.17–18]. Болезнь князя подтверждает и антропологическое исследование его останков [1], [7]. В таких условиях не решимся полностью довериться информации епископа Роже. Нельзя исключить, что мы имеем дело с ошибкой перевода или *lapsus memoriae*, тем более, что текст записки содержит и другие анахронизмы и искажения.

Литература

1. Гинзбург В.В. Об антропологическом изучении скелетов Ярослава Мудрого, Анны и Ингигерд // Краткие сообщения института истории материальной культуры. 1940. Вып. 7. С. 57–65.
2. Карпов А.Ю. Ярослав Мудрый. М.: Молодая гвардия, 2001. 583 с. (Жизнь замечательных людей. Вып. 808).
3. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. Вып. 1. Л.: Издательство АН СССР, 1926. VIII, 579 с.
4. Милютенко Н.И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники / Науч. ред. Г. М. Прохоров. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008. 574 с.
5. Мусин А.Е. Анна Киевская: между историографией и историей // Княжа доба. Історія і культура. 2014. Вип. 8. С. 145–172.
6. Назаренко А.В. «Слово на обновление Десятинной церкви», или к истории почитания святителя Климента Римского в Древней Руси. М.; Брюссель: Conférence Sante Trinité de Patriarcat de Moscou ASBL; Свято-Екатерининский мужской монастырь, 2013. 224 с.
7. Рохлин Д.Г. Итоги анатомического и рентгенологического изучения скелета Ярослава Мудрого // КСИИМК. 1940. Вып. 7. С. 46–56.
8. Франко І.Я. Святий Климент у Корсуні. Причинок до історії старохристиянської легенди // Франко І. Я. Зібрання творів у 50 тт. Т. 34. Літературно-критичні праці (1902–1905). Київ: Наукова думка, 1981. С. 7–347.
9. Bautier R.-H. Anne de Kiev, reine de France, et la politique royale au XI e siècle // Revue des Études Slaves. 1985. Vol. 57. № 4. P. 539–564.
10. Prou M. Recueil des actes de Philippe Ier, roi de France (1059–1108). Paris: Imprimerie Nationale, 1908. CCL, 566 p.

**ВИЗАНТИЙСКИЙ ИДЕАЛ АТЛЕТА И ВОИНА В ЭПИЧЕСКИХ ПОЭМАХ X ВЕКА
«АРМУРИС» И «ДИГЕНИС АКРИТ»**

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, г. Севастополь

Наше традиционное представление о византийцах как о людях слабых телесно и лукавых духовно восходит к западноевропейской традиции их восприятия, сформировавшейся еще в эпоху Крестовых походов. Эта точка зрения отражена в хрониках и литературных произведениях той поры и была вначале призвана объяснить, почему западноевропейские воины должны были отправиться в I Крестовый поход на помощь гибнущей восточно-христианской империи, а затем оправдать ее разгром и расчленение самими крестоносцами в ходе IV Крестового похода. Историки и особенно искусствоведы Нового и Новейшего времени рисовали нам византийцев набожными аскетами, «зацикленными» на религии и умерщвлении плоти. Однако этот стереотипный образ никак не объясняет, как столь беспомощные люди веками отражали атаки численно превосходящих их врагов, порой на нескольких фронтах одновременно, переходили в контрнаступление и отвоевывали сотни тысяч квадратных километров ранее утраченных территорий.

Это означает, что сами византийцы подражали иным идеалам – мужественным и неустрашимым. Одним из них был эпический герой предположительно X века Армурис сын Армуриса, который, вызволяя отца из сарацинского плена, в одиночку истребил всю арабскую армию, демонстрируя при этом не только силу, но и благородство: *«На безоружных не пойду – не то они сошлются, / Что безоружных я застиг, и чести в этом мало». / Вскричал он звонким голосом, вскричал, что было мочи: / «К оружию, поганые собаки–сарацины! / Скорей наденьте панцири, скорей седлайте коней, / Не медлите, не думайте: Армурис перед вами, / Армурис, сын Армуриса, отважный ратоборец!»* [2, с. 158].

Несмотря на то, что античное понятие «калокагатия» вместе с палестрами и гимнасиями давно кануло в Лету, различные византийские письменные источники дают своим героям характеристики в полном соответствии с античным идеалом.

Наиболее полно это отражается в героическом эпосе о легендарном воине восточного пограничья X века Дигенисе Акрите, окончательно сложившемся к XII веку.

Приведу несколько примеров.

Отца Дигениса Акрита (арабского эмира, принявшего христианство и женившегося на дочери византийского стратига из рода Дук) поэма характеризует так: *«...взгляд живой и радостный, наполненный любовью / Светился на лице его, с цветущей розой схожем. / Соперничал сложеньем он со стройным кипарисом, / И если видел кто его – уподоблял картине. / Еще был наделен эмир неодолимой силой»* [3, с. 10]. Брату нареченной эмира (юному стратигу Константину из рода Дук) автор поэмы, причем, устами восхищенного «сарацина», дает следующую характеристику:

«Гляди, с каким искусством он прищипоривает лошадь, / Как обращается с мечом и как копьем играет, / А всё это – свидетельство умения и отваги...» [3, с. 13].

Именно о таких качествах своего будущего сына Василия Дигениса Акрита мечтает его отец: *«Дарует ли Всевышний мне, о мальчик мой сладчайший, / Увидеть, как на скакуне искусно ты гарцуешь? И научу ль тебя владеть копьем, двоерожденный, / Чтобы сородичи тобой гордились по заслугам?»* [3, с. 27].

И сын сполна оправдал надежды отца, обучившись вначале наукам [3, с. 41] и искусству игры на кифаре [3, с. 53], а затем увлекшись воинскими упражнениями: *«Еще ребенком был Акрит, когда его родитель / Наставника для сына взял, чтоб обучался мальчик. / Три целых года Дигенис в науках упражнялся / И острым разумом своим усвоил много знаний. / Затем к езде он верховой, к охоте устремился / И упражнялся день за днем с отцом в искусствах этих»* [3, с. 41]. Уже в 12 лет он отправился на свою первую охоту, где голыми руками убивал львов и медведей [3, с. 42–44], а в 14 лет женился, похитив невесту у местного стратига и, спасая ее от разгневанного отца, в одиночку перебил десятки воинов [3, с. 49–61].

В соблазнении знатной девушки, которая, по воле родителей до этого не была даже показана ни одному из многочисленных женихов, Акриту пригодились и его сила, и умение играть на кифаре, и красиво петь [3, с. 54], и необычайная физическая красота: *«И впрямь чудесным юноша сложеньем отличался, / С кудрями русыми он был и с черными бровями, / Как розовый цветок, лицо, глаза на нем большие, / И в сажень шириною грудь, подобная кристаллу»* [3, с. 45]. Автор поэмы подчеркивает, что прежних героев античности (Ахилла, Гектора, Александра) следует позабыть, ибо в лице Дигениса Акрита ромейская земля обрела свой новый идеал [3, с. 40]. Для сравнения приведу описание внешности императора Романа II, данное Продолжателем Феофана и явно сделанное под влиянием вышеприведенного идеала: *«Он был молод годами, крепок телом, с пшеничного цвета кожей, с красивыми глазами, длиннонос, розовощек, в речах приятен и сладостен, строен как кипарис, широк в плечах, спокоен и приветлив, так что все поражались и восхищались этим мужем»* [7, с. 195].

Состязания, в которых участвует Акрит (и в отрочестве, и повзрослев), максимально приближены к реальному бою: и когда он состязается с разбойниками в искусстве владения дубинкой: *«Давайте, отроки, возьмем с собою по дубинке, / Оставим нашу трапезу, сойдемся на равнине, / Сражаться там дубинками начнем между собою, / Кто победит соперника – возьмет его дубинку»* [3, с. 48], и когда принимает вызов от трех знаменитых воинов ромейского пограничья [3, с. 88–91].

Нарисованный поэмой образ идеального героя резко контрастирует с распространенным в историографии иным идеалом ромея – хилого и физически неразвитого аскета. Например, В.Н. Лазарев в труде «История византийской живописи» утверждает: *«Строгий аскет, обуздавший плоть и ведущий уединенную созерцательную жизнь, всегда оставался идеалом византийцев»* [4, с. 16]. В качестве образцов ромейского аскетизма автор приводит образы нескольких императоров: Никифора Фоку (в эпоху которого создавался эпос о Дигенисе Акрите), Михаила IV, Алексея I и Мануила Комнина [4, с. 16], которого поэт XII в. Феодор Продром комплиментарно называл «новым Акритом» [9, р. 73].

На самом деле, большинство упомянутых выше императоров были людьми физически развитыми, любившими и спорт, и воинские упражнения. Об императоре-воине Никифоре Фоке (963–965 гг.), захватившим престол уже в зрелые годы, когда ему было

около 50 лет, современник Лев Диакон писал: «*Стан у него был округлый и плотный, грудь и плечи очень широкие, а мужеством и силой он напоминал прославленного Геракла*» [5, с. 29]. Об Алексее I Комнине его дочь Анна восторженно сообщала: «*Широкие плечи, крепкие руки, выпуклая грудь – весь его героический облик вселял в большинство людей восторг и изумление. В этом муже сочетались красота, изящество, достоинство и непревзойденное величие. Если же он вступал в беседу, то казалось, что его устами говорит пламенный оратор Демосфен*» [1, с. 121]. Сына и преемника Алексея императора Иоанна II подданные прозвали Калоиоанном (прекрасным Иоанном) [7, с. 65].

Отличался мужественной красотой, сочетавшейся с храбростью и отвагой, и Мануил Комнин: «*В возрасте нежного юноши он превосходил уже благоразумием людей, состарившихся в делах, был воинствен и смел, в опасностях неустрашим и мужествен, в битвах решителен и храбр. Юношеское лицо его отличалось приятностью, и улыбающийся взор заключал в себе много привлекательного*», – пишет о нем Никита Хониат [7, с. 65].

Как видим, описания современников, данные византийским императорам-воинам, резко контрастируют с представлениями современного искусствоведа об аскетическом идеале византийца. Что же касается императора Михаила IV, то его чрезмерная набожность объяснялась в значительной степени тяжелыми недугами: мучившими его с детства приступами эпилепсии [6, с. 39–40], а в конце жизни еще и водянкой [6, с. 50]. И тем не менее он, даже на носилках, командовал войском и проявлял немалое мужество в борьбе с недугами [6, с. 40].

Конечно, описания, данные императорам их современниками, были комплиментарными. Но они воплощали тот идеал мужа – мудрого и воинственного – который оставался у византийцев неизменным на протяжении столетий. Довольно язвительную характеристику стремлению византийских императоров сыграть образцами мудрости, силы и красоты дал в XIII в. (когда величие империи было уже в прошлом) историк Никита Хониат: «*Для большей части римских царей решительно невыносимо только повелевать, ходить в золоте, пользоваться общественным достоянием как своим, раздавать его как и кому угодно и обращаться с людьми свободными как с рабами. Они считают для себя крайней обидой, если их не признают мудрецами, людьми, подобными богам по виду, героями по силе, богомудрыми подобно Саламону, богодухновенными руководителями, вернейшим правилом из правил*» [7, с. 271].

Но, несмотря на то, что реальные византийские воины и полководцы не всегда соответствовали тому идеалу, который был задан ромейским героическим эпосом, именно на этих примерах веками ковался дух византийского воинства, благодаря чему империя смогла выживать в кольце врагов на протяжении тысячи лет.

Литература

1. Анна Комнина. Алексиада / пер. Я.Н. Любарского. М.: Наука, 1965. 688 с.
2. Армурис // Памятники византийской литературы IX–XV веков. М.: Наука, 1968. С. 158–160.
3. Дигенис Акрит / пер. А.Я. Сыркина. М.: Изд-во АН, 1960. 220 с.
4. Лазарев В.Н. История византийской живописи. М.: Искусство, 1986. 331 с.
5. Лев Диакон. История / пер. М.М. Копыленко. М.: Наука, 1988. 240 с.
6. Михаил Пселл. Хронография пер. и прим. Я. Н. Любарского. М.: Наука, 1978. 319 с.
7. Никита Хониат. История. Том 1 / пер. В.И. Долоцкий. СПб.: Санкт-Петербургская духовная академия, 1860. 466 с.
8. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / пер. Я. Н. Любарского. СПб.: Наука, 1992. 348 с.
9. Rambaud A. Etudes sur l'histoire byzantine. Paris, 1912. 317 p.

**О МЕЖЕВЫХ ГРАНИЦАХ ЧЕМБАЛЬСКОГО КОНСУЛЬСТВА И ФЕОДОРО
В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ БАЛАКЛАВСКОЙ ДОЛИНЫ**

Севастопольский центр туризма, краеведения, спорта и экскурсий, г. Севастополь

Изучение любого государственного образования прошлого неизбежно сталкивается с проблемой обозначения границ. Отсутствие карт того времени среднего и тем более крупного масштаба делает невозможным восстановить в настоящее время эти границы с абсолютной точностью, что приводит к различным трактовкам их положения. Данный научный вопрос весьма актуален для Крымского полуострова, так как в течение нескольких тысячелетий на его территории мирно и немирно возникали, достигали расцвета и погибали государственные или квази-государственные образования. В середине XIV – третьей четверти XV века такими образованиями были: республика Генуя, княжество-деспотия Феодоро (Мангупское княжество), Крымский улус Золотой Орды, на развалинах которого вскоре образовалось Крымское ханство.

Несмотря отдаленность тех события от нашего времени, границы этих владений до сих прослеживаются в территориальном делении Крыма. Особый интерес представляют границы Чембальского консульства (третьего по величине генуэзского города на Крымском полуострове в XIV–XV вв.) и княжества Феодоро. Эту тему неоднократно поднимали многие исследователи Крыма. Опираясь на текст Устава 1449 года (в переводе В.Н. Юргевича 1863 года, на который обычно и ссылаются авторы), они то расширяли границу консульства до Байдарской долины (А.А. Бертье-Делегард, С.Г. Бочаров [1, с. 206]), то сужали ее до границ Балаклавской долины (Е.В. Веймарн, Е.В. Неделькин [3, с. 98]).

В настоящее время тема границ Чембальского консульства активно обсуждается двумя исследователями: С.Г. Бочаровым и Е.В. Неделькиным, которые по-разному трактуют историческую географию Юго-западного Крыма и государственную принадлежность замков-исаров. На наш взгляд, высказанном в докладе на конференции «Лазаревские чтения 2018», замки-исары, а также подскальные укрепленные монастыри (Святой Софии, Загайтанский, Челтер-Мармара, Шулдан) играли роль убежищ, в которых укрывалось сельское православное население прилегающей территории во время военной опасности. Наблюдаемая удаленность указанных укреплений от спаренного сельского поселения (или двух поселений) составляет не более 5–6 км, что позволяет разновозрастному населению с домашними животными по тревоге добраться туда за 1–2 часа.

Если считать Камарский замок (укрепление на горе Кая-Десь) убежищем для жителей селения Камары (ныне с. Оборонное Балаклавского района), то земли княжества Феодоро в форме сельскохозяйственных земель Камарской общины были выдвинуты в Балаклавскую долину, так как именно там находятся плодородные, уникальные по своим почвенно-климатическим условиям, земли. Это предполагает наличие границы между двумя государственными образованиями в самой долине.

Данное предположение противоречит тезису, высказанному указанными выше авторами, что границы в Средние века должны были обязательно пролегать по явно выраженным в рельефе географическим доминантам – горным хребтам, ущельям, руслам рек и т.д. [1, с. 205], [3, с. 97]. Учитывая равнинный характер Балаклавской долины, граничная межа должна была быть создана искусственно, и тем самым подкреплять на местности процедуру межевания (разграничения владений), проводимую в словесной и/или в письменной форме-договоре. Обозначение межи в натуре осуществлялось специальными пограничными знаками. Принципы их создания неизменны: знаки должны быть заметными, долговременными, трудно уничтожимыми и трудно переносимыми, изготавливаться из доступного материала (камня, например).

Такие вероятные межевые каменные стенки были найдены автором в начале 2000-х годов в лесном массиве восточнее пригородного поселения Благодатное, относящегося к Балаклаве. Участок леса примыкает с юго-востока к виноградникам агрофирмы «Золотая балка», образуя их юго-восточное обрамление. Каменные стенки состоят из ряда сравнительно больших блоков (90×28×35см) мраморовидного известняка, которые установлены вертикально на боковой торец, а длинной осью ориентированы по уклону пологого (12°) склона. Камни для устойчивости утоплены в почву, устойчивы; сверху покрыты сплошным слоем мха. Они не образуют сплошную стенку: чаще находятся на небольшом расстоянии (5–20 см) друг от друга. Таких каменных поперечных стенок было обнаружено две, стоящих параллельно друг другу на расстоянии около 300 метров и ориентированных в юго-восточном направлении. По общему характеру кладки камней и их современному виду эти стенки очень похожи; скорее всего, относятся к единовременным. У западного ряда камней более ровную поверхность имеет та сторона, которая обращена на запад; у восточного ряда более гладкая сторона смотрит на восток. Северные (нижние) края межевых рядов находятся рядом с виноградниками, а верхний край теряется среди леса через 120 и 150 метров от начала. Каменные гряды строго выдерживают свое направление: восточный ряд имеет азимут 150° (с переходом вскоре на азимут 115°), а западный ряд протягивается по азимуту 110° (115°). В целом их ориентация подчиняется направлению уклона местности этой части Балаклавской долины.

Значительно западнее вышеописанных стенок недалеко от верхних домов улицы Мускатная (Благодатное) были найдены еще три каменные стенки, но уже установленные вдоль горизонтального простираения склона. Две стенки расположены параллельно друг другу на расстоянии 9 метров. Азимут стен – 210°–220°, длина – 22 и 25 метров. Западнее и выше их по склону найдена еще одна, слабозаметная, стена, прослеженная на 25 метров.

Отсутствие продолжения стенок вверх от наблюдаемых, т.е. у нижней бровки горного массива Кая-Десь, можно объяснить переходом способа межевания от каменных гряд на открытом пространстве к межеванию на деревьях в виде определенных меток, затесов. Этот способ межевания практиковался повсеместно в лесных районах Земли. Средневековые земледельцы, хорошо понимающие законы природы, могли оставить нетронутый лес у самого подножья горы как противозерозионную защитную полосу, тем более, что уклон местности в этом месте возрастает до 20°. Учитывая, что с 1475 года данная территории Таврики испытывала значительный

экономический упадок, вплоть до полного коллапса в 1770-х годах, то возраст сооружения стенок следует отнести к XIV–XV векам или даже ранее. Они также не могли быть сооружены в XIX–XX вв., так как на среднемасштабных картах окрестностей Балаклавы 1836 и 1890 гг., (ресурсы Интернета), здесь обозначен лесной покров практически в тех же контурах, что и в настоящее время. Отсутствие археологических находок вблизи стен не дает возможности подкрепить наши предположения документально. Изучение микротопографии территории Юго-западного Крыма, где ещё сохраняются остатки средневековых построек и сооружений, является одним из перспективных направлений краеведческих и археологических исследований.

Литература

1. Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV вв. Консульство Чембальское // Поволжская археология. 2017. № 2 (20). С. 204–223.
2. Бочаров С.Г., Неделькин Е.В. Селения Чембальского консульства в XIV–XV вв.: материалы к археологической карте // Учен. Зап. Крым. фед. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. «Истор. науки». Том 3 (69), № 1. 2017. С. 16–41.
3. Неделькин Е.В. Границы княжества Феодоро и Генуэзской республики в Юго-Западной Таврике // Причерноморье. История, политика, культура. 2016. Вып. XIX (VI). Серия А. Античность и средневековье. С. 81–106.

«СЕПАРАТИСТЫ-ЛОЯЛИСТЫ»: ПАРАЛЛЕЛИ В РАННЕЙ ИСТОРИИ ЦАРСТВА ШУ И ТРАПЕЗУНДСКОЙ ИМПЕРИИ**Сибирский институт управления РАНХиГС (г. Новосибирск)****Педагогический национальный университет Тайваня (г. Тайбэй)*

Временный распад крупного государства (будь это Восточная Римская империя после 1204 г. или единый Китай под властью династии Хань в начале III в. н.э.) неминуемо вызывает продолжительную борьбу сил, претендующих на «наследство». При этом как минимум в двух (вынесенных в заглавие) случаях возникает ситуация, при которой появляется сравнительно небольшое периферийное образование, которое, тем не менее, возглавляют лица, имеющие отношение к прежней династии.

Возникло царство Шу-Хань (часто просто Шу) из соединения высокого интеллекта Чжугэ Ляна и удалства Лю Бэя. Последний воспринимал себя как дальнего родственника династии Хань (носившей фамилию Лю), основатель которой сам был из крестьян. Захватив вместе богатую Сычуань, Чжугэ Лян и Лю Бэй получили заметные материальные ресурсы. Почему же при этом Шу считалось периферийным и «сепаратистским»? Дело в том, что население Сычуаньской котловины (да и юго-западного Китая вообще) было на тот момент изолировано от общекитайской политической жизни и нередко жило натуральным хозяйством, не будучи втянуто ни в Шёлковый путь, ни даже во внутреннюю торговлю. Всё, что волновало Чжугэ Ляна и Лю Бэя (а именно – восстановление единства Поднебесной), было чуждо жителям Сычуани. Чжугэ Лян понимал это и всеми силами стремился вырваться на Срединную (Центральную) равнину, где хотел найти отзвуки восстановления «жёлтых повязок» и сыграть на чувствах ханьских лоялистов (в основном из среды чиновников). Ради этого он предпринял шесть походов на север с 227 по 234 год, но талантливый вэйский полководец Сыма И свёл его попытки на нет. Царство Шу из трёх было наименьшим, но вынуждено было проводить агрессивную внешнюю политику. Частые северные экспедиции требовали увеличения пошлин. Ресурсная база царства Вэй давала возможность формировать более многочисленные армии (по численности армия царства Шу редко превышала 50% армии Вэй). Благодаря изобретательности Чжугэ Ляна, впрочем, до поры царству Вэй почти всегда приходилось обороняться, ибо даже после поражений Чжугэ терял не более 5% армии [1, с. 282]. Но вскоре после смерти сановника Шу-Хань пало.

Весьма похожую картину мы видим в Малой Азии начала XIII века. Трапезундская империя была основана «старой» династией Комнинов в весьма своеобразной части Византии, отделенной по сути от остальной территории хребтами. Как и в Шу, могущество Трапезунда олицетворял не император, а его

талантливый сподвижник брат Давид. Почти сразу молодое государство вступило в борьбу с контролирующей более обжитые земли Никеей Ласкариса.

Всё это практически полностью повторяет модель Троецарствия, где роль Никеи (новая династия на центральных землях с большим потенциалом) играло Вэй. Трапезунду удалось сохранить суверенитет, в отличие от Шу, но это скорее объясняется сложной политической ситуацией в Малой Азии, препятствовавшей центростремительным тенденциям Никеи и Константинополя (впрочем, и Китай III–VI вв. надолго объединяться был не способен) и тем, что Тавр обеспечивал большую изоляцию, чем горы Сычуани.

Литература

1. Чэнь Цзикан (главный составитель). Чжунго лидай цзюньши чжаньлюе [陈济康 (责任编辑)。中国历代军事战略。北京: 解放军出版社; Китайская историческая военная стратегия]. Пекин: Цзефанцзюнь чубаньшэ, 2002. 428 с. (на кит. яз.)

СЕКТОР ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ КРЫМСКОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ БАЗЫ АН СССР В 1947-1950 ГГ.*Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь*

В наши дни растёт интерес к истории археологической науки, в том числе и в Крыму. Опубликовано ряд работ, в которых рассмотрены основные тенденции, дискуссии, влияние объективных и субъективных факторов в послевоенном Крыму ([5, с. 364–397], [8], [9] и др.). Цель публикации – изложение фактических сведений о направлениях научных исследований Сектора истории и археологии (далее СИА) и их результатах.

1947 г. 23.12.1947 г. создана Крымская научно-исследовательская база АН СССР (далее КНИБ), а в её составе – СИА под руководством П.Н. Шульца. В числе направлений указано «*изучение истории Крыма как неотъемлемого звена истории народов СССР и русской истории*». Первыми научными сотрудниками СИА КНИБ стали: Е.В. Веймарн, В.П. Бабенчиков, О.И. Домбровский, Г.Д. Белов, В.В. Бобин, Э.И. Соломоник. Группу историков, возглавил П.Н. Надинский [4].

1948 г. Коллектив приступил к полноценной научной работе. Она велась по трём направлениям: «Аборигенное население Крыма в древности», «Античные и средневековые города в Крыму», последнее направление касалось истории советского Крыма [10, л. 4]. В сентябре 1948 г. под эгидой КНИБ в Симферополе состоялась четвертая Сессия по истории Крыма [3, с. 193–196]. Снят короткометражный научно-популярный фильм «Новгород-Скифский». Продолжила работу Тавро-Скифская экспедиция (начальник П.Н. Шульц) в составе 4-х отрядов: Симферопольского (рук. А.Н. Карасев – раскопки на Неаполе Скифском); Горного Бахчисарайского (рук. Е.В. Веймарн – разведки в горном Крыму); Евпаторийского (рук. М.А. Наливкина – раскопки Калос-Лимена); Судакский (рук. И.В. Пяттшева – разведки в регионе и на городище Тепсень, на котором В.П. Бабенчиков обнаружил «славянскую керамику») [11, л. 11]. Инкерманская экспедиция совместно с МПГК провела новостроечные раскопки Инкерманского могильника, которые спасли памятник от разрушения [6].

1949 г. СИА продолжил работы по указанным направлениям. В эти годы в СССР велась активная политическая кампания по борьбе с космополитизмом. Этой теме посвящён доклад П.Н. Надинского «Против извращений исторического прошлого Крыма» [3, с. 197–199]. После него возникла идея написания П.Н. Надинским монографии «Очерки по истории Крыма» [7, с. 282–283]. Продолжили работы отряды Тавро-Скифской экспедиции: Симферопольский (рук. А.Н. Карасев закончил исследование мавзолея Неаполя Скифского); Коктебельский славяно-русский отряд (рук. В.П. Бабенчиков – раскопки на городище Тепсень); Феодосийский отряд (рук. И.И. Бабков вёл поиски т.н. «Асандрова вала»); Бахчисарайский Горный отряд совместно с МПГК (рук. Е.В. Веймарн – обследование Сюреньского укрепления, стен Мангуп-Кале, таврских памятников на южном берегу). Херсонесская экспедиция, совместная с ГЭ (нач. Г.Д. Белов – раскопки некрополя и жилой застройки Херсонеса). Экспедиция по изучению партизанских мест (рук. Е.В. Веймарн – локализация мест дислокации партизан 1941–1942 гг., составление планов партизанских стоянок) [12, л. 16–21].

1950 г. В связи с преобразованием КНИБ в Крымский филиал АН СССР предполагалось на основе СИА создать Институт истории и археологии [1]. Продолжили работы отряды Тавро-Скифской экспедиции: Симферопольской отряд (рук. А.П. Карасев – раскопки Неаполя Скифского); Ялтинский отряд (рук. П.Н. Шульц – раскопки укрепления на г. Кошка); Евпаторийский отряд (рук. М.Н. Наливкина – раскопки Керкинитиды и Калос-Лимена); Алуштинский отряд (рук. Н.В. Пятшшева, а затем Е.В. Веймарн – раскопки могильника и церкви X-XII вв. в Алуште); Коктебельский отряд (рук. В.П. Бабенчиков – раскопки трехапсидного храма IX-X вв. на плато Тепсень). Инкерманская экспедиция, совместно с МПГК (рук. Е.В. Веймарн – раскопки Чернореченского могильника, таврского поселения и крепости Каламита). Разработан план Северо-Крымской экспедиции в связи с планируемым строительством канала в Крым [13, л. 3, 28–34]. Начата работа над пятитомником «История города-героя Севастополя» (рук. А.И. Неделин). П.Н. Надинском фактически полностью завершена рукопись первого тома «Очерков по истории Крыма» [13, л. 12, 15].

Исследование истории СИА этого периода позволяет выявить ряд тенденций:

- повышенное внимание к вопросу о древних славянах в Крыму;
- декларация автохтонного развития населения полуострова в древности и средневековье, основанного на взглядах Н.Я. Марра;
- тезис об участии тавров и скифов в формировании славян, в том числе и в Крыму;
- критика «готского вопроса» и роли Византии в истории Таврики на фоне борьбы с космополитизмом, объективизмом и т.д., политизация истории Крыма.
- проблемы с изданием работ сотрудников СИА.

В середине 1950 г. И.В. Сталин осудил «автохтонную» концепцию Н.Я. Марра. Критике за «марризм» подверглись многие ведущие ученые-гуманитарии, в том числе и сам покойный Н.Я. Марр [2]. В 1951 г. СИА был преобразован в ОИА КФ АН СССР, скорректированы направления научных исследований.

Литература

1. Емельянова Н.С. Институт истории и археологии Крымского филиала Академии наук СССР: нереализованный проект // Причерноморье. История, политика, культура. Серия А (Античность и средневековье). 2018. № 26 (VIII). С. 6–18.
2. Юрочкин В.Ю. П.Н. Шульц в годы борьбы с «марризмом» // 70 лет Тавро-Скифской экспедиции в Крыму. Материалы конференции (Симферополь, 4-6 сентября 2015 г.). Симферополь, 2015. С. 31–32.
3. Юрочкин В. Ю. Сессии по истории Крыма и становление археологической науки в послевоенном Крыму // История и археология Крыма. 2016. № 4. С. 187–204.
4. Юрочкин В.Ю. Создание сектора истории и археологии Крымской базы АН СССР // Ишин А.В. (ред.) Материалы IV научно-практической конференции «Военно-исторические чтения» (24-27 февраля 2016 г.). Симферополь: Бизнес-Информ, 2016. С. 41–44.
5. Юрочкин В.Ю. Готский вопрос. Симферополь: СОНАТ, 2017. 495 с.
6. Юрочкин В.Ю. «Инкерман-48» или первые спасательные раскопки в послевоенном Крыму // V Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Бахчисарай, 2017. С. 30–31.
7. Юрочкин В.Ю. Из истории создания первой части «Очерков по истории Крыма» П.Н. Надинского // История и археология Крыма. 2017. № 6. С. 277–293.
8. Юрочкин В.Ю., Майко В.В. Готы, скифы, славяне: этнические кульбиты крымской археологии послевоенной эпохи (глава 8) // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до гнузцев / Отв. ред. Л. Б. Вишняцкий. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 157–231.

9. Юрочкин В.Ю. Византия и Крым в контексте политических компаний послевоенного периода // X Международный Византийский семинар «Χερσωνοσ θερματα: империя и полис». Материалы научной конференции. Вып. X. Севастополь, 2018. С. 179–182.

10. Институт археологии Крыма РАН. Научный архив. Рукописный отдел (ИАК РАН НА РО). Д. 1 (1948).

11. ИАК РАН НА РО. Д. 9 (1948)

12. ИАК РАН НА РО. Д. 13 (1949).

13. ИАК РАН НА РО. Д. 12 (1950).

Список сокращений

ГЭ – Государственный Эрмитаж.

СИА – Сектор истории и археологии.

КНИБ – Крымская научно-исследовательская база АН СССР.

МПК – Музей пещерных городов Крыма.

ОИА – Отдел истории и археологии.

КФ АН СССР – Крымский филиал АН СССР.

ПОДСЕКЦИЯ «Новая история»

УДК [94:908](292.471)

Есип И.М.

УСАДЬБА ЯСНАЯ ПОЛЯНА «РОМАНТИЧЕСКАЯ АЛЕКСАНДРИЯ»

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, г. Ялта

Усадьба Ясная Поляна или имение Александрия находится на Южном берегу Крыма в 13 километрах от Ялты в поселке Гаспра. Небольшой средневековый замок в стиле английской готики со стрельчатыми окнами и двумя трехъярусными, увитыми плющом, гранеными башнями по бокам был возведен по проекту архитектора Филиппа Фёдоровича Эльстона в 1831–1836 годах. Роскошный парк и средневековый стиль усадьбы привлекает не только туристов и творческих людей, но и историков.

История усадьбы начинается с первой половины XIX века, когда земли под дворцовый ансамбль выкупил император Александр I с целью «уйти на покой». Александр I решил выкупить эти земли по совету своего друга Александра Николаевича Голицина. По крымским меркам имение было совсем небольшим (всего 7 десятин) и называлось в честь императора «Александрией» [3, с. 249]. Кстати, бытует мнение, что имение названо «Александрией» в честь Александра Голицина, так как именно он стал его последующим владельцем в 1829 году.

Князь Александр Николаевич Голицын (1773–1844) был одной из ключевых фигур эпохи Александра I. В разное время он занимал ряд государственных постов, среди которых наиболее значимые: обер-прокурор Священного Синода, руководитель Главного управления духовных дел иностранных исповеданий и министр духовных дел и народного просвещения [5, с. 6]. Князь А.Н. Голицын известен в истории как мистик и обскурант, более двадцати лет его деятельность была тесно связана с церковной сферой.

В начале XIX века Александр Николаевич приобрел имение в Крыму. В 1830 году он заказал проект дворца известному архитектору Огюсту Монферрану, создателю Исаакиевского собора и Александрийской колонны в Петербурге [1, с. 9]. Предложенный проект был достаточно дорогим, поэтому князь решил от него отказаться. Вследствие этого за проект гаспринского дворца взялся архитектор Филипп Эльстон, а руководил строительными работами Вильям Гунт, принимавший ранее участие в сооружении Воронцовского дворца в Алушке.

Пять лет длились строительные работы, в 1836 году дворец был построен. Усадьба, из-за своего средневекового стиля, напоминает замок, а внешний облик говорит сам за себя – «Романтическая Александрия».

Гаспринский дворец в середине XIX века пользовался особой популярностью. Известные путешественники не могли оставить без внимания усадьбу Голицына. К примеру, 19 сентября 1837 года, во время поездки по Крыму, замок в отсутствие

хозяина посетил в сопровождении большой свиты Николай I [2, с. 11]. Александр Николаевич часто отсутствовал в имении, но дом всегда можно было посмотреть в сопровождении управляющего.

За два года до кончины, в 1842 году, Голицын полностью перебирается в Гаспру. Он заранее выбрал себе место для погребения в Георгиевском монастыре, и в ноябре 1844 года умер в Гаспре и был похоронен на кладбище Георгиевского монастыря, там сохранилась его могила [1, с. 11].

Во время Крымской войны 185–1856 годов многие усадьбы Южного берега находились в упадке, в полузаброшенном состоянии, гаспринский дворец – не исключение. Во второй половине XIX века дворец переходил из рук в руки, а в 1895 году перешёл во владение крестницы императора Александра II – графини Софьи Владимировны Паниной.

С.В. Панина (1871–1956) принадлежала к одному из самых богатых и именитых семейств России. По отцу она была Панина – из рода крупных землевладельцев, по матери принадлежала к роду Мальцевых, известных по всей стране многочисленными заводами, производящими вагоны, рельсы, паровозы, стекло, хрусталь, фаянс [6, с. 50].

Неудачный брак Софьи Владимировны отбил у нее желание когда-либо выходить замуж. После развода графиня полностью окунулась в общественную и благотворительную деятельность. Она помогала малоимущим, строила больницы, школы, содержала за свой счёт многих знакомых. Она оказывала щедрую поддержку многим высшим и специализированным учебным заведениям, особенно женским, и учредила множество стипендий для учащихся в низших, средних и высших школах. После революции 1917 года Софья Владимировна была избрана в число гласных Петроградской городской думы. Софья Владимировна Панина – первая в России женщина, получившая назначение на ответственный правительственный пост, 25 мая 1917 года была приглашена Временным Правительством на пост товарища министра государственного призрения. Ей было поручено заведывание всеми детскими учреждениями и средними учебными заведениями [4, с. 284].

В 1895 году графиня С.В. Панина провела капитальный ремонт гаспринского дворца. За счёт выкупленных соседских земель территория имения значительно увеличилась. Угодья были засажены фруктовыми садами и виноградниками. К началу XX века усадьба пришла в цветущее состояние, и это все благодаря труду графини и ее дельного управляющего Карла Христиановича Классена.

8 сентября 1901 года, по приглашению Софьи Владимировны, на оздоровление в гости к ней вместе с семьей приехал Лев Николаевич Толстой. Не было и дня, чтобы усадьба пустовала: Льва Николаевича навещали Антон Павлович Чехов, Максим Горький, Александр Иванович Куприн и многие другие деятели культуры. «Александрия» стала интеллектуальным пристанищем того времени.

Лев Николаевич покинул Гаспру 25 июня 1902 года. Он прожил там десять месяцев, за это время им были написаны статьи: «К рабочему классу», «Обращение к молодежи», «Что такое религия и в чем сущность ее». Здесь он работал над повестью «Хаджи-Мурат». Для всех последующих постоянных и временных обитателей Гаспры пребывание в ней всегда было окрашено именем Льва Николаевича Толстого [2, с. 273]. Сюда как магнитом притягивало его преданных поклонников и последователей.

В период революции гаспринское имение стало убежищем для семьи Набоковых. Через месяц после революции, в Гаспру приехал бывший Управляющий делами

Временного правительства Владимир Дмитриевич Набоков. В те беспокойные дни многие считали, что оставаться в Петрограде и Москве небезопасно – там были аресты и беспорядки. В Крыму на тот момент было еще спокойно, поэтому многие аристократические семьи перебирались в Крым или на Кавказ.

Набоковы поселились в Гаспре не случайно. Графиня С.В. Панина была падчерицей Владимира Дмитриевича Набокова. Самой хозяйки в то время в Гаспре не было, там жила ее мать [1, с. 22].

Жизнь Набоковых в Крыму была непродолжительной. Осенью 1918 года семья переехала из Гаспры в Ливадию, затем в Севастополь. Весной 1919 года, незадолго до взятия Крыма большевиками, Набоковы навсегда покинули Россию.

Сама Софья Владимировна, исполнявшая обязанности заместителя министра Государственного Призрения и товарища Министра Народного Просвещения, подверглась аресту. Ей инкриминировали хищение 92 тысяч рублей, в суде за нее вступились рабочие, помнящие ее как создательницу Народного дома. После освобождения она примкнула к Белому движению и вскоре эмигрировала в Чехословакию. После эмиграции в Крым она больше не возвращалась.

После полного взятия Крыма большевиками, на территории заброшенного гаспринского имения открылся санаторий для ученых, который получил название «Гаспра». После Великой Отечественной войны санаторий был переименован в «Ясную Поляну» в память о пребывании в Гаспре Л.Н. Толстого, а название «Романтическая Александрия» было забыто на долгие годы. Сегодня состояние усадьбы плачевное. Небольшой музей Л.Н. Толстого, размещенный в нескольких комнатах первого этажа, практически не работает. Остальные помещения заброшены, интерьер и отделка усадьбы не сохранились. По пустым комнатам гуляет ветер, и лишь экстерьер здания напоминает о былом величии некогда «Романтической Александрии».

Литература

1. Брагина Т., Васильева Н. Путешествия по дворянским имениям ЮБК. Симферополь: Таврия, 2001. 224 с.
2. Галиченко А.А. Гаспра. Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. 64 с.
3. Галиченко А.А. Старинные усадьбы Крыма. Симферополь: Бизнес-Информ, 2016. 416 с.
4. Короленко В.Г. Дело графини С.В. Паниной в революционном трибунале // Русской богатство. 1926. № 11–12. С. 283–298.
5. Назаренко Е.Ю. Князь А.Н. Голицын в общественно-политической и религиозной истории России первой половины XIX века. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. 188 с.
6. Шалюга Г.А. Красная графиня (Страницы биографии С.В. Паниной) // Сб. научных трудов. Симферополь: «Таврия-Плюс», 2004. С. 49–52.

НЕМЕЦКИЕ ВРАЧИ – УЧАСТНИКИ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ 1854-1855 ГОДОВ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Служба немецких врачей (а точнее – немецкоязычных, так как врачи были не только из разных немецких земель – Баварии, Вюртенберга, Пруссии и Саксонии, но также из Швейцарии и Австрии) в Российской империи в годы Крымской войны 1853–1856 гг. относится к числу малоизвестных и неизученных ее эпизодов.

В многочисленных трудах по истории Крымской войны о деятельности немецкоязычных врачей в военных госпиталях Крыма, как правило, даже не упоминается. Между тем свидетельства об их участии сохранились в немецкой прессе 50-х гг. XIX века. Изучение этих материалов позволяет в некоторой степени восстановить картину службы немецкоязычных врачей в русской армии и наметить пути дальнейших исследований.

С началом войны российские власти столкнулись с острой нехваткой военных врачей. Чтобы восполнить ее, царское правительство обратилось через посольства к иностранным врачам с призывом поступать на службу в российскую армию. В немецкоязычной медицинской прессе был опубликован образец контракта, который врачам предлагалось заключить в российской миссии в Берлине с графом фон Бенкендорфом [6, s. 42–43], [8, Sp. 30–31]. Условия контракта были привлекательными: содержание для врачей со степенью доктора составляло 120 руб. сер. в месяц, для менее квалифицированных врачей – 60 руб.

По данным Х.Я. Гюббенета, врачей, откликнувшихся на этот призыв, было немного – в 1854–1855 гг. на русскую службу поступили 114 врачей – немцев и американцев [1, с. 19]. Однако более точной следует признать цифру о вызове 121 человека: 22 иностранных врача были приняты «на общих и особых основаниях», еще 99 врачей поступили на службу по контракту [2, с. 395].

В немецких источниках упоминается о 80 немецкоязычных врачах, вступивших в русскую армию в годы Крымской войны, причем от болезней погибло 17 человек, и один был убит. По окончании войны часть врачей вернулась на родину, а около 30 человек продолжили медицинскую деятельность в армейских или гражданских госпитальных заведениях в разных городах Российской империи [7, s. 995].

Среди имен немецких врачей, прибывших в 1854–1855 гг. в Россию, значатся: К. Аурнхаммер, Р. Бреннер, Вагнер, Ф.С. Гойдтнер, Заар, Б. Закс, Крис, Кёниг, Кляйн, Ф. Масманн, Э. Майер, Маркус, Маттиас, Г. Поспишил, Ранхнер, Рауш, О. Рениус, Рихтер, Ройссер, Шварцманн, К.А. фон Шёнхуб, Шнайдер, Шрамм, В. Штепф, Штраус, Штрошнайдер, Фёрстер, Ф.В. Фрёлих, М. Хальбрайтер, Х. Хауф, И.Ф. Хейфельдер, Херманн, А. Цуппингер, Элиасон, И. Энценсбергер, Эрхард [7, s. 995], [3, s. 503].

Многих из немецких врачей направили на крымский театр военных действий. В осажденном Севастополе оказались Ф.С. Гойдтнер (Geudtner), К.А. фон Шёнхуб (Schönhub), А. Цуппингер (Zuppinger), Заар (Sahr), Б. Закс (Sachs), Кляйн (Klein),

Р. Бреннер (Brenner), Штраус (Strauss), Маркус (Markus), Эрхард (Erhardt), Рихтер (Richter), Ройссер (Reusser), Х. Хауф (Hauff) и Г. Поспишил (Pospischil). Отметим также, что в осажденном Севастополе в морском и сухопутных госпиталях трудились и российские немцы – доктора Х.Я. Гюббенет, А.А. Обермиллер, К.Б. Таубе, Э.В. Каде, Л.А. Беккерс, Х.Л. Гейнрих, Ф.В. Земан и многие другие.

Морской госпиталь, расположенный рядом с морскими (Александровскими) казармами на Корабельной стороне, в начале осады Севастополя был передислоцирован на Северную сторону. В ряде его помещений, получивших серьезные разрушения во время первой бомбардировки 5 (17) октября 1854 г., и в двух казарменных зданиях был устроен временный сухопутный госпиталь и перевязочный пункт. Врачей не хватало, а количество раненых на Корабельной стороне с начала 1855 г. постоянно росло. Гюббенету удалось убедить *«начальника гарнизона в необходимости усилить средства почти покинутого госпиталя в Александровских казармах. Комплект врачей при этом госпитале был дополнен врачами из полков, иностранцами и морскими врачами, вытесненными с главного перевязочного пункта»* [1, с. 48]. Сам Гюббенет был назначен заведующим перевязочным пунктом при госпитале на Корабельной стороне. Главным врачом военно-временного госпиталя был доктор Загорянский.

В записках немецкого врача Ханса Хауфа (Гауф), прибывшего в Севастополь в середине февраля 1855 г., говорится, что он *«вместе с пятью другими немцами»* был назначен в госпиталь в Александровских казармах, который *«служил для приема раненых с третьего бастиона, но главным образом с Малахова кургана и Камчатской батареи («Мамелона»)»* [4, Sp. 302]. Другими немецкими докторами были Шёнхуб (Шенгуб), Цуппингер, Заар (Саар), Закс (Сакс) и Штраус. Чуть позже к ним присоединился баварец Поспишил. Большинство из них были молодыми врачами, недавно завершившими медицинское образование, поэтому хирургический опыт им приходилось приобретать на месте.

Во время второй бомбардировки 28 марта (9 апреля) 1855 г. перевязочный пункт с госпиталем подвергся сильному обстрелу. Его жертвой стал баварский врач Карл Август фон Шёнхуб, находившийся на дежурстве на перевязочном пункте. Большой осколок бомбы раздробил ему плечевой сустав, смерть была мгновенной. Спустя два дня его вместе с двумя русскими офицерами похоронили по русскому обычаю на кладбище Северной стороны. За гробом, который несли немецкие врачи, шли все медики госпиталя, сопровождаемые музыкой оркестра, грохотом пушек и свистом бомб [5, s. 92]. У Шёнхуба осталась жена с четырьмя детьми. Российское правительство взяло на себя заботу о семье погибшего врача: сначала выплатило вдове полный годовой оклад жалованья мужа, а позднее назначило пожизненный пенсион.

Спустя несколько дней после начала второй бомбардировки госпиталь был переведен из Александровских казарм в магазины на Павловском мыске, где немецкие врачи продолжили свою деятельность. В благодарности медикам, объявленной 26 апреля 1855 г. начальником Севастопольского гарнизона Д.Е. Остен-Сакеном, упомянуты и пять немецких врачей – Цуппингер, Заар, Хауф, Закс и Поспишил. В начале июня госпиталь на Корабельной стороне был закрыт, все раненые переведены на Северную сторону, а немецкие врачи распределены по разным военным госпиталям. Доктора Поспишил и Хауф были направлены в операционный пункт в

Николаевском форте на Городской стороне, где был развернут временный госпиталь, руководство которым было возложено на Гюббенета.

По представлению командовавшего войсками в Крыму князя М.Д. Горчакова работавшие в Севастополе немецкие врачи Заар (Саксония), Б. Закс (Пруссия), Г. Поспишил (Бавария) и Х. Хауф (Вюртенберг) были награждены орденами Св. Станислава третьей степени и медалями «За защиту Севастополя с 13 сентября 1854 года по 28 августа 1855».

Литература

1. Гюббенет Х. Очерк медицинской и госпитальной части русских войск в Крыму в 1854–1856 г. СПб., 1870. 175 с.
2. Исторический очерк деятельности Военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования гос. имп. Александра Николаевича (1855–1880 гг.). Т. II. СПб., 1879. 615 с.
3. Ärztliches Intelligenz-Blatt. Organ für Bayerns staatliche und öffentliche Heilkunde. 5. October 1855. № 40. S. 503.
4. Hauff H. Mittheilungen aus dem Krim-Feldzuge (Fortsetzung) // Medicinisches Correspondenz-Blatt des Württembergischen Ärztlichen Vereins. 24. März 1859. № 12. S. 89–94.
5. Hauff H. Mittheilungen aus dem Krim-Feldzuge // Allgemeine Medicinische Central-Zeitung. 11. Mai 1859. №. 38. Sp. 302–304.
6. Medizinische Neuigkeiten für praktische Ärzte. 10. Februar 1855. № 6.
7. Der Bayerische Landbote. 5. September 1861. № 248. S. 995.
8. Wiener medizinische Wochenschrift. 13. Jänner 1855. № 2. Sp. 30–31.

**ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ ПО
МАТЕРИАЛАМ КОМПЛЕКТА ЕЖЕМЕСЯЧНИКА «БЫЛОЕ»**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Визуализация – это метод представления информации, воспринимаемой в виде оптического изображения (рисунков, диаграмм, графиков, структурных схем, карт, таблиц и т. д.).

Другими словами, это наглядное представление информации, которое позволяет людям лучше воспринимать нужные в конкретной ситуации сведения и с их помощью принимать необходимые для организации решения.

Одним из основных качественных свойств подавляющего большинства разновидностей изобразительных источников является непосредственная фиксация исторической информации в тот момент, когда событие происходит. Автором выступает определенное лицо с собственным видением событий, целью, намерениями, степенью одаренности и тому подобное. Федор Михайлович Достоевский об этом писал: «... в картине ли, рассказе ли, в музыкальном произведении непременно виден будет он сам (художник); он отразится невольно, даже против своей воли, выскажется со всеми своими взглядами, со своим характером, со степенью своего развития...» [3, с. 154].

Для историка изобразительные исторические источники имеют особое значение. Так, Г.Р. Наумова в книге «Владимир Александрович Плугин: ученый, учитель, мыслитель» характеризует особый метод работы историка: «... Владимир Александрович при написании работ биографического жанра всегда искал изображение своего героя и его окружения. Причем историку было не достаточно одного портрета. Он по возможности собирал комплекс портретных материалов. Через внешность Владимир Александрович прочитывал и понимал людей. Портрет для Плугина – это текст. Ученый прекрасно умел дать описание внешности исторических деятелей. Он легко совмещал в своем творческом методе письменную, устную и изобразительную традиции. Плугин всегда достигал высокого уровня психологизма в своих работах» [2, с. 73–74].

Опыт представления визуальной информации уже имел историографическую практику. Остановимся на опыте составителей газеты «Былое». Ежемесячник «Былое», выходявший с 1991 по 1998 годы использовал визуальный ряд для иллюстрирования истории отечественного предпринимательства. Шеф-редактором издания стал внук последнего председателя императорского Вольного Экономического общества С.С. Хижняков.

Сергей Сергеевич отмечал: «У нас если и изучали отечественное предпринимательство, то весьма однолинейно, накрыв когда-то черным колпаком все, что связано с капиталом. Лишь теперь императивы экономического выживания через возвращение к рынку высветили этот провал» [1, с. 1]. Сам С.С. Хижняков начал эту тему в газете «Деловой мир», где будущие авторы «Былого» печатали статьи. Так сложился коллектив авторов единомышленников, в который вошли Г.Р. Наумова, О.А. Кубицкая, С.А. Ермишина, М.Ю. Лачаева, С.В. Воронкова и др. Среди авторов

были ученики Валерия Ивановича Бовыкина, создателя одной из крупнейших отечественных школ изучения промышленной истории России.

Авторы периодического издания старались объяснить необходимость осуществления превентивных усилий, направленных на предотвращение социально-политических катаклизмов и гармонизацию общественной жизни в условиях расширения новой рыночной парадигмы. Ученые предупреждали о неэффективности той идеализирующей капитализм романтической волны, которая в 1990-е гг. мощно била о борт историко-экономической науки и публицистики [4, с. 103]. Выходивший в течение семи лет с июля 1991 до августа 1998 г. ежемесячник «Былое» занял свое место в научном и общественном сознании, неравнодушном к экономической истории.

В.И. Бовыкин с пониманием наблюдал эволюцию «Былого», а вместе с ним и движение его учеников *«от разглядывания забытого образа российского купца к разведке всех исторических форм хозяйственной деятельности в Отечестве»* [4, с. 103]. В издании освещалась не только финансово-капиталистическая деятельность. Речь также шла о крестьянско-потребительской и общинной жизни. Рассматривались частная, государственная, общественная активность и их хозяйственные формы. Уделялось внимание акционерным, монастырским, казачьим, артельным, кооперативным, колхозным механизмам хозяйствования. Изучались личность хозяйственника, культура хозяйственной деятельности, экономическое сознание – природа философии хозяйства. Рамки XIX – начала XX столетия расширялись от петровских до советских времён.

Сам же Валерий Иванович своих статей в «Былом» не публиковал, но давал тонкие советы по вопросам визуального ряда и исторических источников. Как видится уже сегодня, он предоставлял свободу действий ученикам и младшим коллегам и в тончайшей форме проявлял уважение к их методологической самостоятельности [4, с. 104]. Следует отметить, что до этого времени тема визуализации (реклама, карикатура, картины и фотографии) не ставилась. Рассмотрение данной темы в журнале «Былое» было первым опытом исторического изучения изображений.

Ежемесячник был разделен на несколько тематических рубрик: образы времени, философия хозяйства, пером потомков, торговля, промышленность, земледелие, транспорт, финансы, тень времени, ретросмех, забытые секреты, воспоминания, околица и другие.

Впервые в практике изучения промышленной истории создавался образ предпринимателя при помощи иллюстративных источников. Важно понять, что сам визуальный ряд подталкивает нас к формированию определенных образов, связанных с российскими предпринимателями. Так, например, ведущие предприниматели своего времени М.К. Мамонтова и В.П. Врасский представлены жанровыми портретами, где портретируемый представлен в смысловой и сюжетной взаимосвязи с окружающими его предметами быта. Портреты дополняют иллюстрации архитектуры и интерьера.

Отдельно ставилась женская тема в рубрике «Модный свет. Иллюстрированный журнал для дам», которую вела Светлана Александровна Ермишина. Статьи освещали различные темы: народные традиции в светском костюме, имевшие особую популярность среди женщин купеческого сословия; правила искусства одеваться, свадебные наряды и другие. Статьи всегда сопровождались коллективными портретами великосветских дам в роскошных нарядах, которые являлись эталонами красоты для своего времени.

На страницах журнала можно встретить изображения старинных зданий банков, заводов, бирж, храмов, а также интерьеров, благодаря которым то время предстает перед нами живым.

Одним из видов изобразительных исторических источников является карикатура. Датский карикатурист Херлуф Бидstrup описывал свой метод работы так: *«карикатура должна создать у зрителя такое же сильное впечатление, какое изображенный произвел на рисующего. Острота восприятия рисунка, сделанного черным штрихом на гладком листе белой бумаги, да еще в значительно уменьшенном виде, естественно, слабее впечатления от действительности, значит – потерянное должно быть восполнено другим способом... карикатуристу постоянно следует учитывать, что изображение должно походить на оригинал больше, чем даже фотография»* [6]. Особое внимание следует обратить на то, что авторы журнала обращались к опыту использования карикатуры, как на политические темы, так и на бытовые. Примерами карикатурных образов послужили такие издания, как «Сатирикон» и «Юный Сатирикон». Советы относительно выбора карикатур давали В.И. Бовыкин и Ю.А. Петров.

Газета «Былое» дала начало традиции изучения истории отечественного предпринимательства. Необходимо выделить издание «Предпринимательство и городская культура в России, 1861–1914» под редакцией У. Бумфрида, Б. Ананьича и Ю. Петрова [5], которое представляет собой опыт сотрудничества американских и российских историков в такой области исследований, как взаимодействие представителей делового мира и культурной среды крупных городов России на рубеже XIX–XX столетий.

Следует отметить, что главный акцент авторов статей в журнале ставился на положительные образы предпринимательства. До начала издания «Былое» с понятиями «предпринимательство», «купец» в исторической науке в целом ассоциировалось что-то негативное, нечестное. Именно визуализация в журнале придала человечность и нечто живое образам предпринимателей благодаря целому комплексу изображений персоналий, интерьера, архитектуры, а также живых женских образов и карикатуре специальной подборки.

Литература

1. Былое. Ежемесячное приложение к газете «Деловой мир». № 1. 1991.
2. Володихин Д.М., Наумова Г.Р. Владимир Александрович Плагин: ученый, учитель, мыслитель. М. Севастополь: Историко-просветительское общество «Радетель»; Издательство «Шико-Севастополь», 2018. 174 с.
3. Достоевский Ф.М. Выставка в Академии художеств за 1860-1961 год // Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 19. М.: Наука, 1979. С. 153. // Наумова Г.Р., Шаповалова Н.В. Культурная рента и культурная революция // Кlio. 2018. № 7. С. 154–157.
4. Лачаева М.Ю. Ученик – долгое эхо учителя // Традиции исторической мысли: Материалы научного семинара памяти профессора В.И. Злобина / Отв. ред. С.А. Ермишина. М.: МАКС Пресс, 2013. Выпуски 3–4. С. 101–107.
5. Предпринимательство и городская культура в России, 1861–1914. Под редакцией У. Бумфрида, Б. Ананьича, Ю. Петрова. М.: «Три квадрата», 2002. 312 с.
6. Сатира и юмор Херлуфа Бидstrup. М.: Искусство, 1962 [Электронный ресурс]. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/BONMOTS/BIDSTRUP/BIDSTRUP.HTM> (дата обращения: 06.09.2019).

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СЕВАСТОПОЛЯ КАК ГЛАВНОЙ БАЗЫ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, г. Севастополь

Регион Чёрного моря всегда играл важную роль в истории Российского государства. Для правительства Российской Федерации город Севастополь представляет интерес как исторически сложившаяся база флота.

Актуальность темы исследования заключается в том, что именно во второй половине XIX – начале XX века были сформированы особенности города как базы флота, понимание и учет которых будет способствовать, с одной стороны, разработке правительственных и общественных инициатив по благоустройству города на современном этапе, с другой – формированию комплексного представления у жителей Севастополя и страны об истории города как базы флота, опыта взаимодействия военной и гражданской составляющих.

Анализ научной литературы дореволюционного, советского и современного периодов показал, что дореволюционные авторы, в частности, В.Ф. Головачов [1], связывали развитие Севастополя в качестве военно-морской крепости с целями внешней политики страны; а в работах советских, украинских и российских исследователей развитие города в конце XIX – начале XX века преимущественно изучалось отдельно от развития Черноморского флота и внешнеполитических задач страны. Так, некоторые стороны развития Севастопольской крепости во второй половине XIX – начале XX века исследованы севастопольским историком В.В. Крестьянниковым [2], [3], [4], [5].

Источники, использованные при проведении данного исследования, можно разделить на несколько основных групп: Высочайшие рескрипты; приказы по морскому ведомству, отчётные документы Севастопольских градоначальников; материалы городской газеты «Крымский вестник»; переписка членов императорской семьи; материалы журнала «Морской сборник»; опубликованные дневники Николая II; отчётные документы по строительству в Севастопольской крепости. Помимо опубликованных документов, использованные в работе источники хранятся в Государственном архиве Российской Федерации, в Российском государственном военно-историческом архиве и в Архиве города Севастополя.

В настоящем исследовании вводятся научный оборот новые источники и сведения при комплексном рассмотрении истории Севастополя и государственной политики относительно возрождения военно-морской мощи на Юге империи.

Ввиду положений Парижского мирного договора 1856 г., правительством, не отказавшимся от намерения иметь военно-морскую мощь на Чёрном море, был выработан особый подход к воссозданию военного флота: залогом успешного развития боевого флота рассматривалось наличие сильного коммерческого флота для

развития промышленной базы, обеспечения будущего военного флота морскими кадрами, создания транспортного флота для перевозки грузов и десанта.

При поддержке и непосредственном участии Морского министерства в 1856 г. на Чёрном море как частная акционерная компания было создано Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ), техническую базу которого предполагалось использовать для строительства и ремонта уже не коммерческих, а военных кораблей. Введение в строй в 1875 г. Лозово-Севастопольской железной дороги, ликвидировавшей изолированность города, сделало возможным принятие высочайшего решения об устройстве в Севастополе коммерческого порта, что было обусловлено курсом на привлечение частного капитала для решения военных задач.

В период работы международного коммерческого порта Севастополь в 70–80-е гг. XIX века пережил стремительный экономический подъем. В рассматриваемый период формируется одна из наиболее значимых особенностей Севастополя в качестве главной базы Черноморского флота, характерная для последующих периодов: наличие в военно-морской крепости значительной «гражданской составляющей».

Параллельно бурному развитию коммерческой жизни Севастополь возрождался из руин благодаря активному гражданскому строительству; преображался облик центральной части города, запечатленный на дореволюционных открытках. Благодаря деятельности РОПиТ была создана необходимая судоремонтная и судостроительная база. В городе с начала 70-х гг. правительством проводились работы по усилению его обороны. Всё это сделало возможным, ввиду осложнения международной обстановки для России в 1880-х гг., объявление Севастополя в 1890 г. главной базой Черноморского флота и придание ему статуса военно-морской крепости. Одновременно с этим был начат перевод сюда всех главных портовых учреждений из г. Николаева, объявление которого главной базой флота в 1871 г. изначально рассматривалось как временное.

В начале 90-х гг. XIX в. население города, значительная часть которого была связана с торговлей, было поставлено в новые условия: после придания Севастополю статуса военно-морской базы, вызвавшего перенос торгового порта в Феодосию, последовало «затухание» торговой деятельности. Вынужденная утрата городом такого крупного и основного источника доходов, как международный коммерческий порт, на фоне постоянного увеличения численности населения и ввиду необходимости поддержания разросшегося в предшествующие годы городского хозяйства, привела к экономическому кризису в период с 1900 по 1917 года.

Не имея оборотных капиталов, городское общественное управление было поставлено в финансовую зависимость от поступлений из государственной казны, а внутри города все решения было необходимо согласовывать с военными. Тем самым управа и дума теряли ту высокую степень самостоятельности в решении хозяйственных вопросов города, которой эти органы обладали в конце XIX века. Особенностью развития Севастополя в этот период становится развитие в городе курортной составляющей как попытка компенсировать потерю такого крупного источника дохода, как коммерческая деятельность международного торгового порта. С этим направлением развития города, в частности, связано появление трамвая в Севастополе, строительство и открытие Института физических методов лечения.

На условия жизни в городе с начала 90-х гг. XIX в. большое влияние оказывал его военный статус: в грузообороте железной дороги и порта значительную долю составляли

товары военного предназначения; постепенно менялся облик Севастополя: с ростом численности расквартированных здесь сухопутных войск и чинов личного состава военных судов увеличилось количество строений, предназначенных для нужд военного и морского ведомств; режим работы местного порта, железной дороги был поставлен в зависимость от решений командования военно-морской крепости; были введены ограничения на ведение гражданского строительства, в частности, ограничена этажность застройки.

Созданная в этот период военная инфраструктура в Севастополе стала основой для функционирования на протяжении большей части XX столетия Черноморского флота СССР.

Отличительной особенностью всего периода возрождения Севастополя и Черноморского флота в конце XIX – начале XX века было исключительное внимание членов императорской фамилии и лично императоров Александра II, Александра III и Николая II. Архивные материалы свидетельствуют о том, что в укреплении города как военно-морской базы и усилении флота окончательное решение по тому или иному вопросу не могло быть принято без рассмотрения его императором. Лично следя за проводимыми здесь мероприятиями, глава государства имел помощников из членов императорской семьи, которые непосредственно курировали ход дел в Севастополе.

Литература

1. Головачов В.Ф. История Севастополя как русского порта. СПб, 1872. 263 с.
2. Крестьянников В.В. Воссоздание крепости «Севастополь» во второй половине XIX – начале XX веков. // Севастополь: взгляд в прошлое: сборник научных статей сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь: ЧП Арефьев, 2006. С. 65–72.
3. Крестьянников В.В. Организация минной обороны Черноморского побережья России во второй половине XIX – начале XX вв. // Севастополь: взгляд в прошлое: сборник научных статей сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь: ЧП Арефьев, 2006. С. 73–78.
4. Крестьянников В.В. Взаимоотношения военного ведомства и монастырей при строительстве крепости «Севастополь» // Севастополь: взгляд в прошлое: сборник научных статей сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь: ЧП Арефьев, 2006. С. 127.
5. Крестьянников В.В. Подготовка десантной операции на Босфор в конце XIX – начале XX веков // Севастополь: взгляд в прошлое: сборник научных статей сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь: ЧП Арефьев, 2006. С. 131–136.

**НЕРЕАЛИЗОВАННЫЙ ПРОЕКТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЦЕРКВИ, В КОТОРОЙ
ПРЕДПОЛАГАЛОСЬ КРЕЩЕНИЕ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА: РОЛЬ НИКОЛАЯ I***Севастопольский государственный университет, г. Севастополь*

История изучения храмовых зданий в Севастополе насчитывает довольно значительный период времени, а перечень опубликованных работ включает в себя десятки наименований. Однако до сих пор существуют значительные лакуны, особенно применительно к периоду до Крымской войны. Они связаны, в том числе, с отсутствием введенного в научный оборот комплекса источников по вопросам возведения церквей на территории Севастополя и Херсонеса в первой половине-середине XIX столетия. В этой связи актуальным является обращение к фондам центральных архивохранилищ для более полного анализа вопросов проектирования и возведения культовых зданий в городе. Целью настоящей работы является освещение сравнительно малоизученного нереализованного проекта по восстановлению на территории Херсонеса церкви, в которой, как тогда предполагалось, произошло крещение князя Владимира. Источниковой базой исследования послужили не введенные в научный оборот материалы из фондов Российского государственного исторического архива.

Важным событием, повлиявшим на возведение в Севастополе и Крыму культовых сооружений в середине XX века, стало Высочайше утвержденное в 1850 году определение Священного Синода, которое предлагало руководству Херсонской епархии восстанавливать древние святыне места в Таврической губернии. Это привело к открытию в Херсонесе кинонии и появлению проекта восстановления церкви, в которой, по предположению, произошло крещение князя Владимира. Эту инициативу проявили архиепископ Херсонский Иннокентий и секретарь Одесского общества истории и древностей Н.Н. Мурзакевич. В начале 1853 года Иннокентий представил в Священный Синод пояснительную записку и два проекта, предполагавших восстановление «*в первобытном виде церкви*», в которой, как он полагал, прошло крещение. В коллективной работе М.И. Золотарева и В.В. Хапаева утверждается, что имя автора проекта восстановления до нас не дошло [1, с. 79]. В монографии И.В. Тункиной со ссылкой на Н.Н. Мурзакевича назван автор одного из проектов – «Г. Отон» [4, с. 527]. В фондах департамента искусственных дел главного управления путей сообщения и публичных зданий (РГИА) [2, д. 2488] сохранилась пояснительная записка, очевидно, составленная Н.Н. Мурзакевичем, а в фондах Священного Синода – оба эти проекта [3, д. 60]. Авторами проектов были архитектор Александр Семенович Кудинов из Санкт-Петербурга и епархиальный архитектор Луи Сезар Отон из Одессы [3, л. 1].

Проекты были поданы Главному управляющему путей сообщения и публичных зданий П.А. Клейнмихелем на рассмотрение императора. Однако Николай I, ознакомившись с ними 2 апреля 1853 года, потребовал «*истребовать документ, на котором основано*

предположение, что предназначенный к восстановлению храм есть именно тот, в котором воспринял св. Крещение Великий Князь Владимир» [2, л. 26]. Архиепископ Иннокентий, для подтверждения своей точки зрения, сообщил, что «если бы записку, должную служить доказательством... составлять на самом месте храма в Херсонесе, то утверждаемое ею предположение, без сомнения, нашло бы для себя подкрепление еще и в других местных показаниях и доводах» (письмо обер-прокурору Священного Синода Н.А. Протасову от 11 апреля) [2, л. 30]. Получив такое объяснение 27 мая 1853 года, Николай вторично потребовал, чтобы «Преосвященный доставил записку со всеми подробностями и доказательствами, на фактах основанными» [2, л. 30 об.]. Для сбора доказательств на месте Иннокентий в сентябре 1853 года лично посетил Херсонес, где для поиска недостающих доказательств принял решение продолжить раскопки. Управляющий Херсонесской киновией Св. Владимира игумен Василий уверил его, что это даст неопровержимые доказательства в пользу необходимой атрибуции храма.

Другой причиной, заставившей Иннокентия продолжить сбор доказательств, стали раскопки графа А.С. Уварова, хотя, по мнению «местных археологов» и архиепископа Иннокентия, открытая графом Уваровым базилика «нисколько не изменяет предположения о нашем храме». В итоге восстановления церкви так и не произошло. В письме от 18 октября 1860 года Н.Н. Мурзакевич пишет: «Какая участь постигла наш проект и доселе неизвестно!» (Цит. по: [3, с. 527]).

Очевидно, что причин, по которым церковь так и не была построена, несколько. Прежде всего, это отсутствие документальных подтверждений факта крещения князя Владимира именно в том храме, фундамент которого должен использоваться при восстановлении. Следует особо подчеркнуть роль императора Николая I, который неоднократно требовал доказательств, необходимых при постройке столь значимого для города и страны сооружения.

Другой немаловажной причиной стала начавшаяся война, приостановившая археологические исследования. После ее завершения ситуация с восстановлением и постройкой храмов в Севастополе перешла в принципиально иную плоскость, однако новый собор во имя святого равноапостольного князя Владимира, который начали возводить с 1861 года, строился на месте предполагаемой преосвященным Иннокентием к восстановлению церкви и включил в свой объем ее руины.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Севастополя, проект «История взаимоотношений религиозных общин и органов государственной власти в Севастополе (1783-2017 гг.)» № 18-49-920003.

Литература

1. Золотарев М.И., Хапаев В.В. Херсонесские святыни. Севастополь, 2002. 158 с.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 218, Оп. 4. Д. 2488.
3. РГИА. Ф. 797, Оп. 23, Раздел II, Стол 2. Д. 60.
4. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII-середины XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.

**МОНОГРАФИЯ Т.Г. ТАИРОВОЙ-ЯКОВЛЕВОЙ «МАЗЕПА»:
ВКЛАД В РОССИЙСКУЮ ИСТОРИОГРАФИЮ И УКРАИНСКУЮ «МАЗЕПИАНУ»**

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, г. Севастополь

Одним из наиболее важных и значимых «прорывов» в современной мифоистории применительно к украинской мазепиане являются публикации «украинского историка из Санкт-Петербурга», доктора исторических наук, профессора Т.Г. Таировой-Яковлевой. Однако связано это не с тем, что она является самым выдающимся российским знатоком истории Украины и наиболее известным исследователем жизни гетмана Ивана (или по польским источникам – Яна) Мазепы, сумевшим внести в украинскую историю нечто такое, чего до неё никто не открывал. Ведь всё, о чём она пишет, в той или иной мере уже давно присутствует в украинской историографии [2], [3]. Просто благодаря ей украинская мифоистория в целом и украинская мазепиана в частности сумели создать и развернуть в русском культурно-историческом пространстве свой «украинский» плацдарм, дабы растить и множить сторонников украинской мифоистории и почитателей «украинского» гетмана в самой России. А тот факт, что она является представителем российской исторической науки, но придерживается украинской позиции, где Я. Мазепа не предатель, но патриот и герой, создаёт впечатление, что данная наука доросла до того, чтобы изучать гетмана по-новому: честно, объективно, взвешенно, всесторонне, учитывая все накопленные по нему факты.

В этом смысле профессор Т.Г. Таирова-Яковлева вполне достойно играет отведённую ей роль, с одной стороны представляя себя сильным, грамотным и объективным исследователем, заинтересованным только в поиске правды, а с другой выступая как бы со стороны России. И поэтому её позиция выглядит значительно более убедительной, чем у её украинских коллег. Однако делают русские и украинские историки– «мазепинцы» мало имеющее к истории как науке одно общее дело, цель которого сначала обелить гетмана, а затем его по мере возможности освятить. В свою очередь это позволяет заново поставить вопрос о праве украинской истории на своё особое национальное видение. Пправе переписывать русскую историю в соответствии с потребностями растущего и требующего исторической легитимности украинского проекта.

Так, по мнению Т.Г. Таировой-Яковлевой, *«Мазепа – личность настолько неординарная и многогранная, что для его изображения нужна вся палитра красок»* [4, с. 6]. И такое отношение к объекту исследования можно только приветствовать, если не считать трёх вытекающих из данного заявления положений.

1. Тезис о гениальности Мазепы, который пусть не прозвучал так ясно и конкретно, как его авторам хотелось бы, но по сути уже чётко просматривается. А гения нельзя мерить обычными мерками. Он требует иного отношения. Вне морали, что бы там А.С. Пушкин о гении и злодействе ни утверждал. Однако, знание языков, игра

на музыкальном инструменте и складывание душевных виршей для шляхетской среды того времени с учётом пика европейской куртуазности не являлось чем-то исключительным. И с этой точки зрения Мазепа принципиально из своей эпохи и среды не выделялся. Он не сделал ничего такого, ни в политике, ни в культуре, что бы позволило его квалифицировать как безусловного гения, за исключением умения ярко подать себя и интриговать, что не позволяет говорить о нём как об обладателе выдающихся человеческих качеств и исключительных способностей.

2. К тому же каждому учёному ясно, что при грамотном и всестороннем исследовании всю палитру красок необходимо использовать независимо от объекта исследования. Однако из слов Т.Г. Таировой-Яковлевой получается, что учёный вправе применять разную палитру в зависимости от характера и качества изучаемого объекта, что, безусловно, является неправильным. Если же она имела в виду другое, то почему говорит о необходимости использовать всю палитру красок в данном случае?

3. Понятно, что данное заявление, по сути, обращено к тем, кто настроен по отношению к Мазепе негативно. Им предлагается найти в гетмане те плюсы, которые позволят уравновесить его образ в их представлениях, что на фоне его исторически сложившегося негативного имиджа в России равносильно целенаправленному поиску исключительно позитива.

Собственно, ради этого Т.Г. Таирова-Яковлева и начинала своё исследование, решив написать монографию о Мазепе на заказ, хотя до этого занималась исключительно эпохой Руины (1657–1687 гг.). И с данной задачей, надо отметить, она прекрасно справилась. Мазепа в её книге предстаёт личностью светлой, великой, романтической, гениальной, непонятой, исключительно положительной даже там, где совершает совсем неблагоприятные поступки, поскольку Т.Г. Таирова-Яковлева всегда находит этому какие-то особые оправдания. Чего стоят, например такие её строки, в которых «вся палитра красок» сведена к следующему: *«Прирожденный политик, одаренный полководец и дипломат, человек отважный, честлюбивый и целеустремленный – он был олицетворением украинского духовного возрождения и расцвета казачества. Поэт и философ, прекрасно образованный, с прозорливым и насмешливым умом, он двадцать лет успешно лавировал в океане политической борьбы, оставаясь у руля Украины. Как любая выдающаяся личность, он, разумеется, возбуждал зависть и ненависть врагов. Пережив множество предательств и доносов, он практически никому не открывал свою душу. И лишь по немногим дошедшим до нас произведениям Мазепы можно угадать в нем тайного романтика, в сердце которого кипели тщательно скрываемые страсти и мечты»* [4, с. 6].

Поразительно, какой взрывной потенциал заложен в данном отрывке. Ведь ясно, что тот, кто является «олицетворением украинского духовного возрождения», для Украины должен значить никак не меньше, чем Данте и Леонардо да Винчи для Италии или Сервантес и Веласкес для Испании. К тому же в нём даётся ненавязчивая модель объяснения причин наличия у Мазепы такого количества врагов, которая сводится к известному мифу о Моцарте и Сальери, гению и завистливой, не понимающей его толпе.

Не случайно в своей работе российский историк А.Г. Бесов написал: *«Кажется, ещё немного и Т.Г. Таирова-Яковлева «затмит» Мазепой и Петра I»* [1]. И действи-

тельно, согласно мысли Т.Г. Таировой-Яковлевой, Мазепа в политике был «Моцартом», а гадкий и завистливый «Сальери» сидел на российском троне в Санкт-Петербурге и ждал только случая расправиться с ним. В самом деле, подумаешь об этом, и сразу хочется воскликнуть: *«Вы, жадною толпой стоящие у трона, / Свободы, Гения и Славы палачи! / Таитесь вы под сению закона, / Пред вами суд и правда – всё молчи!»*. Ах, почему М.Ю. Лермонтов назвал своё стихотворение не «Смерть Мазепы»? Хотя с другой стороны, ведь сказано у Т.Г. Таировой-Яковлевой, что Мазепа был поэтом и философом. И написал он, наверняка, много чего великого, романтического, мечтательного, но, к сожалению, крайне мало что сохранилось (*«лишь по немногим дошедшим до нас произведениям Мазепы...»*). Но почему его творения не сохранились? Оно и понятно. Враги сумели добраться до его архивов, и что могли – уничтожили. И, кстати, санкт-петербургские историки во главе с Т.Г. Таировой-Яковлевой ищут эти архивы и уже почти нашли. Впрочем, несмотря ни на что, Т.Г. Таировой-Яковлевой удалось реконструировать образ гетмана таким, каким он был на самом деле. За что ей честь и хвала.

Однако можно взглянуть на это и с другой стороны. И тогда придётся констатировать, что приведённые выше цитаты при внимательном их анализе наглядно показывают, что, осознанно или нет, но профессор Т.Г. Таирова-Яковлева использует в своей работе те принципы, которые свойственны не науке, а тем, кто, манипулируя чужим сознанием, работает в режиме NLP.

Особенно бросается в глаза при чтении изданной в серии «Жизнь замечательных людей» монографии «Мазепа» Т.Г. Таировой-Яковлевой то, как, не забывая о гетмане, уважаемый профессор из Санкт-Петербурга представляет себя перед читателями. В частности, во введении к книге она ясно даёт понять, что лучше всех сумела изучить Мазепу и его эпоху, о чём свидетельствует следующий пассаж: *«Нагромождение мифов и штампов настолько плотно окружают фигуру Мазепы, что его негативно оценивали даже самые выдающиеся историки Украины, прославившие в своих трудах эпоху Гетманичины, – Николай Костомаров и Михайло Грушевский. Правда, оба они только поверхностно обращались к гетманству Мазепы, не изучали его серьезно и ограничивались первым тенденциозным впечатлением без глубокого анализа источников»* [4, с. 5].

Из данного отрывка, в частности, следует, что:

- никто, кроме Т.Г. Таировой-Яковлевой личности Мазепы так и не понял, даже украинские историки, и лишь она оказалась свободной от мифов и штампов;
- даже основатели украинской историографии Н.И. Костомаров и М.С. Грушевский, несмотря на их выдающиеся заслуги перед Украиной, изучали историю гетмана несерьёзно и поверхностно, избегая «глубокого анализа»;
- те, кто оценивает Мазепу негативно, просто не владеют информацией или неспособны логически мыслить; находясь в плену мифов и штампов, они не могут рассматривать источники глубоко и объективно, не в состоянии всесторонне осмыслить имеющийся в их распоряжении материал и, значит, их исследованиями можно пренебречь.

В связи с этим следует отметить, что даже если бы Т.Г. Таирова-Яковлева в течение всей своей научной карьеры «сидела» на эпохе Мазепы и была бы абсолютно «в теме», делать подобные обобщения по отношению к другим исследователям с её стороны было бы не корректно. Но, ведь известно, что и свою кандидатскую диссер-

тацию, и докторскую петербургский профессор посвятила не эпохе Мазепы и Северной войны, а эпохе Руины. А темой Мазепы, как признаётся сама Т.Г. Таирова-Яковлева, она занялась почти случайно по предложению других заинтересованных сторон, включая украинскую власть и украинскую диаспору в Канаде, где она в своё время получала гранты и проходила стажировку. Откуда же такие глубокие знания? И настолько ли они глубоки, как уверяет нас «украинский профессор из Петербурга»? Понятно, что эти вопросы риторические.

Литература

1. Бесов А.Г. Бесов А.Г. Мазепиана Т.Г. Таировой-Яковлевой [Электронный ресурс] // Сайт «Фонд стратегической культуры». URL: <http://www.fondsk.ru/news/2011/07/28/mazepiana-tg-tairovoj-jakovlevoj.html> (дата обращения: 04.09.2019).
2. Ставицкий А.В. Мифы Украины: Мазепа. Севастополь: Рибэст, 2012. 172 с.
3. Ставицкий А.В. Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибест, 2015. 748 с.
4. Таирова-Яковлева Т.Г. Мазепа. М.: Молодая гвардия, 2007. 271 с. (Серия «Жизнь замечательных людей»).

СЕВАСТОПОЛЬСКОЕ ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ. КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА*Законодательное Собрание города Севастополя*

Предлагаемое исследование – первая попытка осветить вопрос становления в Севастополе института государственного управления с момента его создания и до середины XIX века. Основное внимание уделяется начальному периоду, когда происходило формирование новой системы городского управления в соответствии с нормами, заложенными в «Учреждениях для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г. и «Грамоте на права и выгоды городов Российской империи» 1785 г.

Модель государственного управления в Севастополе является одним из немногих исторических примеров сосуществования военной и гражданской администрации.

Одна из причин отсутствия серьезных научных работ о городском гражданском управлении – это ограниченная источниковая база по данной теме. Как правило, исследование локальной истории о деятельности городского общественного управления в первую очередь базируются на изучении делопроизводственной документации органов власти и управления. К сожалению, во время двух оборон Севастополя (1854–1855, 1941–1942 гг.) многие документы были утрачены. Этот пробел удалось частично восполнить документами Таврического областного, а затем губернского правления, которые хранятся в Государственном архиве Республики Крым.

Для Российской империи Крым имел большое военно-политическое и экономическое значение. Многовековая борьбы русского народа за укрепление границ и выход к южным морям успешно завершилась в последней четверти XVIII века.

8 апреля 1783 года рескриптом Екатерины II Крым был включен в состав Российской империи. Началось укрепление южных границ империи. Уже 3 июня на юго-западном берегу Черного моря были заложены первые четыре каменных здания будущей военно-морской базы.

В отличие от других российских городов, где уже сложилась система общественного управления, в Крыму первоначально административно-территориальное устройство оставалось таким же, как в период Крымского ханства (каймаканства и кадылыки), что было зафиксировано в Камеральном описании Крыма [6].

8 февраля 1784 года был издан указ Екатерины II об образовании Таврической области. Указ предписывал Сенату разделить область на 7 уездов, «*устроая города, областной и уездные <...> и назнача в них откровенные места, кои по числу и свойству жителей нужны будут*» [1, с. 117]. При этом Севастополь не вошел ни в один из уездов, оставшись «безуездным» городом. И городом ли?

Всего два дня спустя – 10 февраля 1784 года – издается указ императрицы «Об устройстве новых укреплений по границам Екатеринославской губернии», и начально обустроенное место, «*где ныне Ахти-Яр*», получило название крепость Севастополь [7, с. 21].

Образование Таврической области позволило создавать и открывать присутственные места в Крыму. В 1784 году начали свою деятельность административно-полицейские, финансово-хозяйственные и судебные учреждения, а именно: таможни, карантин, палата казенных дел, палаты уголовного и гражданского суда, казначейство и др.

В отличие от вышеперечисленных учреждений, выборные присутственные места начали оформляться в начале 1787 года. Можно предположить, что их открытие было связано с предстоящим приездом Екатерины II в Крым, чтобы продемонстрировать императрице выполнение ее указаний.

24 февраля 1787 года в Таврический областной магистрат поступил рапорт от Севастопольского городского магистрата: *«Сей магистрат на основании высочайшего о управлении губернии учреждения сего февраля 19 числа в 1-м часу с полудни господином председателем Таврического верхнего земского суда 2-го департамента и коллежским советником В.В. Бантышем открыт и выбранные сообразно учреждению члены в присутствии введены»* [3, л. 1]. Поскольку в этот период в Севастополе преобладало греческое население, члены магистрата – 2 бургомистра и 4 ратмана – были греками. Несмотря на то, что магистрат был сословным судом первой инстанции, однако в тот период он решал не только судебные дела, но и выполнял функции органа местного самоуправления.

На выборах в Севастопольский городской магистрат в 1787 году городского голову не избирали, несмотря на то, что в Симферополе и других крымских городах наряду с членами магистрата были избраны городские головы. В конце XVIII – начале XIX века городские головы работали без создания городских дум и не были наделены полномочиями, присущими органу общественного управления.

В последнем десятилетии XVIII века в Севастополе были созданы еще некоторые присутственные места. 5 марта 1791 года начал свою деятельность сиротский суд, а в ноябре 1793 года – словесный суд [3, л. 1], [4, л. 2]. Кроме того, городское общество ежегодно избирало городского старосту, который в основном выполнял задания магистрата. Наравне с членами магистрата избирались присяжные оценщики, основной задачей которых было определение оценки недвижимых имуществ «для обложения» земскими сборами. Также, как члены магистрата и гласные думы, городские старосты и присяжные оценщики «приводились» к присяге и допускались к исполнению обязанностей.

В 1816 году Таврическое губернское правительство, разбираясь с недоимками земской повинности, в том числе и рекрутской, обнаружило, что в Севастополе нет городской думы. Поэтому 20 апреля 1816 года последовало указание о созыве купеческого и мещанского общества для избрания *«двух думных членов»* и открытия городской думы. 13 мая 1816 года городской голова В.П. Юнг направил в Симферополь рапорт о том, что *«в здешнем городе городская общественная дума настоящего мая 10 числа открыта и действие свое возымела»* [5, л. 1]. Согласно приговору общества в думу были избраны два гласных: *«здешний мещанин Гаврила Колосов и торгующий в здешнем городе курский мещанин Иван Тарасов»* [2, л. 7].

С открытием городской думы в Севастополе окончательно сформировалась структура городского управления, как-то: городской магистрат, городская дума, сиротский и словесный суды, начали работу присяжные оценщики. Но, несмотря на это, органы местного самоуправления не могли самостоятельно полноценно

работать. С одной стороны, они были ограничены общегосударственными законами, с другой – указаниями Таврического губернского правительства, а с третьей – распоряжениями флотского начальства, которое отвечало за «гражданскую часть» города. Это показывает специфику управления городом. В отличие от других российских городов Севастопольское городское общественное управление имело свою характерную особенность, заключающуюся в ограничении самостоятельности местной администрации из-за слияния военного и гражданского управления.

Литература

1. Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783–1998 гг. Справочник. Симферополь, 1999.
2. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 27. Оп. 1. Д. 1570.
3. ГАРК. Ф. 28. Оп. 3. Д. 16.
4. ГАРК. Ф. 28. Оп. 3. Д. 56.
5. ГАРК. Ф. 28. Оп. 2. Д. 65.
6. Лашко Ф.Ф. Каймаканствы и в оных каймаканами кто состоит // Камеральное описание Крыма, 1784 года (продолжение). Известия Таврической ученой архивной комиссии. Т. 6. Симферополь: Таврическая Губернская типография, 1888. С. 36–63.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXII. № 15925. СПб. 1830.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАВРИЧЕСКИХ ГУБЕРНАТОРОВ ПО ОБУСТРОЙСТВУ
СЕВЕРНОГО КРЫМА***Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону*

Сложная картина общественных процессов, происходивших в Таврической губернии и ее уездах, была прямым отражением политики, проводимой центральными органами власти, а также наличия разнообразных культур, традиций, религиозных верований и многих других общественных и культурных явлений [10, с. 67–68].

Благодаря диссертационному исследованию А.С. Кравчука «Институт губернаторства в Таврической губернии» [10], где автор рассматривает влияние деятельности губернаторов на развитие края, удалось вычленить информацию, касающуюся Северного Крыма, проследить, как политика Таврических губернаторов отражалась на изучаемом регионе. И, таким образом, частично восстановить событийную историю Перекопского уезда.

Первым губернатором Таврической губернии стал Г.П. Милорадович, который занимал эту должность непродолжительное время – с 13 декабря 1802 по 2 августа 1803 года [7, с. 284]. Г.П. Милорадович считал необходимым включить Таврическую губернию в речную торговую сеть, проходящую по реке Днепр. Эта мера должна была способствовать развитию мелкотоварной торговли в северных уездах губернии, а со временем и подключению к ней города Евпатории, через который свою продукцию могли сбывать жители степных уездов Крыма, в том числе Перекопского и Феодосийского [10, с. 75].

Кроме того, серьезной заслугой, которую можно отнести ко времени его руководства краем, является создание судебной системы в губернии. В соответствии с «Учреждением для управления губерний», в каждой губернии учреждался верхний земский суд (статья 13). Статья 18 предусматривала создание в каждом уезде или округе уездных судов. Для горожан учреждался специальный суд – городской магистрат, который существовал также и в Перекопском уезде [14, с. 395]. В Перекопе уездный суд появился в 1823 году [4].

На посту Таврического гражданского губернатора Г.П. Милорадовича сменил Д.Б. Мертваго (26 декабря 1803 – 28 октября 1807 гг.). Еще в конце декабря 1802 г., по инициативе Г.Р. Державина, Дмитрий Борисович был отправлен в Крым «для формирования штата соляной части» [8, с. 14–16]. 18 декабря 1802 года он прибыл в Перекоп [12, с. 116]. Соляной промысел был популярен в регионе и приносил большой доход в казну государства – до 280 тыс. рублей в год [8, с. 424–456]. В соответствии с архивными данными, после создания Крымской соляной части под руководством Д.Б. Мертваго, казна стала получать до 500 тысяч рублей ежегодно [5].

В 1806 году был издан манифест, в котором говорилось о возможной войне с Францией, и жителей приграничных районов призывали к защите Родины [12, с. 135]. Д.Б. Мертваго обещал мурзам возможность получить чины и отличия, а простым татарам – службу в иррегулярном войске при армии. Было собрано шесть полков,

которые состояли из жителей предгорья и горных районов Крыма. Что же касается жителей Северного Крыма, то они отказались нести службу, пообещав оказывать финансовую поддержку [10, с. 85]. Сколько средств выделил Перекопский уезд, пока не удалось выяснить. Известно только, что Таврическая губерния пожертвовала 200 тысяч руб. на сбор военного ополчения [12, с. 141].

Но вместе с тем, имеются сведения о том, что в годы Отечественной войны 1812 года Перекопский конный татарский полк принимал участие в военных действиях, в том числе и в знаменитом набеге атамана М.И. Платова на тыл французской армии под Бородино [6, с. 353].

При губернаторе А.С. Лавинском (20 июля 1816 г. – 8 декабря 1819 г.) в Перекопском уезде началось строительство зданий для размещения уездных органов управления [3]. Кроме того, губернатор занимался усовершенствованием дорожной сети. Для этого он планировал улучшить почтовые станции на протяжении всей дороги от Симферополя до Перекопа. Также он выдвинул идею создания сети колодцев вдоль дорог по всему Северному Крыму, приняв во внимание жалобы проезжающих на отсутствие источников воды в степях полуострова, обеспечив им более комфортные условия. Однако эту идею не поддержали, объясняя это тем, что люди, едущие в Крым, не часто задерживаются в степном Крыму, а местным жителям достаточно уже существующих источников воды [10, с. 116].

Известно, что губернатор А.Н. Баранов (28 декабря 1819 – 25 апреля 1821 гг.) во время объезда Таврической губернии внезапно умер от солнечного удара в Перекопском уезде [13, с. 56]. Он был похоронен в Симферополе.

Губернатор Д.В. Нарышкин (16 октября 1823 г. – 17 апреля 1829 г.) имел обширные имения в Перекопском уезде, которые приобрел для разведения овец в 1829 году [10, с. 144].

При губернаторе А.И. Казначееве (17 апреля 1829 – 13 февраля 1837 гг.) по всей Таврической губернии открылись благотворительные комитеты, которые, помимо крупных городов, таких как Феодосия, Карасубазар, Евпатория, Симферополь, Керчь, появились и в Перекопе [9].

Одной из заслуг губернатора М.М. Муромцева (22 февраля 1837 – 19 января 1843 гг.) можно назвать строительство больницы в Перекопе [1], которая была открыта в 1837 году.

В 1845 году губернатор В.И. Пестель (22 января 1845 – 11 ноября 1854 гг.) продолжил курс М.М. Муромцева на улучшение городской инфраструктуры. Так, в уездных городах Таврической губернии строились здания для присутственных мест. В крупных городах Крыма, в том числе и Перекопе, были построены тюрьмы [2].

Таким образом, управленческая деятельность ряда Таврических губернаторов позитивно отражалась на развитии изучаемого региона. Прежде всего, происходило улучшение городской инфраструктуры. Эффективность административной системы доказывается стремительным ростом населения Перекопского уезда и его главного города – Перекопа в 1840-е – 1850-е гг.

Так, численность населения Перекопа в 1844 году составляла 4721 человек, а в 1853 году город насчитывал уже 5117 человек [15]. В самом Перекопском уезде в 1853 году проживало 56 098 человек [11]. Таким образом, с 1805 по 1853 г. население уезда выросло на 18 142 человека (32%).

Литература

1. Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 1. Оп. 191. Д. 72. Л. 3-24. // Цит. по: Кравчук А.С. Институт губернаторства в Таврической губернии: антропология власти (1802–1854). Симферополь, 2016. С. 165.
2. ГАОО. Ф. 1. Оп. 193. Д. 4. // Цит. по: Кравчук А.С. Институт губернаторства в Таврической губернии: антропология власти (1802–1854). Симферополь, 2016. С. 182.
3. ГАОО. Ф. 1. Оп. 214. Д. 7. Л. 34–37. // Цит. по: Кравчук А.С. Институт губернаторства в Таврической губернии: антропология власти (1802–1854). Симферополь, 2016. С. 115–116.
4. ГАОО. Ф. 1. Оп. 219. Д. 4. Л. 1. Цит. по: Кравчук А.С. Институт губернаторства в Таврической губернии: антропология власти (1802–1854). Симферополь, 2016. С. 117.
5. Российский государственный исторический архив. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 70. Л. 2–4.
6. Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар. М.: Мысль, 1992. 446 с.
7. Губернии Российской империи: история и руководители, 1708–1917. М.: Объединенная редакция МВД России, 2003. 535 с.
8. Державин Г.Р. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. // Т. 6. СПб: Тип. Императорской Академии наук, 1871. 840 с.
9. Казначеев А.И. Партикулярные письма графу М.С. Воронцову, 1828–1837 гг. // Сост. А.К. Афанасьев. М.: Новый хронограф, 2015. 280 с.
10. Кравчук А.С. Институт губернаторства в Таврической губернии: антропология власти (1802–1854). Симферополь, 2016. 228 с.
11. Материалы для хозяйственной статистики Таврической губернии // Таврические губернские ведомости. № 7. 18 февраля 1853.
12. Мертваго Д.Б. Записки (1760–1824). СПб: Русская симфония, 2006. 368 с.
13. Недзельский Б.А. Пушкин в Крыму. Симферополь: Крымское гос. изд-во, 1929. 90 с.
14. Пуховская А.С. Возникновение и становление органов судебной власти в Таврической губернии // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки». Том 23 (62). 2010. № 1.
15. Скальковский А.А. Опыт статистического описания Новороссийского края: в 2 частях // Ч. I. Одесса: Тип. Францова и Нитче, 1853. 364 с.

ПОДСЕКЦИЯ «Новейшая история»

УДК 316.48

Баранов А.В.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КРЫМСКОМ СООБЩЕСТВЕ (ПО ДАННЫМ АНКЕТНЫХ ОПРОСОВ МОЛОДЁЖИ В 2017–2019 гг.)

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Актуальность темы. Межэтнические и конфессиональные отношения в Крыму динамично изменяются под влиянием международных и внутригосударственных факторов. Тема остаётся в эпицентре информационной войны, и это требует вести мониторинг межэтнических и конфессиональных взаимодействий, уровня их конфликтности.

Современное состояние и проблемы темы. После воссоединения Крыма с Россией создано много прикладных исследований. Основное внимание авторы уделяют диагностике межэтнических дистанций и мерам по снижению конфликтности межэтнических отношений, формированию российской национальной идентичности. Выделим монографию под редакцией В.Ю. Зорина, Р.А. Старченко и В.В. Степанова [8], статьи Г.С. Денисовой [2], В.В. Узунова [7], А.М. Канаха, Л.П. Нелиной и О.В. Ярмач [4]. Опубликована также статья А.В. Баранова, М.В. Донцовой и В.А. Чигрина по итогам пилотного и массового опросов крымской молодёжи в 2017 и 2018 гг. [1]. Они основаны на самостоятельных анкетных и экспертных опросах. Авторы стремятся определить факторы межэтнических и межконфессиональных отношений, сравнивая их состояние в Республике Крым и г. Севастополе синхронно и диахронно. Малоизученными и дискуссионными аспектами остаются особенности этнической идентичности и активности крымских татар.

Цель исследования – определить состояние и тенденции развития межэтнических и конфессиональных отношений на Крымском полуострове (2017–2019 гг.) на основе массовых анкетных опросов молодёжи.

Методология анализа – социальный конструктивизм. Применён метод анкетного опроса (выборка 501 чел. в возрасте от 16 до 39 лет, июнь – сентябрь 2018 г., Республика Крым и г. Севастополь, пропорциональная по этническому, гендерному и территориальному признакам, учащаяся и работающая молодёжь в административных центрах, средних и малых городах, сёлах). Также проведён вторичный социологический анализ итогов массовых опросов, проведённых ФАДН (декабрь 2016 – январь 2017 гг.) [3], ВЦИОМ (январь 2018 г.) [5], Левада-Центром (март 2019 г.) [6].

Основные идеи и положения исследования. По данным опроса молодёжи (КубГУ, 2018 г.), на первом месте в иерархии идентичностей – региональная (26,9%); далее – глобальная (20,1%), российская (17,9%), этническая (14,2%), конфессиональная (6,7%), локальная (5,2%) и южнороссийская идентичность (4,5%) [1, с. 45–46]. Межэтническая и межконфессиональная дистанция выявляет уровень доверия между этническими группа-

ми, степень интеграции общества. Уровень межэтнической дистанции по шкале Э. Богардуса в отношении русских – 2,08 балла; украинцев – 2,30; крымских татар – 3,53; армян – 4,23. Дистанции выше в подвыборке приграничного и экономически депрессивного г. Джанкоя, где высок удельный вес крымских татар. Уровень межконфессиональных дистанций в отношении христиан всех конфессий – 2,64 балла, а мусульман – 3,70. Частота встречаемости установки абсолютной близости («Готов принять как члена моей семьи») по убывающей составила: 56,9% в отношении русских, 46,2% – украинцев, 26,2% – крымских татар, 16,9% – армян. В отношении христиан установка абсолютной близости на уровне 34,6%, а мусульман – 24,6%. Выявлен достаточно значительный потенциал межэтнической и межконфессиональной терпимости молодёжи. Частота встречаемости установки абсолютной неприемлемости («Я не хотел бы видеть их в моей стране» в отношении украинцев – 0,8%, русских – 1,5%, армян – 6,2%, крымских татар – 7,7%. В отношении конфессий установка абсолютной неприемлемости – 3,8% для христиан и 8,5% для мусульман [1, с. 47–48].

По опросу ФАДН (2016–2017 г., выборка 1000 крымских татар всех возрастов), 46% респондентов ощущают себя гражданами России, а гражданами Украины – лишь 7%. Не ощущают межэтническую напряженность в повседневной жизни 81% опрошенных. 72% опрошенных за 2016 г. не сталкивались с неприязнью или враждебностью к себе из-за этничности, а 89% не испытывали неприязни и недоверия к себе из-за религиозных убеждений [3]. Подтвердилась выявленная ВЦИОМ [5] асимметрия межэтнических и межконфессиональных дистанций. Русские и украинцы в Крыму взаимно близки, а крымские татары воспринимаются как слабо интегрированное в сообщество меньшинство. Характерно повышенное значение конфессий как маркера идентичности молодёжи.

Практическое значение и перспективы исследования. Работа полезна для установления достижений и проблемных зон межэтнических отношений в Крыму, повестки дня межэтнических взаимодействий. Анкетный опрос целесообразно распространить на все возрастные когорты респондентов и проводить лонгитудно.

Выводы. За 2017–2019 гг. восприятие межэтнических и конфессиональных отношений крымской молодёжью стало менее конфликтогенным, относительно большинство респондентов оценивает положение умеренно позитивно. Оценки ситуации русской и украинской молодёжью близки по модальности, т.к. украинское сообщество в Крыму слабо сплочено и склонно к добровольной ассимиляции. Крымско-татарская молодёжь наиболее интегрирована внутри этнической группы и дистанцирована от славянского большинства и в религиозном, и в языковом, и в политическом аспектах. «Группы риска» – работающая молодёжь, особенно в Симферополе и его пригородах, а также в сельских районах с повышенным удельным весом мусульман, лица с низкими доходами.

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 17-03-00802 «Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов».

Литература

1. Баранов А.В., Донцова М.В., Чигрин В.А. Ориентации и установки восприятия межэтнических и межконфессиональных отношений работающей молодёжью Кубани и Крыма // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2018. Т. 10, № 5–2. С. 43–53.
2. Денисова Г.С. Сравнительный анализ оценок населением Крыма и других регионов ЮФО характера межэтнических отношений // Учёные записки Крым. федерал. ун-та имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Симферополь, 2018. Т. 4 (70). Спецвып. № 1. С. 159–165.
3. Игорь Баринов: крымские татары не хотят переезжать на Украину [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Известия». URL: <https://iz.ru/news/665752> (дата обращения: 04.09.2019).
4. Канах А.М., Нелина Л.П., Ярмак О.В. Факторы формирования национальной идентичности студентов Республики Крым и Севастополя: некоторые результаты социологического исследования // Ученые записки Крым. федерал. ун-та имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4 (70). № 1. С. 50–63.
5. Почти 90% крымчан довольны своей жизнью – ВЦИОМ. [Электронный ресурс] // Сайт агентства «Крыминформ». URL: <http://www.c-inform.info/news/id/62091> (дата обращения: 04.09.2019).
6. Присоединение Крыма. [Электронный ресурс] // Сайт Аналитического центра Юрия Левады. URL: <https://www.levada.ru/2019/04/01/prisoedinenie-kruma/> (дата обращения: 04.09.2019).
7. Узунов В.В. Формирование патриотизма в молодёжной среде и его влияние на гражданскую идентичность: опыт Республики Крым // Учёные записки Крым. федерал. ун-та имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Симферополь, 2018. Т. 4 (70). Спецвып. № 1. С. 48–54.
8. Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов / ред. В.Ю. Зорин, Р.А. Старченко, В.В. Степанов. М.: Ин-т этнол. и антропол. РАН, 2017. 216 с., 42 л.

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ОККУПАЦИОННОГО РЕЖИМА
В СЕВАСТОПОЛЕ В 1942–1944 ГОДАХ***Севастопольский государственный университет, г. Севастополь*

Захват войсками вермахта города Севастополя в июле 1942 года поставил перед немецким командованием задачу установления оккупационного режима. Разрушенный город предстояло отчистить от трупов его защитников и погибших горожан, освободить улицы от завалов, заставить функционировать севастопольские предприятия на благо Германского рейха.

Актуальность данного исследования определяют несколько факторов. Эта тема в советский период изучалась очень поверхностно, и эта тенденция будто по инерции продолжалась и в постсоветский период. На данный момент существует небольшое количество обзорных работ, в которых затрагивается период оккупации Севастополя: в основном это статьи в научных сборниках, небольшие монографии, посвященные деятельности севастопольского подполья и т.п. Но отдельного, посвященного периоду оккупации Севастополя фундаментального научного труда до сих пор нет. Также, в текущем 2019 году, исполнилось 75 лет с момента освобождения города. Это не только «круглая дата». Именно столько лет должно пройти с момента ограничения доступа к архивным документам, содержащим сведения о личной и семейной тайне гражданина, его частной жизни, согласно Федеральному закону от 22 октября 2004 г. N 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации». Таким образом, с 2019 года открыты многие архивные документы, которые, несомненно, дополнят имеющиеся в распоряжении исследователей данные об оккупации Севастополя в 1942–1944 годах.

Новая администрация провела ряд важных для города, с точки зрения немцев, мероприятий. В первую очередь была проведена принудительная регистрация уцелевших жителей. Регистрация населения на бирже труда проводилась с 9 по 15 июля 1942 г. и имела целью установление полного контроля над жителями, выявления категорий лиц и национальных групп, подлежащих уничтожению, учёта трудоспособного населения, подбора лиц, согласных сотрудничать с оккупационными властями. По мнению К.В. Колонтаева, успешным обלאвам также способствовало то, что оккупационной власти достались документы Севастопольского ЗАГСа и паспортного стола [6].

В своих отчётах начальник полиции безопасности и СД Г. Фрик сообщает об успешном выявлении нежелательных категорий лиц. Согласно приведённым им данным, с 1 по 15 июля было ликвидировано 178 вооружённых групп из числа комиссаров, командиров, матросов и солдат; 27 групп, состоявших из вооружённых гражданских лиц и 76 отдельных лиц, оказавших сопротивление. Также, 12 июля, в результате предпринятых мер по выявлению категорий лиц, подлежащих уничтожению, было уничтожено около 1500 севастопольских евреев [7, с. 259], [2].

Приказом ортскомендатуры был введён комендантский час. На осенне-зимний период – с 17:00 до 6:00, весенне-летний – с 20:00 до 6:00. Если в ночное время полицейский патруль задерживал жителя без ночного пропуска, то проводилась процедура тщательной проверки в полиции, а затем задержанного отправляли на принудительные работы сроком до 10 дней [5, с. 268]. Аналогичным образом устанавливался жёсткий режим прописки, который поддерживался карательными мерами. Оформлять прописку через отделения полиции были обязаны все жители, достигшие возраста 16 лет. Отсутствие прописки или других документов, разрешающих находиться в черте города, грозило горожанам расстрелом. Покинуть границы города можно было только с разрешения оккупационной власти, а соответствующими полномочиями обладал ортскомендант, бургомистр или староста района проживания, которые выдавали разрешение или направление на выезд [10, с. 264].

14 июля оккупационными властями в прибрежной полосе города была образована запретная зона шириной 1 км (местами ширина доходила до 2–4 км). Из этой зоны выселили всех жителей; оказавших сопротивление расстреляли. Зона была ограждена завалами из камней – забивались окна пограничных домов, проходы засыпались и огораживались колючей проволокой. На заборе из «колючки» были развешены таблички с надписями «Verboten / Воспрещается приближение к морю. За нарушение – расстрел» [1, л. 107–111], [7, с. 259].

25 июля, комендант Севастополя майор Купфершлегер издал обращение к населению города с призывом явиться в расположение германской армии лицам, участвовавшим в подпольной деятельности. Им обещали помилование и, в качестве меры наказания, назначалось направление на проживание в любой другой населённый пункт Крыма. А тех, кто будет пойман, обещали приговорить к смертной казни. Одновременно вводилась ответственность жителей за здоровье и жизнь германских военнослужащих. Так, если с оставшимся на постой военнослужащим что-то случилось, то жители этого дома подлежали расстрелу. В случае, если на улице совершалась диверсия, то вся улица подлежала выселению и отправке на принудительные работы. Если эта диверсия приносила большой ущерб, то предусматривались ещё более жёсткие меры [8, с. 247–248].

Параллельно были созданы основные органы оккупационной администрации. Городское управление формировалось в основном из коллаборационистов. Во главе его находился бургомистр. Оно состояло из производственного, торгового, управления главного инженера города, ремстройконторы, водоканала, управления питания, церковного совета, мирового суда, ЗАГСа, финансового отдела, земельного отдела, жилищного отдела, отдела просвещения, отдела пропаганды, включавшего в себя театр, кинотеатры, базарный комитет, отдел здравоохранения, хозчасть управы. Для выполнения мероприятий на местах ортскомендант назначал местных старост. Отделы делились на представляющие важное значение и обычные. К первым относились: банк, театр, водоканал, управление главного инженера и отдел здравоохранения, к неважным – все остальные. Отделами особой важности заведовали только немцы [9, с. 78–79].

По военной линии функционировали силовые структуры, такие как управление политической полиции (гестапо) и службы безопасности СД [9, с. 82], [3, с. 7–8]; ортскомендатура крепости Севастополь; немецкая жандармерия; румынская жандармерия; шутцполиция; русская вспомогательная полиция; татарские legionеры;

647-я группа ГФП (тайная полевая полиция) [6]; отдел контрразведки – абвергруппа «Дариус-305» [3, с. 10]; Морская комендатура; отделы ВИКО (отделы сельскохозяйственной комендатуры) [4, с. 93] и некоторые другие формирования.

Период установления нового порядка продлился до декабря 1942 года и ознаменовался наиболее жестокой фазой оккупационного террора. В этот период возводятся больше всего концентрационных и фильтрационных лагерей для военнопленных и гражданского населения. Производятся основные карательные акции, в том числе массовые расстрелы. Но к концу 1942 года, оформившись как оккупационная администрация и привыкнув к новому месту пребывания, власть попыталась изменить свою тактику и номинально проводить политику «урегулирования» и «примирения».

Литература

1. Архив города Севастополя. Ф. Р-434. Оп. 4. Д. 1.
2. Газета «Слава Севастополя». № 225 (7357). 14.11.1947.
3. Задорожная Н.Ф. Дом-музей севастопольских подпольщиков 1942–1944 гг: Путеводитель / Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя. 2-е издание, Симферополь: изд. ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2012. 120 с.
4. Задорожная Н.Ф. Формы землепользования и система управления сельских хозяйством в Крыму и в Севастополе в период оккупации 1941–1944 гг. // Вестник Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя: Сб. науч. ст., обзоров фондовых кол. Вып. 3. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2012. С. 91–109.
5. Иванов В.Б. Севастопольская эпопея 1941–1944 гг. в официальных документах (сводки, приказы, донесения, публикации). Севастополь: «Библекс», 2004. 319 с.
6. Колонтаев К.В. Севастополь и Крым в 1941–1944 годах: Битва Спецслужб [Электронный ресурс] // URL: <https://goo.gl/v3CRjW> (дата обращения: 04.09.2019).
7. Командующему войсками оперативного тылового района группы армий «Юг» // Иванов В.Б. Севастопольская эпопея. С. 258–260.
8. Обращение к населению крепости Севастополь от 25 июля 1942 г. // Иванов В.Б. Севастопольская эпопея 1941–1944 гг. в официальных документах (сводки, приказы, донесения, публикации). Севастополь: «Библекс», 2004. С. 247–248.
9. Протокол допроса Волкова И.А. от 21. 09. 1944 г. // Нацистские лагеря смерти. С. 78–83.
10. Шутикова Е.С., Шпакова И.Е. Адресные листки немецкой ортскомендатуры как исторический источник по изучению оккупационного режима в городе Севастополе 1942–1944 годов // Севастополь: взгляд в прошлое: Сборник научных статей сотрудников Государственного архива г. Севастополя / Сост. В.В. Крестьянников. Севастополь: ЧП Арефьев, 2006. 356 с.

ОРГАНИЗАЦИЯ ДОСУГА СЕВАСТОПОЛЬСКИХ ШКОЛЬНИКОВ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ГОРОДА ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

**Севастопольский государственный университет, г. Севастополь*

***Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, г. Севастополь*

Сразу после освобождения Севастополя от немецко-фашистских захватчиков началась масштабная и планомерная работа по возобновлению деятельности образовательных организаций города. На первый план вышла задача по восстановлению разрушенной материальной базы, ведь инфраструктура города была практически уничтожена.

К декабрю 1944 года были частично приспособлены к работе три средних школы: № 4, 19, 28; 3 семилетних: №№ 6, 9, 14 и 8 начальных школ [1, с. 75]. В опубликованной 3 июля 1945 года на страницах газеты «Слава Севастополя» статье заведующей Севастопольским городским отделом народного образования В.Р. Девочки отмечалось, что в сентябре 1944 года в школах Севастополя было 2446 учеников и за год прибавилось еще 1465 ребят. Не хватало учителей, многие школьники столкнулись с трудностями в учебе, в следующий класс по итогам первого учебного года перевели 2359 человек, перенесли итоговые испытания на осень после занятий в летней школе для 401 человека, на второй год были оставлены 391 человек. Около 100 ребят в возрасте до 15 лет оставались вне школы [3].

Заниматься приходилось в холодных помещениях, так как не хватало топлива, в некоторых школах не было парт, катастрофически мало было учебников и наглядных пособий. Тем не менее, власти прилагали значительные усилия, чтобы сделать обучение школьников и качественным, и комфортным насколько это было возможно в условиях послевоенной разрухи. Уже в 1944 году был внесен доклад об открытии буфетов в школах. Исполком постановил обязать начальника завода «ОРС-427» открыть буфет в школе № 28, обязать строительное предприятие «Севастопольстрой» открыть буфет в школе № 14, а военное предприятие «Военторг» – в школе № 8 [6, л. 22]. К началу нового учебного года в сентябре 1945 г. были закуплены учебники на 2000 рублей и наглядные пособия на 12000 рублей, что составило 40% от потребности школ [3].

Не все дети имели возможность пойти в школу по причине чрезвычайно тяжелого материального положения. На совещании ГОРОНО 24 сентября 1945 года поднимался этот вопрос: *«41 ученик не может идти в школу, так как у них отсутствует одежда и обувь. Городской отдел народного образования обращается в горисполком с просьбой обеспечить детей одеждой»* [1, с. 80]. Из системы торгового городского исполнительного комитета городскому отделу народного образования были переданы платья, брюки и гимнастёрки. Вся одежда распределялась по ордерам и талонам. 6 декабря 1945 года газета «Слава Севастополя» информировала, что для школьников, нуждающихся материально, выделено 100 пальто, 60 костюмов для мальчиков, 40 платьев для девочек, 84 школьника получили талоны на обувь.

Помощь детям оказывалась и в дальнейшем. Так в 1946 году было распределено 2500 талонов на обувь и 500 талонов на одежду. Также нуждающимся детям и их семьям помогали продуктами [1, с. 80].

Целью государства и педагогических коллективов было воспитание молодежи целеустремлённой, преданной коммунистическим идеалам и идеям служения народу. В соответствии с этой целью строилась организация и учебной, и внеучебной, и досуговой деятельности севастопольских школьников. Комсомольские и пионерские собрания, стенгазеты, политинформации в школах – всё это было направлено на повышение успеваемости и дисциплины, патриотическое и нравственное совершенствование учащихся. Например, в «Славе Севастополя» от 31 января 1945 года в статье «О чем говорили комсомольцы школы» приводится обсуждение доклада секретаря комитета комсомола школы № 28, работу которого признали неудовлетворительной, так как среди неуспевающих учеников 15 были комсомольцами, и работа с пионерами также оказалась слабой, из них 86 человек получили плохие отметки во второй четверти [5].

Одной из важных задач по возвращению к мирной жизни была организация досуга школьников во внеучебное время. Поэтому уже 15 июля 1944 года приняла первых читателей Центральная детская библиотека, в которой стали проводить для школьников обсуждения книг, тематические вечера, читательские конференции, литературные игры и викторины [4, с. 45].

В январе 1945 года, в дни зимних каникул, в Севастополе состоялась I городская школьная спартакиада. Соревновались в стрельбе из боевой винтовки, строевой подготовке, скорости разборки и сборки оружия и т.д.. Победителями стали ученики школы № 28 [9].

Школьники совершали культпоходы в кино и театр. В городе работал кино-театр «Красный луч», а 27 января 1945 года пьесой К. Симонова «Так и будет» открыл сезон 1945 года Севастопольский театр имени А.В. Луначарского [10]. В июле 1945 года севастопольцы приступили к оборудованию летней киноплощадки и спотрплощадки. Для этого исполком горсовета выделил участок в районе улиц Пролетарская, Свердлова, Красноармейская [7].

30 сентября 1945 года в своем довоенном здании по улице Азовской, 30 вновь открылась музыкальная школа. В июне 1948 г. в небольшом помещении на ул. Пушкина, 20 заработал Дом пионеров: ребята стали заниматься в кружках юного натуралиста, авиамоделирования, драмкружке и т.д. [1, с. 87]. В школах в течение учебного года проводились внеклассные занятия по русскому языку и литературе, создавались кружки выразительного чтения. На классных часах обсуждались такие темы, как: *«советский патриотизм и пролетарский интернационализм, коммунистическое отношение к труду и общественной собственности, сознательная дисциплина и культура поведения, коллективизм, дружба и товарищество, красота и счастье человека, честность и правдивость, волевые черты характера»* [2].

Летом 1944 года на реке Кача был открыт первый пионерский лагерь, что стало началом масштабных работ по организации летнего отдыха и оздоровления детей, которые продолжались в последующие годы [1, с. 121]. В.А. Савостьянов на станциях «Славы Севастополя» в 1946 году отмечал, что около 500 детей отдыхают на площадках при школах, около 1500 школьников за смену пройдут через пионерские лагеря, однако в самом городе пока ничего не сделано для организации летнего

отдыха детей. Можно и нужно устроить площадки для игр, пляжи... Горисполком и райисполкомы обязаны улучшать бытовые условия наших педагогов, отремонтировать квартиры учителей, своевременно обеспечить школы и преподавателей топливом. Нужно немедленно широко привлечь всю общественность города в помощь школе [9]. При этом и учителя, и ученики, и родительская общественность не оставались в стороне: проводили субботники, создавали черкасовские бригады. Весной 1946 года «Слава Севастополя» сообщала о работе учащихся – черкасовцев в 7-й и 19-й школах. Позднее активно действовали школьные трудовые лагеря [6].

Таким образом, внимание уделялось всем сферам жизни школьников не только в течение учебного года, но и во время летних каникул. При этом упор в воспитании юных советских граждан делался на патриотическое воспитание и получение прикладных трудовых навыков.

Литература

1. Будякова И.И. Учитель, перед именем твоим... Севастополь: ЧП Стрижак, 2013. 132 с.
2. Городской педагогический кабинет отдела народного образования города Севастополя Крымской области УССР // Архив города Севастополя. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.
3. Девочко В.Р. Перед новым учебным годом // Слава Севастополя. 1945, 03 июля. С. 2.
4. Канивец Н.В. Детская библиотека в истории Севастополя. Годы военные. Годы мирные. Севастополь: ЭКОСИ-Гидрофизика, 2013. 176 с.
5. Красников В. О чем говорили комсомолы школы / / Слава Севастополя. 1945, 31 января. С. 2.
6. Круглов А. Беспокойная юность // Слава Севастополя. 1956, 15 июля. С. 1.
7. Новости Севастополя // Слава Севастополя. 1945, 06 июля. С. 2.
8. Протоколы заседаний исполкома севастопольского городского совета депутатов трудящихся 02.08.1944 20.12.1944 // Архив города Севастополя. Ф. Р-79. Оп. 2. Д. 425. Л. 21–64.
9. Савостьянов А. Поможем нашим школам // Слава Севастополя. 1946, 29 июня. № 129. С. 3.
10. Школьная спартакиада // Слава Севастополя. 1945, 12 января. С. 2.
11. Так и будет // Слава Севастополя. 1945, 31 января. С. 2.

**ИСТОРИЧЕСКИЙ КЛУБ КАК ИННОВАЦИОННАЯ ВНЕАУДИТОРНАЯ ПЛОЩАДКА
ПО ФОРМИРОВАНИЮ ПАТРИОТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ**

*Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского федерального
университета имени В.И. Вернадского, г. Ялта*

Исторический клуб при кафедре истории, краеведения и методики преподавания истории Гуманитарно-педагогической академии (филиал) Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского открыл свой пятый сезон. За предыдущие четыре года проведено 50 заседаний, накоплен немалый опыт в их организации и проведении, определении тем, методики проведения, выработано ясное понимание целей и задач Клуба.

Актуальность темы определяется активизацией дискуссий в обществе об исторических фактах и событиях, в которых прошлое сегодня становится ареной битв за сознание подрастающего поколения, а в конечном счете за будущее государства и народа.

В условиях небывалого противостояния России с коллективным Западом существует объективная необходимость усилить работу по формированию у подрастающего поколения чувств гражданина и патриота. Одним из направлений этой многоплановой работы может быть изучение истории и использование ее в воспитательных целях. Свое понимание ситуации в обществе сформулировал Президент страны В.В. Путин: «У нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма. Никакой другой идеи мы не придумаем, и придумывать не надо, она есть» [1].

Целью представленного доклада является анализ работы Исторического клуба как инновационной формы воспитания патриотического мировоззрения школьников и студентов через изучение истории и исторических вызовов России. Автор видит своей задачей обобщить опыт работы Исторического клуба, выявить особенности используемых форм общения ученых и школьников на внеаудиторной площадке и их эффективность в процессе воспитания патриотического мировоззрения.

При создании Исторического клуба в 2015 году были сформулированы две задачи, необходимые для реализации поставленной цели.

Первая – создать дополнительную внеаудиторную площадку для изучения истории России во внеучебное время.

Вторая – превратить Исторический клуб в неформальное место исторических бесед, в ходе которых у участников дискуссий формировалось бы понимание героических и трагических страниц русской истории, возникало бы чувство гордости за дела далеких и близких предков, которые много раз сумели отстоять честь и независимость Отечества. Другими словами, организовать процесс формирования патриотического мировоззрения.

Знать прошлое нужно не только ради знания прошлого как такового, а еще и для лучшего понимания настоящего. Советский и российский историк и политолог

А.И. Уткин так высказался на этот счет: *«Нет абсолютной гарантии того, что история укажет на правильный путь, но есть твердое понимание того, что, игнорируя историю, мы просто обречены на неправильный выбор»* [3, с. 11].

Рассмотрим основные направления деятельности клуба, каждое из которых имеет свою аудиторию и свою смысловую нагрузку.

Во-первых, это собственно заседания Исторического клуба, участниками которых, прежде всего, являются старшеклассники ялтинских школ. Заседания проходят по субботам два раза в месяц в Ливадийском дворце или в аудиториях Академии. Численность школьников-участников клуба колеблется в пределах 50–60 человек.

Второе направление – межкафедральные междисциплинарные студенческие научно-практические конференции. Их участники – студенты кафедр академии. *«Использование междисциплинарного подхода при изучении исторических явлений прошлого и их взаимосвязи с настоящим днем является наиболее эффективным способом изучения проблемных тем»* [2, с. 188].

Третье направление – выставки творческих работ студентов на тему «История России – глазами студентов». Главные участники – студенты-художники.

Из межкафедральных студенческих конференций выросло четвертое направление – историко-литературная гостиная, в которой студенты историки, филологи и музыканты совместно представляют тему, посвященную историческому событию или личности в истории и культуре.

Формат клуба позволил соединить в единое целое три важных компонента воздействия на формирование личности школьника и студента – это образовательная функция, профориентационная и мировоззренческая.

Признанием эффективности деятельности клуба стало открытие на телеканале Ялта-ТВ специальной часовой передачи «Исторический клуб на Ялта-ТВ», которая проходит два раза в месяц в формате бесед двух ведущих историков академии. Эта площадка расширяет аудиторию клуба, включая в совместную деятельность со школьниками их родителей, и служит формированию у них осмысленного отношения к «войне памяти», которая ведется в первую очередь против их детей по трем направлениям: *«1. Тотальная зачистка исторической памяти старших поколений, живых свидетелей реально происходившего в прошлом. 2. Тотальное насаждение молодежи ложного представления об истории посредством различных информационных технологий, включая образовательные технологии новых поколений. 3. Тотальная смена представлений о прошлом в масштабах всего общества с истинных на ложные»* [4, с. 4–5].

В настоящее время разрабатывается новый проект под названием «Крымская историческая инициатива: о ком молчат камни».

Важный аспект деятельности клуба – взаимодействие вуза, школ, Управления образования городской администрации и Ливадийского дворца-музея. Совместными усилиями удалось соединить важные элементы организации учебного процесса и патриотического воспитания.

Выводы. Во-первых, в современных условиях глобального давления Запада на Россию особое значение приобретает изучение истории государства подрастающим поколением россиян, поскольку именно прошлое стало полем битвы сегодня.

Во-вторых, анализ опыта работы Исторического клуба, используемых методических приемов позволяет утверждать, что большой эффект достигается при активной

работе ведущих с участниками заседаний, их включении в обсуждение темы как во время заседания, так и через подготовку самостоятельных выступлений.

В-третьих, практика показала, что Исторический клуб академии – эффективный формат изучения истории России школьниками и студентами во внеучебное время. В его рамках успешно взаимодействуют образовательная, профориентационная и мировоззренческая функции, результатом реализации которых становится формирование у участников заседаний чувства сопричастности к истории своей страны и ответственности за ее судьбу, гражданской позиции и патриотизма.

Литература

1. Встреча с активом Клуба лидеров // Официальный сайт Президента РФ. 3 февраля 2016 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51263> (дата обращения: 04.09.2019).
2. Жеребкин М.В. О профориентации и воспитании патриотизма // Проблемы современного педагогического образования. г. Ялта, 2016. № 52. Вып. II. С. 364.
3. Уткин А.И. Вызов Запада и ответ России. М.: Эксмо, 2003. 608 с.
4. Чураков Д.О. В битвах за историзм: проблемы изучения Великой Русской революции 1917 года и постреволюционного режима. М.: Прометей, 2016. 387 с.

**СОВЕТСКОЕ АНТИНАЦИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ В 1941–1944 гг.**

Независимый исследователь, п. Раздольное, Республика Крым

Во время Великой Отечественной войны на территории Северо-Западного Крыма в 1941–1944 гг. разворачивают свою деятельность советские разведывательно-диверсионные группы, которые становятся частью разветвлённой сети крымского антинацистского Движения Сопротивления. Отметим, что в отличие от лесных массивов Белорусской ССР, северо-западной территории Украинской ССР и западных областей РСФСР, северо-западный Крым включает в себя в первую очередь, степной Крым, который, являющийся плоской равниной, а также Тарханкутскую возвышенность, отличающуюся полого-волнистым рельефом и береговыми обрывами [1, с. 33–40]. Следовательно, данная местность была приспособлена только для действий небольших отрядов, численностью не более 5–15 человек, а не крупных партизанских соединений до 150–200 бойцов.

Уже во время проведения Крымской оборонительной операции 1941 г. стало ясно, что силами 51 Отдельной армии полуостров удержать невозможно. Несмотря на нанесенные контрудары по гитлеровским войскам, 28 октября 1941 г. они вырвались на степные просторы Крымского полуострова и устремились на юг. 51 Отдельная Приморская армия отошла к Севастополю, заняла оборону на подступах к городу, а позднее была эвакуирована на Таманский полуостров с Керчи в ноябре 1941 г. Таким образом, в ходе летне-осенней кампании 1941 г. большая часть Крымского полуострова оказалась оккупирована войсками нацистской Германии и ее союзника – Королевства Румыния [3, с. 318].

Задача борьбы с гитлеровскими оккупантами, их румынскими союзниками и вооруженными коллаборационистскими формированиями на службе нацистской Германии (т. н. «полицаями») была возложена на разведывательно-диверсионные группы. В компетенцию разведывательно-диверсионных групп входили такие поручения:

- 1) Выведение из строя тыловых учреждений, военных объектов противника;
- 2) Дезорганизация работы транспорта и связи противника, проведение террористических актов в тылу немецких и румынских оккупационных войск;
- 3) Распространение паники среди войск противника;
- 4) Сбор разведданных о передвижении, дислокации, вооружении и количестве войск противника, его военно-экономическом потенциале, промышленных объектах военного значения, транспортных коммуникациях и коммуникациях связи;
- 5) Уничтожение высшего и среднего командного состава противника, назначенных политических и административных деятелей;
- 6) Изготовление агитационно-пропагандистской литературы (газеты, брошюры, листовки) и распространение ее среди местного населения;
- 7) Изготовление, приобретение, покупка оружия для проведения боевых операций во вражеском тылу;

8) Установление радиоаппаратуры для налаживания радиовещания, телеграфии с Центральным Штабом партизанского движения ((ЦШПД; создан 30 мая 1942 г.) и партизанским движением в Крымских горах [2].

Деятельность советских антинацистских партизанско-подпольных групп можно условно разделить на три фазы:

1) Осень 1941 г. – весна 1942 г. – период, связанный с началом оккупации Крымского полуострова, началом героической обороны Севастополя (30 октября 1941 г. – 4 июля 1942 г.), Керченско-Феодосийской десантной операции (28 декабря 1941 г. – 2 января 1942 г.) – взаимодействия партизан, подпольщиков с командованием Красной Армии и Военно-Морского Флота при обороне Крыма от гитлеровских оккупантов;

2) Весна 1942 г. – осень 1943 г. – переход стратегической инициативы к нацистской Германии, падении Севастополя, Феодосии, Керчи, эвакуация Красной Армии и Черноморского Флота с полуострова на Северный Кавказ, действия патриотов лишены какой-либо поддержки извне;

3) Осень 1943 г. – весна 1944 г. – подъем партизанско-подпольной борьбы на территории Северо-Западного Крыма, активное оказание помощи советских патриотов командованию 4-го Украинского фронта, Черноморского Флота и Азовской военной флотилии при освобождении Северо-Западного Крыма от нацистской оккупации во время проведения Крымской наступательной операции 8 апреля – 12 мая 1944 г. [5, с. 319]

В течении 1941–1943 гг. советские патриоты накапливали силы, проводили активную разведку и рекогносцировку, с целью детального изучения противника и местности, для помощи Красной Армии и ВМФ в дальнейшем. Разведывательно-диверсионные группы сыграли важную роль в освобождении полуострова от нацистской оккупации и организации антинацистского Движения Сопротивления. На Тарханкутский полуостров они направлялись оперативной группой штаба 51-й Армии 4-го Украинского фронта [6].

Подпольная группа «отряд им. Сталина»; «Взрыв» под руководством Василия Даниловича Шумильного была сформирована в октябре 1942 г. в городе Евпатории. С ее помощью создаются ячейки антинацистского подполья в Ак-Мечетском (ныне Черноморском) и Фрайдорфском районах (Фрайдорф – ныне пос. Новосёловское на территории Раздольненского района). Действовал отряд В. Д. Шумильного до конца зимы 1944 г. 23 февраля 1944 г., после переправы через Каркинитский залив, он вместе с группой товарищей был окружен гитлеровцами в местечке Башкуль на явочной квартире, принял бой и героически погиб [7].

В 1942 г. в зерносовхозе им. Кирова начала действовать подпольная группа под руководством Александра Михайловича Гулятя, работавшего бригадиром подсобного хозяйства. По мнению, Г.Н. Овчинниковой, историка и краеведа, эта разведгруппа была одной из первых и, скорее всего, самых крупных патриотических организаций, созданных в Ак-Мечетском (Черноморском районе) в период нацистской оккупации. Эта группа всячески противодействовала гитлеровской оккупации, переправляя военнослужащих Красной Армии, моряков-черноморцев, партийных работников и комсомольский состав в Крымские горы. 3 февраля 1944 года А.М. Гулять был арестован немецкими жандармами. Во время допроса он

подвергался всевозможным пыткам, но не сломался и не выдал местоположения подполья. 15 марта 1944 г. был расстрелян немцами в Евпатории на Красной Горке [8].

Разведывательно-диверсионных группы на территории Ак-Шейхского (ныне Раздольненского района) возглавляли крымчане корейского происхождения Александр и Антон Кимы. После захвата Крыма немецкими войсками он остался на оккупированной территории в Ак-Шейхском районе (ныне Раздольненский район Республики Крым). В д. Садыр, создается подпольная организация, созданная братом Антона Александром Кимом. А в ноябре 1943 г., когда создается партизанский объединенный отряд им. Чапаева № 1, в который вступает также и Антон Ким. Об этом вспоминает в частности подпольщик Ак-Шейхского отряда Г.И. Стальбовский: «[После оккупации Крыма фашистами в конце 1941 года] в Ак-Шейхе стали организовывать всякие немецкие учреждения, в том числе и сельскохозяйственные... В Садыре 2 стал организовываться сепараторный пункт по переработке молока, и заведующим прислали Кима Александра Петровича. ...В 1940 году его направили в Ак-Шейхский район работать в УНХУ, где и застала его война. Я ему высказал свои соображения насчет борьбы с немцами. Он со мной согласился и говорит, что уже есть люди в нашем районе, ведущие борьбу, придет время, и он меня с ним познакомит, а пока строгая конспирация. Я даже сам не предполагал, что он является членом и организатором Ак-Шейхского подполья. Он предложил, чтобы я обзаводился семьей и работой, иначе отправят в Германию. ...Ким имел свой транспорт (лошадь и бедарку), разъезжал по району, организуя сбор молока для немцев и выполняя подпольную работу». Миссия братьев имела важное значение для Красной Армии, поскольку с приближением фронта и установления линии фронта на Перекопском перешейке, Красная Армия нуждалась в разведанных относительно живой силы противника и дислокации вражеских гарнизонов, узлов связи, линии продовольствия и другой не менее важной информации [9, с. 106-107]. К сожалению, в марте 1944 г., Антон Ким был предан сельским старостой, и при выполнении задания он погиб в д. Кукуш Ак-Шейхского района. Похоронен в с. Стерегущее (до 1948 г. Верхний Бакал) Раздольненского района Республики Крым. Одна из улиц поселка названа в его честь Антона Кима. Александра Кима арестовала немецкая полевая жандармерия и после допроса он был расстрелян 26 февраля 1944 г. [4, с. 250]

Таким образом, в течении 1941–1944 гг., Северо-Западный Крым стал местом проведения боев «невидимого фронта» советских патриотов. Несмотря на отсутствие лесисто-болотистой местности, необходимой для ведения активной партизанско-подпольной борьбы, советские подпольщики подготовили все условия для освобождения Крыма от гитлеровских захватчиков и их румынских союзников. В частности, советские патриоты смогли следующее: 1) нейтрализовали немецкую пропаганду относительно победы Третьего Рейха во Второй мировой войне; 2) подготовили кадры для партизанско-подпольного движения в Крымских горах; 3) установили связь с Красной Армией, Черноморским Флотом и Азовской флотилией в период оборонительной (1941–1942 гг.) и наступательной фаз боев за Крымский полуостров (1943–1944 г.)

Литература

1. Багрова Л.А., Боков В.А., Багров Н.В. География Крыма. К.: Лыбидь, 2001. 302 с.

2. Диверсионные действия. [Электронный ресурс] // URL: https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details_rvsn.htm?id=13021@morfDictionary (дата обращения: 08.09.2019).
3. Костенко И.А. Крымская операция 1941 // Военная Энциклопедия: В 8 т. / Председатель редакционной комиссии И.Д. Сергеев. М.: Воениздат, 1999. Т. 4. С. 318–319.
4. Книга памяти Республики Крым. Партизаны и подпольщики / под ред. И.В. Иванченко, М.Р. Акулова, А.Ф. Андреева и др. Симферополь: Таврида, 1995. 271 с.
5. Мозолев В.Ф. Крымская операция 1944 // Военная Энциклопедия: В 8 т. / Председатель редакционной комиссии И.Д. Сергеев. М.: Воениздат, 1999. Т. 4. 319 с.
6. Овчинникова Г.Н. Взаимодействие патриотов Северо-Западного Крыма с оперативной группой 51-й армии 4-го Украинского фронта. [Электронный ресурс] // URL: <http://kaloslimen.org/ru/tarhankut-v-gody-vov/vzaimodejstvie-patriotov-severo-zapadnogo-kryma-s-operativnoj-gruppoj-51-j-armii-4-go-ukrainskogo-fronta.html> (дата обращения: 08.09.2019).
7. Овчинникова Г.Н. Руководитель подпольной группы Василий Данилович Шумильный. [Электронный ресурс] // URL: <http://kaloslimen.org/ru/tarhankut-v-gody-vov/rukovoditel-podpolnoj-gruppy-vasilij-danilovich-shumilnyj.html> (дата обращения: 08.09.2019).
8. Овчинникова Г.Н. Сопротивление оккупантам. [Электронный ресурс] // URL: <http://kaloslimen.org/ru/tarhankut-v-gody-vov/soprotivlenie-okkupantam.html> (дата обращения: 08.09.2019).
9. Шин Д.В., Пак Б.Д., Цой В.В. Советские корейцы на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: ИВ РАН, 2011. 615 с.

**ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА
ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КРЕСТЬЯНСТВА**

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, г. Севастополь

В исторической науке существовали и продолжают существовать темы и сюжеты, которые выходят далеко за рамки непосредственно самой науки и становятся своего рода камертоном общественных настроений по принципу: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты». В череде этих вопросов – тема судьбы русского крестьянства в истории России XX столетия.

О крестьянстве написано и сказано очень много, вместе с тем говорить о достижении ясного понимания причин, сущности и последствий произошедших изменений пока не приходится. Более того, современные историки также втянуты в водоворот бесконечных дискуссий о крестьянском мире. Всё это создаёт стабильный информационный шум вокруг темы и осложняет её изучение и понимание. Поэтому первостепенной задачей является выработка навыка, позволяющего слышать в этом шуме «многоголосие» – конкретные направления и течения общественной мысли.

Решение видится в разработке и применении историографического метода. Историографический метод позволяет, и в этом заключается его уникальность, соединить в одном аналитическом пространстве все мысли и суждения о крестьянстве, высказанные представителями не только научного труда, но и мыслителями, деятелями культуры и искусства, яркими и ярыми общественниками. Все эти представления воплощены в самые различные формы: научные концепции и теории, социальные стереотипы и «мифы», художественные произведения различных видов искусства. Образ русского крестьянина находится в центре этих творений ума, которые задают самую широкую палитру восприятия крестьянского образа жизни.

Очевидно, что для отечественной мыслительной традиции характерна полярность в оценке крестьянского мира – от его идеализации до абсолютизации формулы «идиотизм деревенской жизни» [1], [3]. Однако до сих пор исторической наукой не раскрыта природа этой полярности, не до конца осознана социальная сущность высказываемых оценок. В этом отношении источники, отражающие мысли деятелей отечественной культуры, являются незаменимыми – именно они способны восполнить ту лакуну в источниковом комплексе, которая обнаруживается при изучении социальной истории России XX столетия.

Так, к примеру, мемуары, дневники, письма позволяют найти ответы на многие вопросы, беспокоившие современников [2]. Информация в этих источниках часто перекликается, что даёт основания для изучения как социально-психологических, ментальных компонентов отечественной истории, так и для постановки серьезных культурно-антропологических исследовательских задач.

Литература

1. Громько М.М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 446 с.
2. Свиридов Г.В. Музыка как судьба / сост., авт. предисл и коммент. А.С. Белоненко. М.: Молодая гвардия, 2002. 798 с.
3. Семенова-Тян-Шанская О.П. Жизнь «Ивана»: Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. Рязань: РГПУ, 1995. 136 с.

**РОЛЬ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ПРИБОРОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА «ПАРУС»
В РАЗВИТИИ СЕВЕРНОЙ СТОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ В 1960–1985 ГОДАХ***Севастопольский государственный университет, г. Севастополь*

Город Севастополь исторически был поделен Севастопольской бухтой на две части. Первая – наиболее заселенная и развитая это, несомненно, Южная часть города. Северная же часть всегда была менее развитой (до 1976 года этот микрорайон даже не имел высотных зданий [13, л. 12]). Именно по этой причине и было принято решение строить Севастопольский приборостроительный завод на Северной стороне города Севастополя. Эта мера должна была решить целый комплекс задач:

Во-первых, устранить проблему трудоустройства населения района и предоставить работу в непосредственной близости от места жительства [12, л. 6].

Во-вторых, как уже упоминалось, Северная сторона города была не так хорошо развита и застроена как Южная, в связи с чем, появление крупного предприятия должно было стимулировать это развитие и способствовать тому, чтобы данный район ничем не уступал остальной части города.

В-третьих, исходя из чисто практических целей, Северная сторона была намного удобнее для нового предприятия, в связи с тем, что располагала большим количеством незадействованной земельной площади, где было возможно вести строительство завода и расширять его при необходимости.

Однако в связи с трудностями, которые испытывало предприятие в первые годы своего существования (1960–1965 года), крупного капитального строительства на Северной стороне в эти годы не велось.

1965–1970 годы можно выделить как новый этап в истории развития завода. Это был период укрепления предприятия и его укрупнения. В это время на заводе происходит увеличение объемов производства, строятся новые цеха, и начинает развиваться капитальное строительство. С 1965 года руководство предприятия всерьез начало уделять внимание жилищному строительству с целью обеспечения коллектива трудящихся завода благоустроенными квартирами. Это была сложная и важная проблема для Севастопольского приборостроительного завода в тот период. Если изучить материалы и документацию отдела кадров за 1965 и 1966 год, то можно увидеть, что серьезным вопросом была текучка кадров. Основными причинами ухода являются поиски более высокого заработка, а также, что наиболее важно, – отдаленность от местожительства и необеспеченность собственным жильем [8, л. 65–66]. Именно для решения этой острой проблемы и чтобы остановить высокую текучесть кадров, с 1965 года Севастопольскому приборостроительному заводу начали выделять земельные участки под строительство.

В дополнение к этому следует отметить тот факт, что в 1969–1970 годах продолжалась реконструкция самого предприятия. И, несмотря на большие объемы

работ, некоторые пункты этой реконструкции уже были выполнены, например, озеленение 2000 м² территории, асфальтирование 2500 м² дорог и тротуаров, построено кафе на 40 посадочных мест на территории завода [9, л. 5–7].

Достижением 1971–1973 годов было то, что большое количество запланированных объектов достроено и принято в эксплуатацию. Благодаря документации отдела капитального строительства можно составить полный перечень того, что было сделано в рассматриваемые годы [5, л. 1–8].

1. Вторая очередь 50 квартирного пятиэтажного жилого дома по ул. Богданова, д. 25. Первая очередь этого дома была сдана в эксплуатацию еще в 1971 году.

2. Градирня, входящая в состав предприятия п/я А-3165.

3. Насосная с резервуарами, входящая в состав предприятия п/я А-3165.

4. Пятиэтажный 70 квартирный дом со встроенным книжным магазином по ул. Серафимовича № 28 Нахимовского района [6, л. 1–2].

5. Внутриплощадочные сети канализации, электрокабельные и водопроводные сети, теплотрасса к Главному корпусу, ливневая канализация Главного корпуса [6, л. 8–17].

Если же говорить об итогах капитального строительства в 1975 году, который был заключительным годом девятой пятилетки, то они выглядели следующим образом. Было закончено строительство ряда объектов, как на самом предприятии, так и за его пределами. В их число можно отнести 12-ти этажный жилой дом на ул. Циолковского 21 (48 квартир), 12-ти этажный жилой дом на ул. Богданова 10-а (48 квартир), а также что наиболее важно – завершение строительства третьей очереди Главного корпуса предприятия п/я А-3165, которое включало в себя каменные, штукатурные и другие общестроительные работы.

В годы десятой пятилетки продолжилась активная работа по строительству производственных и жилищных объектов. Так, в 1978 году был сдан в эксплуатацию законченный строительством 12-этажный дом по ул. Циолковского, 9 [2, л. 1–3]. Также активно велось строительство столовой приборостроительного завода на 530 мест [11, л. 2].

Однако, несмотря на то, что завод имени В.И. Ленина был ведущим промышленным предприятием на Северной стороне и уже 20 лет вел активную работу по благоустройству и застройке района, эта часть города все еще не располагала к 1981 году приемлемой культурной базой для досуга молодежи, в связи, с чем руководством предприятия было принято решение о строительстве спортивного комплекса в XI пятилетке [14].

Помимо строительства спортивного комплекса, в период с 1981 по 1982 был построен ряд жилищных объектов, а именно:

1. Общежитие на 380 мест с индивидуальной пристройкой (спортзалом размером 30х18 м., буфетом, магазином на 2 рабочих места и библиотекой на 30 тысяч томов) по ул. А. Оношко, 48.

2. Девятиэтажный 252 квартирный дом на Радиогорке в I микрорайоне Нахимовского района.

3. Девятиэтажный жилой дом по ул. Громова, 64 [1, л. 1–2] [7, л. 1–8].

Много внимания завод уделял и детям работников. В 1981 году был успешно достроен и сдан в эксплуатацию детский сад на 320 мест на Радиогорке, Нахимовского района [7, л. 1–7]. Также в это время в районе поселка Любимовка на

берегу моря велось строительство пионерского лагеря на 250 мест, что позволило практически решить вопросы летнего отдыха детей [13, л. 12].

Заводской комсомол также оказывал активную помощь предприятию на различных участках его хозяйственной деятельности. В ноябре 1981 года было успешно завершено строительство молодежного общежития на 380 мест, объявленного ударной комсомольской стройкой. Помимо этого ударные отряды заводских комсомольцев успешно трудились на комсомольско-молодежных стройках города: строительство стадиона в Загородной балке, пионерского лагеря «Ласпи», а также строительство заводского пионерского лагеря в Любимовке [13, л. 6].

В 1983 году были сданы в эксплуатацию законченные строительством профилакторий на 50 мест и первая очередь пионерского лагеря в поселке Любимовка [4, л. 1–4]. А уже в 1984 году была сдана и вторая очередь пионерского лагеря. Согласно акту приемки, в состав второй очереди входили: клуб-столовая, административно-приемный корпус и котельная [3, л. 1–2].

Подводя итог мероприятиям, которые проводились в сфере капитального строительства в годы XI пятилетки, отмечу, что план социального развития завод выполнил по всем разделам. Так, с 1981 по 1985 год предприятием были введены в строй:

1. Хозяйственный и продовольственные магазины.
2. Детский комбинат на 320 мест.
3. Дискотека.
4. Спортивный комплекс.
5. Мужское общежитие.
6. Общественно-политический центр.
7. Прачечная.
8. Диетическая столовая на заводе и в городе.
9. Профилакторий-пансионат «Альбатрос» [10, л. 5].

Таким образом, Севастопольский приборостроительный завод стал ведущим промышленным предприятием на Северной стороне города Севастополя и внес значительный вклад в развитие этого района. До его появления Северная сторона оставалась слабо развитым районом города, не располагавшим ни необходимым количеством жилых домов, ни подходящей культурной базой для отдыха севастопольцев. И только строительство завода помогло в корне изменить ситуацию и превратить Северную сторону города в бурно развивающуюся и современную на тот период времени часть Севастополя.

Литература

1. Акт государственной приемной комиссии по приему в эксплуатацию законченного строительством 9-ти этажного жилого дома по улице Громова, 64 от 31 декабря 1982 года // Архив г. Севастополя (АГС). Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 1170. Л. 1–2.
2. Акт приемки в эксплуатацию законченного строительством 12-этажного дома по ул. Циолковского № 9 от 31 марта 1978 года // АГС. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 964. Л. 1–3.
3. Акт государственной приемной комиссии по приему в эксплуатацию законченной строительством второй очереди пионерского лагеря в поселке Любимовка от 7 декабря 1984 года // АГС. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 1294. Л. 1–2.
4. Акты государственной приемной комиссии по приему в эксплуатацию законченных строительством профилактория на 50 мест и первой очереди пионерского лагеря в поселке Любимовка от 22 ноября 1983 года. АГС. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 1222. Л. 1–4.

5. Акты приемки в эксплуатацию законченных строительством объектов 1972 // АГС. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 661. Л. 1–8.
6. Акты приемки в эксплуатацию законченных строительством объектов 1973 // АГС. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 708. Л. 1–17.
7. Акты приемки в эксплуатацию законченных строительством объектов за 1981 год // АГС. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 1121. Л. 1–7.
8. Материалы о кадрах за 1966 год // АГС. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 334. Л. 65–66.
9. Материалы по охране труда и технике безопасности за 1969 год // Государственный архив г. Севастополя АГС. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 497. Л. 5–7.
10. Материалы по присвоению Севастопольскому приборостроительному заводу имени В.И. Ленина звания «Предприятие высокой культуры производства» // АГС. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 1334. Л. 5.
11. Отчет о выполнении плана условий охраны труда и техники безопасности за 1977 год // АГС. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 918. Л. 2.
12. План социального развития завода на 1971–1975 годы и материалы о его выполнении // АГС. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 586. Л. 6.
13. Справка от 30 июня 1982 года о достижениях завода, представленная для занесения в Книгу-эстафету к 200-летию города Севастополя // АГС. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 1149. Л. 12.
14. Стефанцов М. Результаты обнадеживают // Крымская правда. 1981. 26 марта.

**КАРАИМЫ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИКИ КОРЕНИЗАЦИИ В КРЫМСКОЙ АССР
В 1920–1930-Х ГОДАХ**

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь

Коренизация в Крыму может быть классифицирована по нескольким критериям: хронологическому и этническому. Национальная политика, получившая название коренизации, проводилась как комплекс специфических мер в зависимости от состояния, потребностей того или иного народа, тех целей, которых хотела достигнуть власть. С известной долей условности можно выделить этнополитику в отношении крымских татар, занявшую центральное место в коренизации.

Этнополитику по отношению к «нацменам Запада» – немцам, полякам и эстонцам. Их власть рассматривала как своеобразную «пятую колонну». В отличие от первого варианта этнополитики, немцы и поляки подверглись репрессивным мерам, в частности, сокращению земельных владений.

Третий вариант – переселенческая кампания евреев в Крым. Советская власть стремилась показать всему миру, что только в СССР решена проблема антисемитизма. «Крымский проект» по переселению евреев должен был стать важнейшей альтернативой Палестине. Но можно выделить и ещё одно направление этнополитики.

Коренизация в отношении численно небольших народов: караимов, крымчаков, греков, болгар и армян. Для советской власти это направление было таким же актуальным, как названные ранее. Оно не обещало внешне- и внутривластных выгод, как например еврейское и крымско-татарское. Но власть, стремилась обеспечить себе широкую социально-политическую базу. С этой целью в орбиту коренизации были вовлечены и караимы. Несмотря на небольшую численность, советская власть стремилась обеспечить их политическую лояльность и сформировать поколение граждан, участников советского строительства.

По данным предварительной переписи, проведенной в апреле 1921 года, в Крыму проживало 5564 караима, что составляло 0,7% численности жителей полуострова. Политика коренизации в отношении караимов включала деятельность национальных школ, клубов и секций в общих клубах, выделения квот для обучения молодежи в техникумах и вузах. Интенсивно это культурно-гуманитарное направление этнополитики осуществлялось в 1923–1928 годах. В дальнейшем количество караимских школ уменьшилось. Акцент был перенесён на формирование советской интеллигенции из молодёжи для индустриализации.

При Президиуме ЦИК Крымской АССР в сентябре 1929 года была создана Комиссия по коренизации государственного, кооперативного и профсоюзного аппарата и общественных организаций в Крыму. Комиссия выделяла квоты, в том числе и для караимов. Сворачивание мероприятий коренизации датируется годами «Большого террора», перечеркнувшего позитивные достижения советской этнополитики.

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ МИФ ИСХОДА ПЕРВОЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В РОМАНЕ Г. ГАЗДАНОВА «ВЕЧЕР У КЛЭР»

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь

В статье исследуется феномен севастопольского мифа, связанного с исходом Гражданской войны в России, Крымской, или Севастопольской эвакуацией (13–16 ноября 1920 года) остатков Добровольческой армии генерала Врангеля, в перекрестном, окольцованном творчестве донского поэта Николая Туроверова и писателя Гайто Газданова, представителей первой волны русской эмиграции, принявших непосредственное участие во врангелевском походе.

Кольцевым эпиграфом крымского и севастопольского мифа исхода участников белогвардейского движения в эмиграцию послужило стихотворение Николая Туроверова «Уходили мы из Крыма» [2]. Оно было написано в 1940 году, спустя двадцать лет после того, как донской казак, офицер белой армии Николай Николаевич Туроверов (1899–1972) в первых числах ноября 1920 года на корабле, уходившем с Графской пристани Севастополя с донским казачьим корпусом, с женой, медсестрой крымского госпиталя Юлией Грековой, раненый, покидал Отечество навсегда. Мы сразу отмечаем кольцевую композицию и самого стихотворения, выделяющую образ уходящего берега Крыма, и кольцевую экспрессию автобиографической обращенности сердца поэта к теме крымского исхода двадцать лет спустя из Франции в преддверие войны с Германией. Поэт элегически пронзительно, в воспоминании реконструирует факт севастопольского исхода донского казачьего корпуса, когда кони бросались в воду и плыли за кораблями. Казаки стреляли в коней и стрелялись сами. Мы увидели это много позже, в фильме Евгения Карелова «Служили два товарища», вышедшем на советские экраны в 1968 году, в сцене Белого исхода в трагическом эпизоде с поручиком Бруснецовым (Владимир Высоцкий). Офицер стреляется, увидев плывущего за кораблем любимого коня Абрека. Казачье движение окрестило это стихотворение романсом русской эмиграции.

Обратимся к роману Газданова «Вечер у Клэр» [1]. Гайто Газданов (1903–1971) – один из «поколения рассеяния» писателей первой волны литературной эмиграции. Родившись на четыре года позднее Туроверова, в начале двадцатого века, с взрослением и личностным становлением в России просто не успел. Он присоединился к Добровольческому движению П.Н. Врангеля выпускником полтавского кадетского корпуса в неполные шестнадцать лет в 1919 году. Как говорил он позднее, для того, чтобы «узнать, что такое война». Прослужил год рядовым солдатом на бронепоезде, оказался с армией Врангеля в Крыму. На последнем теплоходе отплыл из горящей Феодосии к берегу турецкому, оставив уходящий берег Крыма за стеной воды и огня навсегда. Стихотворение Туроверова «Уходили мы из Крыма», написанное в

1940 году, могло бы стать кольцевым эпиграфом к первому роману Газданова «Вечер у Клэр», изданным молодым писателем в 1829 году в Париже.

Поговорим о феномене севастопольского мифа в романе как о внутреннем образе «страны лета», так окрестил Севастополь герой романа Николай Соседов. В чем же специфика севастопольского текста в канве сознания, обращенного вглубь себя, в воспоминание о том страшном исходе двадцатого года из страны лета – в страну вне времени, в Париж? Начало романа, ключевая точка, сопряженная в сознании писателя с воронкой времени, с воронкой воспоминания, это переход из страны вне времени – Парижа – через Сену. *«Над Сеной горели, утопая в темноте, многочисленные огни, и когда я глядел на них с моста, мне начинало казаться, что я стою над гаванью и что море покрыто иностранными кораблями, на которых зажжены фонари»* [1, с. 3]. Это символ реки памяти Мнемосины, в которой возрождается время, ибо вызывает к жизни прошлое, а память, воображение, реальность, жизнь романа, вызывает в памяти ключевое воспоминание из «страны лета», страны Леты. Севастополь, гавань, море, покрытое иностранными кораблями, покрывало из кораблей.

Ёмки в этом контексте метафоры пространства: гавань Севастополя как покрывалом была покрыта иностранными кораблями. Метафора корнями уходит в историю Крымской войны, когда погребальным покрывалом бухты стали наши затопленные корабли. Для того чтобы вновь эта метафора вернулась в начало XX века, когда иностранные корабли увозили навсегда белый цвет России, оставшийся в пространстве времени, покрывалом Леты, живые, умирающие и мертвые *«тицетно пытались наполнить большое пространство моря, воздуха и снега каким-то своим, не божественным смыслом»* [1, с. 153]. Севастополь превращается в трагическую «зону российского притяжения», в зону утраты России, в зону российской Леты: *«возвращаться отсюда назад в Россию невозможно; казалось, море всегда было входом в нашу родину, которая находилась далеко от этих мест...»* [1, с. 152].

Интересна газдановская картина весны и лета 1920 года в Севастополе: *«Вся грусть провинциальной России, вся вечная ее меланхолия наполняла Севастополь»*. Все звучало печалью и давно утерянной душевной чувствительностью, горожане *«точно участвовали в безмолвной минорной симфонии театрального зала; они впервые увидели, что и у них есть биография, и история их жизни, и потерянное счастье, о котором раньше они только читали в книгах»*. Представлялись герою «глиняные горы Севастополя – как древняя Стена Плача». В *«удивительных "восточных подвалах", где кормили чебуреками и простоквашей, где смуглые армяне с олимпийским спокойствием взирали на пьяные слезы офицеров, поглощавших отчаянные алкогольные смеси и распевавших неверными голосами "Боже, царя храни", которое звучало одновременно неприлично и грустно, давно утратило свое значение и глохло в восточном подвале, куда из петербургских казарм докатилось музыкальное величие прогоревшей империи»* [1, с. 158]. Такова газдановская меланхоличная страна лета – Севастополь в преддверии наводнения летейскими водами. Кольцевой метафорой севастопольской бухты, многоголосием отбивающих склянок во всех ее концах, – все это еще живые последние ночные сигналы России. Звук воды, плескавшейся о Графскую пристань, ночной севастопольский порт, напомнивший герою картины далеких японских гаваней, прозрачная легкость ускользания из реальности, будто бы Лета уже накрывала героя стеклянным покрывалом забвения.

Далеко за пределами времени, как и всякая мечта, вне времени, так и севастопольская бухта Леты, в которой навсегда, казалось бы, утрачен «список кораблей» сквозь призму реки памяти Сены-Мнемосины, путешествием героя за стеклянный купол, в котором кольцевой метафорой звонит и звонит колокол. И вновь вторит газдановскому колокольному звону реквием туроверовской *«тишины переполненных палуб»* туго натянутой тетивой душ человеческих, оставлявших навсегда Отечество, уходящий берег Крыма в тумане *«полосы темно-синего фетра»* [2].

Роман Газданова как феноменологический фонарь высвечивает исторические события Гражданской войны сквозь субъективную призму памяти писателя «незамеченного поколения» с целью воссоздать для современников и потомков полную картину восприятия событий самим поколением. Явить поименно полный список кораблей, тот список, который Мандельштаму суждено было «прочитать до середины», ибо он слишком рано попал в черный список, в тот «журавлиный поезд», что унес его в безвозвратную страну. Газдановский же бронепоезд последним кораблем из севастопольской бухты целому поколению писателей и поэтов открыл дорогу в век двадцатый.

Литература

1. Газданов Г. Вечер у Клэр. Возвращение Будды: романы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 352 с.
2. Туроверов Н. Двадцатый год – прощай, Россия! М.: Планета детей, 1999.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ЗАВОДА СУДОВОЙ ТЕХНИКИ «МАЯК» В 1991–1994 ГОДАХ

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, г. Севастополь

Долгое время завод «Маяк» был не просто градообразующим предприятием, но и вторым по величине заводом в Севастополе, однако в 1990-е годы и для него начались трудные времена. В октябре 1991 года завод "Маяк" был переименован в производственное объединение «Маяк».

29 октября 1991 года был зарегистрирован новый устав предприятия согласно которому: *«П.О. "Маяк", является государственным предприятием в собственности Украины. Предприятие создано в соответствии с приказом министра судостроительной промышленности СССР от 19 июля 1985 г. № 0287. Всё имущество предприятия остаётся в его же ведении. В состав предприятия входят: завод "Маяк" – головная структурная единица, специальное конструкторско-технологическое бюро "Луч" (СКТБ "Луч")»* [1, л. 1].

Предметом деятельности предприятия согласно новому уставу были выпуск товаров народного потребления, изделий светотехники, приборной техники, технологической оснастки, а также оказание услуг населению.

Функциональными задачами предприятия стали обеспечение производственной, научно-технической, хозяйственной, плановой, экономической, финансовой, в области капитального строительства и других видов деятельности предприятия, самостоятельное планирование своей деятельности и определение перспективы развития, исходя из спроса на производимую продукцию, работы, услуги и необходимость обеспечения производимого и социального развития предприятия, повышения личных доходов работников. Выполнение работ и поставок для государственных нужд и по заказам потребителей на договорной основе. Самостоятельное осуществление внешнеэкономической деятельности, в том числе экспортно-импортных операций, включая поставку и экспорт производимой продукции.

В соответствии с указанным выше уставом предприятие могло самостоятельно определять структуру управления. Возглавил завод генеральный директор Ф.П. Калантаев [1, л. 3–5].

19 февраля 1992 года было утверждено свидетельство о государственной регистрации ГП-03/1436, в котором предприятие именовалось так: *«Государственное производственное объединение "Маяк", государственная собственность Украины»*. Учредителем предприятия был назван Государственный комитет Украины по оборонной промышленности и машиностроению. Регистрационный номер предприятия – ГП-03/1436 от 19.02.1992 г. Основные виды деятельности были указаны согласно зарегистрированному ранее уставу [2, л. 1]. В 1992 году был подготовлен проект реорганизации ПО «Маяк» под условия рынка и конкуренции. При этом большое

внимание уделялось опыту западных предприятий. Также аналитическим отделом был создан прогноз облика экономической системы в странах СНГ [3, л. 2–7].

С 23 декабря 1993 г. по 24 января 1994 года, рассматривался приказ министерства машиностроения и ВПК о реорганизации ПО «Маяк» [6].

10 марта 1994 коллективом завода был разработан проект устава акционерного общества «Маяк», окончательное его утверждение состоялось 04 апреля 1994 г. 07 апреля 1994 был подготовлен приказ об создании АО "Маяк". 14.04.1994 г. устав АО «Маяк» был утверждён в ММП Украины [4, л. 1–8].

С 1 по 27 марта 1994 года, происходит окончательное завершение работы ПО «Маяк» и создание на его базе ОАО «Маяк» [7].

Литература

1. Архив города Севастополя (АГС). Ф. Р-560 Оп. 1. Д. 1179.
2. АГС. Ф. Р-560 Оп. 1. Д. 1183.
3. АГС. Ф. Р-560 Оп. 1. Д. 1188.
4. АГС. Ф. Р-560 Оп.1. Д. 1195.
5. АГС. Ф. Р-560 Оп. 1. Д. 1197.
6. «Маяк» ликвидируется // Слава Севастополя. 1994. 11 ноября.
7. Севастопольская газета. 2004. 22–28 июля.

Шипицына Е.И.

БРАТСКАЯ МОГИЛА ВОИНОВ 35-Й БЕРЕГОВОЙ БАТАРЕИ – ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

*Музейный историко-мемориальный комплекс «35-я береговая батарея»,
г. Севастополь*

Целью исследования является попытка обобщить, проанализировать, уточнить списки и сведения о захороненных в Братской могиле 35-й береговой батареи участников обороны Севастополя 1941–1942 годов.

Неотъемлемой частью нашего культурного наследия является Братская могила воинов 35-й береговой батареи, появившаяся в результате гибели боевого расчета 2-й бронебашни в начале второго штурма Севастополя 17 декабря 1941 года. В дальнейшем, в период обороны города 1941–1942 годов, на Братском кладбище батареи были захоронены военнослужащие, погибшие при других обстоятельствах.

За прошедшее время несколько раз менялись надгробные памятники на могиле, проводились их реконструкции. В 1975 году решением исполкома Севастопольского горсовета Братская могила артиллеристов 35-й батареи была взята на государственный учет как памятник истории местного значения. После создания Музейного историко-мемориального комплекса «35-я береговая батарея» была проведена очередная реконструкция, и Братская могила взята музеем под охрану.

После принятия Севастополя в состав Российской Федерации Братская могила воинов 35-й береговой батареи была включена в единый государственный реестр объектов культурного наследия народов России.

В музее постоянно проводится поисково-исследовательская работа по установлению судеб военнослужащих, захороненных в этой могиле. К настоящему времени после исправления ошибок, искажений званий, фамилий, инициалов установлено: на Братском кладбище 35-й береговой батареи захоронено 43 военнослужащих. Из них погибших: при взрыве 17 декабря 1941 года – 34 человека, при иных обстоятельствах – 9 человек.

Объект культурного наследия Братская могила воинов 35-й батареи, возникшая в результате событий обороны Севастополя 1941–1942 годов, является источником информации и свидетельством той эпохи. Вместе с другими объектами музея служит сохранению памяти о предыдущих поколениях, воспитывает чувство ответственности перед обществом, неразрывно связывает людей с прошлым и будущим.

Литература

1. Лещенко В.А., Лещенко А.Я. Выверено жизнью и смертью. К.: Полипринт, 2011. 224 с.
2. Копия решения исполкома Севастопольского горсовета от 26.04.2006 г. № 12. Фонды МИМК «35-я береговая батарея».

3. Охранный договор на памятник культурного наследия Братской могилы воинов 35-й береговой батареи от 25.02.2011 г. Фонды МИМК «35-я береговая батарея».
4. Мемориал 54-й береговой батареи // Сайт «Крымский виртуальный некрополь». URL: <http://www.memento-sevastopol.ru/cemetery/193.html> (дата обращения: 05.09.2019).
5. Обобщенный электронный банк данных «Мемориал». URL: <http://www.obd-memorial.ru> (дата обращения: 05.09.2019).
6. Постановление Правительства Севастополя № 79-ПП от 11.08.2016 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://sevmuseum.ru/wp-content/uploads/2016/12/79> (дата обращения: 05.09.2019).
7. Решение исполкома Севастопольского горсовета от 20.12.1975 г № 856 [Электронный ресурс] // Сайт API открытых данных Минкульта РФ. URL: <https://okn-mk.mkrf.ru/maps/show/id/2481660> (дата обращения: 05.09.2019).
8. Решение исполкома Севастопольского горсовета от 20.04.1982 № 7/317 [Электронный ресурс] // URL: <http://uchebilka.ru/istoriya/140078/index.html?page=9> (дата обращения: 05.09.2019).
9. Электронная база данных МИМК «35-я береговая батарея».

ПОДСЕКЦИЯ «Международные отношения»

УДК 28

Белоглазов Р.Н.

ВЛИЯНИЕ ТУРЦИИ НА ПРОЦЕСС ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ИСЛАМА В КРЫМУ В 1990-Е ГОДЫ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Интеграция религиозных организаций Крыма в общероссийское правовое и социальное пространство поставила вопрос о необходимости минимизации издержек этого процесса, развития конструктивного диалога государства с представителями верующих и духовенства. В связи с этим изучение развития государственно-конфессиональных отношений в Крыму в постсоветский период представляет особую актуальность и практическую значимость. Исследование этой проблематики позволяет выявить закономерности и основные особенности взаимодействия органов власти с религиозными конфессиями на региональном уровне, использовать положительный исторический опыт для профилактики и предотвращения этноконфессиональных конфликтов.

Возрождение и эволюция ислама в Крыму в 1990-е годы вызвали большой интерес со стороны обществоведов и экспертов, что происходило на фоне активного переосмысления теоретической основы и появления новых направлений изучения данного вопроса. Анализ научной литературы по теме свидетельствует о том, что соответствующие работы подготовлены преимущественно на основе опубликованных источников и недостаточно характеризуют внешние факторы влияния на крымскую мусульманскую общину. Введение в оборот документальных материалов из фондов Государственного архива Республики Крым позволит более полно исследовать сюжеты, связанные с участием Турции в данных процессах.

Распад СССР вызвал кардинальные изменения в расстановке военно-политических сил в Черноморском регионе, что привело к временному усилению позиций Турецкой Республики. В новых геополитических условиях Турция попыталась создать и расширить свое присутствие в некоторых постсоветских странах, используя факторы этнической, культурной и религиозной близости с тюркскими народами, проживавшими на их территории. В частности общее историческое прошлое турок и крымских татар создавало предпосылки для активного участия Турецкой Республики в процессе институционализации ислама в Крыму в 1990-е гг.

Возрождение мусульманской конфессии на Крымском полуострове началось во второй половине 1980-х гг., что обуславливалось массовой репатриацией крымских татар на фоне общественно-политических изменений, вызванных политикой перестройки. Уже в 1990 г. на территории региона проживало 83116 крымских татар, действовало 12 зарегистрированных мусульманских приходов, проводилась работа по созданию духовного центра, органы власти передали верующим 7 зданий бывших мечетей [1, с. 178]. Сложные проблемы социально-экономической адаптации репатриантов усугублялись отсутствием материальных ресурсов,

необходимых для воссоздания традиционных религиозных институтов, что актуализировало привлечение помощи со стороны стран исламского мира.

Острый финансовый дефицит, вызванный экономическим кризисом после распада СССР, привел к тому, что из 22 строившихся крымских мечетей в середине 1990-х гг., ни одна не возводилась за счет добровольных пожертвований верующих или государственных средств. Эта проблема решалась в основном при помощи официальных и негосударственных структур Турецкой Республики. На территории Крыма непосредственно занималось данным вопросом Управление по делам религии Турции, которое инициировало в первой половине 1990-х гг. строительство 7 мечетей (5 из которых в 1996 году было завершено). Кроме того, еще 4 мечети строились за счет благотворительных неправительственных турецких фондов [2, л. 8].

Всего из 19 новых мечетей, появившихся в Крыму с 1992 по 2000 гг., было построено при помощи различных турецких организаций 15 [3, л. 9, 32]. Показательно, что на I Курултае мусульман полуострова в 1995 г. в состав Духовного управления мусульман Крыма (далее – ДУМК) был введен гражданин Турции с высшим духовным образованием, который курировал вопросы строительства новых культовых зданий [2, л. 9], [4, л. 4].

В 1990-е гг. для крымских татар не менее остро стоял вопрос организации религиозного просвещения и создания специализированных учебных заведений для подготовки духовенства. В этом отношении актуальной и востребованной также стала помощь со стороны турецких структур. В первой половине 1990-х гг. в Крыму постоянно находилось от 10 до 15 турецких миссионеров [4, л. 3]. В дальнейшем их число постоянно увеличивалось и в 1996 г. достигло 49 человек [2, л. 21]. В 2000 г. из 69 миссионеров, прибывших в Крым по приглашению мусульманских конфессиональных общин, 65 были гражданами Турецкой Республики [3, л. 9].

Миссионеры занимались преподаванием основ вероучения и арабского языка, а также подготовкой кадров служителей культа. В частности, в 1993 г. в Симферополе были открыты специальные курсы при ДУМК, а в 1998 г. филиал этого учебного заведения в поселке Азовское Джанкойского района. При этом учебный процесс был организован и проводился при непосредственном участии представителей Управления по делам религии Турции, 27 эмиссаров которого к 2001 г. постоянно находилось на территории Крыма во главе с Бекиром Капланом, занимавшим пост заместителя муфтия Крыма [5, л. 14].

Организационно-методическая база в пределах крымского региона не позволяла быстро ликвидировать дефицит кадров, и поэтому началась подготовка соответствующих специалистов из числа крымских мусульман непосредственно на территории Турции. В 1996 г. 20 человек было направлено на учебу в школу имамов, 30 на подготовительные годичные курсы по изучению Корана, а 5 обучалось на теологических факультетах различных ВУЗов [2, л. 15]. В 2000 г. в турецких религиозных учебных заведениях разного уровня проходили подготовку 120 крымских татар [3, л. 9].

Таким образом, необходимость привлечения внешней помощи для возрождения традиционных конфессиональных институтов мусульман в Крыму после массовой репатриации крымских татар в 1990-е гг. создала благоприятные условия для ряда иностранных государств по расширению своего присутствия на региональном уровне, используя религиозный фактор. В силу этнокультурного родства турок с крымскими татарами, а также географической близости ведущая

роль в этом процессе в 1990-е годы принадлежала Турции. При этом турецкий вектор влияния определялся как через официальные государственные структуры, так и неправительственные организации.

Литература

1. Белоглазов Р.Н. Положение ислама в Крыму во второй половине 1980-х годов // Потемкинские чтения: сборник материалов III Международной научной конференции. Севастополь: СевГУ, 2018. С. 177–181.
2. Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК). Ф. Р-3909. Оп. 1. Д. 175.
3. ГАРК. Ф. Р-3909. Оп. 1. Д. 199.
4. ГАРК. Ф. Р-3909. Оп. 1. Д. 169.
5. ГАРК. Ф. Р-3909. Оп. 1. Д. 204.

ПОЗИЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОТНОШЕНИИ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»: ОТ СОБЫТИЙ В ТУНИСЕ ДО СИРИЙСКОГО КРИЗИСА

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

К началу второго десятилетия XXI века в арабском мире продолжали происходить трансформационные процессы, которые касались модернизации общественной жизни, социально-политической сферы и вопросов экономики. Несмотря на относительное «затишье» внешнеполитической активности Соединенных Штатов и других западных государств на ближневосточном пространстве, глобализация, будучи распространителем западных ценностей и идей, продолжала влиять на политическую жизнь арабского общества.

В результате слияния демократических идей и нараставших социально-политических противоречий, в условиях технологической и информационной революции в сфере общественных коммуникаций, произошла вспышка народных антиправительственных восстаний, переросших из радикально настроенного меньшинства в хорошо мобилизованную «толпу», сметавшую дискредитированные политические режимы арабского Востока. Волна протестов и восстаний в 2011 г. стала известна под такими названиями, как «арабское пробуждение» или «арабская весна».

Политические выступления в арабском мире оказались неожиданными для мировой общественности и были многочисленными. «Арабское пробуждение» началось в государствах Магриба, в первую очередь в стране, которая имела репутацию одной из самых стабильных в арабском мире – Тунисе [3, с. 67]. Тунисские события, благодаря быстрому распространению информации и эффекту "интерактивности" электронных СМИ и социальных сетей, дали старт быстрому распространению волнений на другие арабские государства. В каждой арабской стране Северной Африки и Ближнего Востока имелись собственные причины для недовольства, среди которых: социальные проблемы, конфессиональные разногласия, племенное соперничество; были собственные движущие силы. Однако общим знаменателем для всех государств было стремление избавиться от дискредитировавших себя режимов, погрязших в коррупции.

Позиция российского правительства по событиям «арабской весны», происходившим в Северной Африке и на Ближнем Востоке (в частности в Восточном Средиземноморье), была сформулирована не сразу и не имела единой интерпретации событий [3, с. 72]. Официальная позиция российского МИД в 2011 г. заключалась в том, что *«Российская Федерация с самого начала волнений в странах региона безоговорочно поддержала стремление ближневосточных народов к улучшению условий жизни, большим социально-экономическим правам»* [2, с. 117].

С точки зрения интересов Российской Федерации, «арабская весна» породила высокий уровень неопределенности. Рост радикализма и национализма в арабском мире мог стать источником новых вызовов и угроз, как региональных, так и глобальных, и одновременно обострить уже имеющиеся на Ближнем Востоке традиционные противо-

речия [1, с. 584]. В политическом и научном сообществе важное значение при обсуждении событий «арабской весны» придавалось истокам и причинам «арабского пробуждения», понимание которых должно было определить внешнеполитическую деятельность Российской Федерации в отношении событий, происходивших в арабском мире.

Под влиянием «цветных революций» на постсоветском пространстве («революции роз» в Грузии в 2003 г., «оранжевой революции» на Украине в 2004 г., «революции тюльпанов» в Киргизии в 2005 г.), у российского правительства формировались представления о том, что любые антиправительственные выступления, так или иначе, организуются при поддержке западных государств. И «арабская весна», по мнению ряда политиков, не стала исключением. Тем самым в политической элите России сформировалось мнение, связанное с концепцией «управляемого хаоса», реализуемого Соединенными Штатами и ее союзниками на Ближнем Востоке и в Северной Африке [5].

В итоге, в России сложилось неоднозначное представление о событиях «арабской весны». Не было четкого определения причин «арабского пробуждения» и степени вовлеченности в них внерегиональных игроков, а формирование официальной позиции российского руководства по отношению к арабским событиям произошло не сразу.

Наиболее взвешенную и реалистичную оценку событиям дал министр иностранных дел РФ С.В. Лавров: *«Трансформации в арабском мире вызваны целой серией глубинных факторов – как объективных, так и субъективных. В основном эти причины носят социально-экономический и политический характер. Что касается субъективного фактора, то это – вопрос непростой, можно даже сказать – философский. Свою роль, без сомнения, сыграли процессы глобализации, оборотной стороной которых является стремление народов к утверждению своей культурно-цивилизационной идентичности. Проявления этой тенденции мы можем наблюдать в различных регионах мира»* [4].

Также, С.В. Лавровым была дана характеристика вмешательству западных государств в процессы «арабской весны»: «Разумеется, речь идет не о том, что «арабская весна» была задумана авторами концепции «Большого Ближнего Востока». Более того, едва ли они ожидали такого развития событий. Речь идет о другом: попытки «пересадить» на почву других стран собственные модели государственного устройства и развития, экспортировать свои ценности, игнорируя традиции, ценности и культуру других, как правило, успеха не приносят» [4].

Для российского руководства наибольшую обеспокоенность вызывали события, происходившие в ведущих странах арабского мира – Арабской Республике Египет и Сирийской Арабской Республике. Главная опасность для российских интересов состояла в том, чтобы в этих странах не пришли к власти радикальные исламисты. Но исламистам в лице «братьев-мусульман» в Египте не удалось остаться у власти.

Намного сложнее и запутанней дела обстояли в Сирии. По факту начиналась гражданская война, а против правительства Б. Асада были настроены как региональные, так и западные государства. Российская Федерация стремилась не допустить «второй Ливии» и всячески отстаивала позицию по невмешательству во внутренние дела Сирии на полях ООН. Кроме того, российская сторона активно участвовала в различных мирных саммитах, пытаясь усадить за стол переговоров

сирийское правительство и оппозицию. Особенно крупного успеха российская дипломатия достигла во время ликвидации химического оружия в Сирии, тем самым не допустив повода к «интервенции» со стороны НАТО.

Литература

1. Васильев А.М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М: Центрполиграф, 2018. 670 с.
2. Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2011 году // Обзор МИД России. М., 2012. 177 с.
3. Звягельская И.Д. Ближневосточный клинч: конфликты на Ближнем Востоке и политика России. М.: «Аспект Пресс», 2017. 208 с.
4. Лавров С. О трансформациях в арабском мире 9 ноября 2012 г. [Электронный ресурс] // РОССИЯ СЕГОДНЯ. URL: <https://inosmi.ru/world/20121109/201973659.html> (дата обращения: 04.09.2019).
5. Манойло А.В. Глобальная нестабильность на пороге новой большой войны [Электронный ресурс] // Центр анализа террористических угроз. URL: <http://catu.su/analytics/340-globalnaya-nestabilnost-na-poroge-novoi-bolshoi-voiny> (дата обращения: 04.09.2019).

**УЧАСТИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ СТРУКТУР СЕВАСТОПОЛЯ
В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИИ
В 1990–2010-е ГОДЫ**

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, г. Севастополь

После распада СССР общественные настроения в Севастополе в своем развитии прошли несколько этапов эволюции. На первом этапе, до 1997 года и подписания Большого Договора между Россией и Украиной, в городе были очень велики ожидания того, что Россия отстоит не только Черноморский флот, но и установит свою юрисдикцию над всем Севастополем как Главной базой флота. Соответственно, Украина очень опасалась настроений в Севастополе (как и в Крыму), и старалась практически не затрагивать внутреннюю жизнь города, тем более избегая какой-либо заметной украинизации.

Фактически Украина стремилась «законсервировать» общественную ситуацию в Севастополе и минимизировать активность пророссийских организаций города. Однако в этой тактике Украины содержалось одно противоречие, которое выступало в качестве раздражителя общественной ситуации в городе. После неудачи предпринятых в 1992 году попыток овладения Черноморским флотом, Украина во взаимодействии с Западом приступила к созданию с базированием в Севастополе своих военно-морских сил, что вызывало резко негативную реакцию значительной части населения, вносило раскол и неизбежно вело к обострению общественных настроений.

На втором этапе, наступившем в 1997 году с подписанием Большого Договора с Россией, населению города стало очевидно, что Москва «уступила» Украине Севастополь в обмен на ограниченную базу ЧФ. Следствием этого стал процесс активизации украинизации в государственной жизни во всех сферах, в том числе через внедрение в школах обязательного преподавания украинского языка и литературы в ущерб русскому языку и литературе. Началось внедрение в систему образования националистической версии истории Украины О. Субтельного и места Украины во всемирной истории.

Новая ситуация стала отражаться на мотивации немалой части населения города, которая внутренне перестраивалась и адаптировалась к жизни в составе украинского государства в качестве граждан Украины. В связи с этим проявилось и такое явление, когда до 500 выпускников севастопольских школ стали ежегодно уезжать на учебу в вузы Киева и Харькова, при этом количество уезжавших на учебу в Россию сокращалось.

Третий этап можно условно выделить после «Оранжевой революции» на Украине 2004 года, когда резко активизировался курс на интеграцию Украины в ЕС и НАТО. На уровне общественной психологии, особенно среди молодёжи, усиленно внедрялась через все возможные средства коммуникаций новая ценностная установка на комфортную и благополучную жизнь в Европейском Союзе, что привело к

появлению у студентов-выпускников Севастополя массового настроения на выезд на новое место жительства и работу в Европу.

Но при этом, в этот же период, среди населения Севастополя значительно активизировались протестные настроения против массовой коррупции в органах власти, неблагоприятной социально-экономической ситуации в городе, тотального расхищения уникальных севастопольских земель.

Своеобразие общественных настроений в Севастополе и их явное тяготение в сторону России безусловно усиливалось фактом пребывания в городе основной базы ЧФ и активным проведением через все структуры флота российской идеи в широкие слои населения.

В этот период абсолютно стихийно, «снизу», стал проявляться бурный интерес к российской символике: флагам, значкам и другим символам. Практически все водители городского общественного транспорта демонстративно устанавливали в салонах российские и Андреевские флажки. Российские символы стали неожиданно появляться в различных знаковых местах города, приобретая мощное политическое звучание.

Эта ситуация проявлялась и в деятельности представительного городского представительного органа власти – Севастопольского городского Совета, который в противовес официальной позиции Киева, последовательно проявлял свою пророссийскую позицию. Не удивительно, что именно Городской Совет в период реализации политики Президента Украины В.А. Ющенко по втягиванию Украины в НАТО и украинизации [1], 26 апреля 2006 года почти единодушно (68 из 70 депутатов) признал, что *«русский язык на территории города Севастополь является региональным, требующим охраны и развития»* [3], и инициировал принятие специальной «Программы развития регионального русского языка и культуры» за счёт бюджета города в объёме 1 млн. гривен в год.

В процессе активизации общественных сил в 1990-е годы отдельно следует выделить Фонд истории и культуры имени Геннадия Черкашина. Созданный 19 января 1996 года, он представлял собой коллектив единомышленников: военных, предпринимателей, журналистов, историков, архитекторов, деятелей науки, учителей, объединённых задачами, *«связанными с сохранением уникальной истории города, его традиций, огромного культурного прошлого»* [2]. Одними из крупнейших их проектов стало создание Музейного историко-мемориального комплекса героическим защитникам Севастополя «35-я береговая батарея», а также возведение в центре города памятника основательнице Севастополя, российской императрице Екатерине II.

В противовес общегосударственной политике Украины на отдаление от Российской Федерации весь культурный потенциал Севастополя, финансируемый Украиной, работал на идею России и укрепление российско-севастопольских связей.

В своей работе постоянно обращались к российскому культурному наследию библиотеки города, в частности Центральная Библиотека имени А.Н. Толстого, также Севастопольский академический русский драматический театр имени А.В. Луначарского. Пожалуй, самым знаковым примером является учреждение культуры мирового значения – Государственный музей героической обороны и освобождения Севастополя.

Можно сделать вывод, что, хотя вся деятельность Черноморского флота России в Севастополе по применению «мягкой силы» находилась в строгом соответствии с положениями Договора о дружбе, сотрудничестве и партнёрстве между Российской

Федерацией и Украиной и не допускала вмешательства во внутренние дела последней, она объективно по своим результатам усиливала тяготение Севастополя к России.

Эта деятельность активизировала ресурс публичной дипломатии, способствовала бурному росту активности пророссийских организаций в Севастополе, что вело к сохранению настроений в пользу России и созданию в Севастополе не украинской (прозападной), а пророссийской общественной среды, которая ярко проявилась в период событий Русской весны 2014 года, референдума о воссоединении с Россией и подписания соответствующего документа в Кремле.

Литература

1. Про затвердження Програми розвитку і підтримки української культури у м. Севастополі, забезпечення функціонування української мови в усіх сферах суспільного життя міста [Електронний ресурс] // URL: <https://ips.ligazakon.net/document/view/KP971235?an=1&q=мова> (дата обращения: 04.09.2019).
2. Резюме Севастопольского Фонда культуры и истории имени писателя Геннадия Черкашина. Архив автора.
3. Севастополь объявил русский язык региональным [Электронный ресурс] // URL: <https://newdaynews.ru/crimea/65153.html> (дата обращения: 04.09.2019).

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ И СОВРЕМЕННАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь

Геополитические факторы мирового развития ставят новые вызовы человечеству, влияют на образовательную политику и определяют будущие модели системы высшего образования. Участие России в системе международных отношений требует теоретического обоснования роли и места, принципов и направления политики реформирования высшего образования.

Формирование привлекательного имиджа страны в условиях глобальной конкуренции вошло в число главных внешнеполитических задач. Создание привлекательного бренда усиливает эффективность «мягкой силы» и порождает позитивный цикл внешнего воздействия. Высшее образование как инструмент «мягкой силы» является пространством для реализации и защиты национальных интересов.

Поэтому вузовский ландшафт сегодня немыслим вне международного сотрудничества. В меняющемся мире современной дипломатии высшее образование играет значимую роль и может внести огромный вклад в решение международных проблем. При взгляде на международные академические связи видно, насколько сильно партнерство в сфере образования влияет на отношения между государствами [2].

В этом смысле образовательная политика сегодня выходит за рамки «просвещения», становясь одной из составляющих внешнеполитического инструментария государств.

Государственная политика в сфере реформирования образования той или иной страны, в частности ее высшей школы, предполагает учет интересов своей страны. Однако делать это становится все труднее. Главная из причин заключается в том, что явно или неявно развитые страны посредством продвижения своего проекта глобализации, в том числе и через доминирование своей системы образования, продвигают новую форму колониализма.

Сегодня США продолжают рассматривать образование как важнейший инструмент распространения своего влияния, реализуя многочисленные программы и продвигая образовательные проекты по всему миру.

Поэтому, внешняя политика «soft power» несет в себе угрозу национальной безопасности. Существующие в настоящее время имидж США и национальный бренд США были бы невозможны без реализации грамотной стратегии мягкой силы. Весь XX век упорно доказывал, что США нашли способ заставить других хотеть того же, что и Соединенные Штаты Америки [3]. Несмотря на это, сегодня глобализация приобретает новые формы, а в глобализационных процессах по западному образцу вырисовываются четкие границы. Глобализация порождает своего ограничителя и регулятора и трансформируется в глокализацию.

Участие России в системе международных отношений в качестве великой державы активизирует внимание к системе высшего образования как инструмента «мягкой силы» государства.

Проводниками политики «soft power» являются традиция научного сотрудничества и академической мобильности, инновационные научные исследования и политические сети, международные образовательные центры, совместные международные программы, мировые и бинациональные университеты, которые в значительной мере способствуют также укреплению международных связей между странами и регионами.

Такие мероприятия приобретают ценный социальный капитал. Иностранные преподаватели, студенты, ученые и исследователи возвращаются на родину с новым багажом накопленных знаний, связей, симпатий и новых друзей и, как правило, становятся эффективными проводниками языка и культуры страны, где они находились.

Благодаря успешной реализации государством «мягкосиловой» политики через образование, страны-носители определенных ценностей при демонстрации остальному миру своих успехов могут продвигать свои интересы и правила игры, которые не будут вызывать отторжения. Высшее образование служит площадкой для привлечения потенциальных сторонников местных обычаев и традиций. Поэтому от его качества зависит степень лояльности иностранных воспитанников [1].

Учитывая специфику и тонкость инструментария «мягкой силы», задача научного сообщества России видится в необходимости оказания экспертного сопровождения институционального оформления данного направления внешней политики России.

Перед российским государством стоит несколько задач: с одной стороны, развивать собственные механизмы «мягкой силы»; с другой – защитить и предотвратить негативные последствия ослабления институтов государства посредством использования стратегии «мягкой силы» внешних государств.

Международное сотрудничество – приоритетное направление деятельности университета, фактор, играющий значимую роль в современной мировой дипломатии.

Вхождение в международные ассоциации, союзы, объединения – настоятельная потребность. Это своеобразный механизм «самонастройки» через приобщение к референтной группе университетов. Политика «изоляции» или «закрытая» образовательная система может иметь отрицательные последствия.

Перспективным является взаимодействие в образовательной сфере России на уровне межгосударственных пространств: Содружества Независимых Государств (СНГ), Евразийского Экономического Сообщества (ЕврАзЭС), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), БРИКС.

Несмотря на нецелесообразность введения ряда положений, а также несостоятельность основных положений Болонского процесса (мобильность, признание дипломов, автономия вузов и т.д.) выход из Болонской системы в современной политической обстановке может отрицательно повлиять на имидж страны.

Таким образом, роль высшей школы – не только обеспечение социального благополучия и конкурентоспособности на международном уровне, но и обеспечение безопасности государства посредством политики «мягкой силы». Задача высшей школы – формирование привлекательного образа страны в условиях глобальной конкуренции, продвижение своих национальных интересов на мировой арене.

Литература

1. Лэпин С. Высшее образование как инструмент «мягкой силы» России и Китая: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.04 / Место защиты: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». 2018. 191 с.
2. Найт Дж. Международное образование, глобальное взаимопонимание [Электронный ресурс] / URL: <https://www.deutschland.de> (дата обращения: 05.09.2019).
3. Пашуто К. Стратегия мягкой силы США на постсоветском пространстве [Электронный ресурс] / URL: <http://www.picreadi.ru/strategiya-myagkoy-sily-ssha/> (дата обращения: 05.09.2019).

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ: К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь

В последнее время в отечественной политической науке наблюдается всплеск исследовательского интереса к процессу становления и развития института политической партии. Во многом это обусловлено влиянием политических партий на процесс демократизации общества: посредством политических партий осуществляется взаимодействие общества и государства.

Таким образом, актуальность темы исследования обусловлена важной ролью, которую играют политические партии и партийные системы в целом в современном политическом процессе. Но становление партийных систем – длительный процесс, на который воздействуют разнообразные факторы. К ним относят и культурно-исторические, и географические, и институциональные. Поэтому попытки полностью скопировать процессы, происходящие в странах с устоявшейся партийной системой, не всегда заканчиваются успешно. В этой связи изучение генезиса российской партийной системы с применением теоретических моделей и иных познавательных средств, выработанных мировой политической наукой – это задача, обладающая не только общественной, но и общенаучной значимостью.

Важнейшей характеристикой партийной системы является процесс национализации, под которым обычно *«понимается унификация электоральной поддержки политических партий в различных территориальных единицах государства, то есть степень однородности электоральной поддержки политических партий»* [1, с. 529].

Важная особенность российской партийной системы состоит в том, что она переживает процесс становления. На национализацию партийной системы современной России оказывают влияние многие факторы, связанные с усложнением социальной структуры общества, изменением социально-экономических отношений, культурой и ценностями, преобладающими на данном этапе развития общества, с глобальными и локальными вызовами внешней и внутренней политике.

Одним из главных механизмов национализации партийной системы РФ являются парламентские выборы, которые выступают важным каналом осуществления обратной связи, позволяющим гражданам и организованным группам выражать и представлять свои интересы в институтах политической системы.

С этой точки зрения особый интерес политологов представляет процесс унификации электоральной поддержки политических партий в различных территориальных единицах государства, то есть степень однородности электоральной поддержки политических партий по стране. Считается, что *«партийная система целиком национализирована, когда доли голосов, полученных каждой отдельной партией в различных территориальных единицах, одинаковы»* [1, с. 529]. Если же каждая из партий получает электоральную поддержку только в одной из многих территориальных единиц, то партийная система совершенно не национализирована. Однако между двумя данными

состояниями можно выделить разные степени национализированности, что влечет за собой выявление специфических региональных особенностей голосования. Более того, поиск взаимосвязи между изменениями уровня электоральной поддержки и степенью дифференциации голосования помогает определить географию однородности или неоднородности поддержки той или иной партии в пределах страны.

Современные исследования национализации партийной системы берут свое начало в исследованиях формирования национального электората в Соединенных Штатах. Сама идея «национализации политики» имеет американское происхождение и связана с образованием США и постепенной консолидацией американской нации. *«Исследователями было доказано, что конечным результатом американского исторического процесса как раз и стало формирование условий для достаточно стандартного противоборства двух партий – Демократической и Республиканской – во всех штатах»* [3, с. 163].

Довольно активно используется при анализе национализации политики и партийной системы и европейский опыт. *«Здесь исследователи чаще всего апеллируют к классическим трудам С. Роккана и его коллег, которые внесли неоценимый вклад в изучение как территориальной политики в Европе, так и происхождения европейских партий»* [4]. Теория социальных размежеваний или социальных водоразделов С. Липсета и С. Роккана описывает причины формирования партийных систем Западной Европы. Политические партии, по их мнению, появляются, как *«результат существующих в данных обществах социальных конфликтов, возникших вследствие размежеваний между центром и периферией, государством и церковью, городом и селом, собственниками и наемными работниками»* [2, с. 41]. Конфликт между центром и периферией возникает, когда периферийные группы населения оказывают сопротивление центру – государству. Конфликт характерен для раннего этапа формирования государства-нации и описывается тремя переменными: экономической, которая определяется границами сфер влияния торгового капитала из центра; территориальной, которая измеряет масштабы контроля центральной власти с помощью административного аппарата и военной силы; культурной, которая характеризует степень этнической и лингвистической гомогенности на новоосваемых территориях. Результатом данного водороздела является создание центристских и региональных партий.

Следующий конфликт происходит по линии церковь–государство и способствует возникновению религиозных партий. Конфликт возникает в результате столкновения центростремительных транснациональных претензий и корпоративных привилегий духовенства с центростремительными тенденциями, выступающих за создание национального государства. Одной из наиболее известных партий, созданных по такому принципу – ХДС-ХСС.

Конфликт «город-село» возникает из требований защиты экономических интересов сельского населения перед лицом нарастающей городской экспансии. Данное размежевание ведет к возникновению аграрных партий, где индустриальные центры оставались относительно немногочисленными и слабыми в период широкого распространения избирательного права. Это усложняло их контроль над дисперсным сельским населением. Большие различия между сельскими и городскими субкультурами тормозили процесс перехода сельскохозяйственного производства на капиталистический путь и процесс установления зависимости аграрного сектора от экономики городов.

Конфликт «буржуазия – рабочий класс» привел к возникновению массовых политических партий, которые представляют интересы рабочего класса.

Данная теория является фундаментальной с точки зрения исследования однородности голосования. Она показывает причины социальных объединений или расколов и дает первое представление относительно поиска взаимосвязи между изменениями уровня электоральной поддержки и степени дифференциации голосования.

Литература

1. Голосов Г.В. Сравнительная политология и российская политика, 2010 – 2015: сборник статей. СПб.: Издательство Европейского университета, 2016. 667 с.
2. Калинин К.О. Социетальные размежевания и электоральное поведение в России (1993–2003) // Общественные науки и современность. 2006. № 5. С. 41–50.
3. Туровский Р.Ф. Национализация и регионализация партийных систем: подходы к исследованию // Полития. 2016. № 1. С. 162–180.
4. Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party System, and Voter Alignments // The West European Party System. Oxford, 1990. 224 p.

**ИМПЕРАТИВЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ УКРАИНЫ КАК ПРЕДПОСЫЛКА
КРИЗИСА (1991–2014 гг.)**

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь

Украинское государство и общество сегодня переживают системный кризис, отразившийся в экономической, политической, социальной, культурной, духовной и ценностной сферах. На юго-востоке страны с 2014 года продолжается вооруженный конфликт, повлекший за собой колоссальные разрушения и десятки тысяч жертв. Российско-украинские отношения в настоящее время также находятся в кризисном состоянии, зашли в тупик по многим ключевым вопросам взаимодействия двух государств. В этом отношении важно отметить, что сложившуюся кризисную ситуацию обусловили не только ошибки и стратегические просчёты украинской политической элиты во внутриполитической деятельности, но и ошибки, связанные с проведением внешнеполитического курса.

В сложившихся обстоятельствах представляется необходимым выяснить, какие факторы во внешней политике Украины обусловили сегодняшнюю кризисную ситуацию, а также то, как эта ситуация способна измениться в будущем. Кроме того, актуальность данной темы для Российской Федерации заключается в стратегическом значении Украины как ближайшего государства-соседа, с которым Россию связывают тесные экономические, исторические и культурные связи. Важно также принимать во внимание, что внешнеполитический поворот Украины к евроатлантической интеграции может нести с собой определённые риски для России.

Исходя из обозначенных предпосылок, целью данной работы является выявление роли императивов внешней политики Украины как фактора возникновения сложившегося кризиса. Для выполнения заявленной цели следует уяснить, какими императивами руководствовалась политическая элита Украины в период с 1991 по 2014 годы, а также какое воздействие указанные императивы оказали на формирование сложившейся кризисной ситуации.

В ходе проведения внешней политики элита Украины в период с 1991 по 2014 годы руководствовалась рядом императивов. На начальном этапе существования независимого украинского государства, его политическая элита, во многом разделявшая антисоветские и националистические идеи, а также видевшая будущее своей страны именно в сотрудничестве с государствами Запада, попыталась максимально дистанцироваться от России [1, с. 20]. В дальнейшем попытка резкого разрыва политических и экономических связей была признана ошибочной. Так, например, в тексте Доклада Президента Украины «Путём радикальных экономических реформ. Об основных положениях экономической и социальной политики» от 19 октября 1994 года отмечалось: «Особенно ощутимыми были ошибки в осуществлении внешнеэкономического курса, попытки утвердить государственность и экономическую независимость Украины с помощью кардинальной переориентации политики с Востока на Запад. Это был стратегический просчет. Поскольку Украина, вследствие сформированной на протяжении многих десятилетий, на основе союзного разделения труда, специализации, производила только около 20% конечного продукта» [4]. Существенный вред для украинской

экономики из-за резкого разрыва экономических связей Украины и России был отмечен и в работе Л.Д. Кучмы «После майдана: Записки президента. 2005–2006» [2, с. 25].

Принимая во внимание указанную проблему, политическое руководство Украины было вынуждено перейти к «многовекторному» подходу во внешней политике. Указанный подход, связанный в литературе с президентством Л.Д. Кучмы, был отражен в тексте Постановления Верховной Рады Украины от 2 июля 1993 года «Об основных направлениях внешней политики Украины»: с одной стороны, декларировался курс Украины на евроатлантическую интеграцию, с другой стороны отмечалась важность сохранения добрососедских отношений с государствами-членами СНГ. Многовекторный подход во внешней политике детерминировался не только экономическими соображениями, но и теми внешнеполитическими вызовами, которые возникали перед Украиной в рассматриваемый период. На протяжении всего своего независимого существования Украина оставалась объектом приложения сил великих держав. Сложившееся положение Л.Д. Кучма характеризовал так: «*Мы меж двух огней. С одной стороны – Россия, с другой – Запад*» [2, с. 25]. Императив маневрирования между государствами Запада и Россией в рассматриваемый период составлял важный внешнеполитический вызов украинскому государству [5].

В будущем, с началом президентства В.А. Ющенко, Украина совершила внешнеполитический поворот к более тесной интеграции с государствами Запада. В этот период в украинском государстве и обществе был заложен раскол между сторонниками более тесного взаимодействия Украины с Россией и сторонниками евроатлантического вектора интеграции, который также предопределил кризис, развернувшийся в этом государстве сегодня.

Ещё одна предпосылка сложившегося кризиса заключается в характере развития отношений между Украиной и Российской Федерацией в рассматриваемый период. Модель взаимоотношений между этими государствами была описана П.И. Пашковским в работе «Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991–2011 гг.)» как «*модель стратегического контроля над Украиной при сохранении её государственного суверенитета*» [3, с. 45]. В этом отношении важно отметить, что отношения между Украиной и Россией в период с 1991 по 2014 годы развивались по своеобразной спирали. Попытки украинской стороны максимально дистанцироваться от России путём интеграции в западноевропейские структуры не увенчались успехом. Вместе с тем, Россия, отстаивая свои национальные интересы на постсоветском пространстве, старалась сохранить стратегический контроль над Украиной, что только интенсифицировало попытки украинской элиты трансформировать внешнеполитический курс и ускорить евроатлантическую интеграцию. Указанное развитие событий в итоге привело к глубокому кризису в отношениях между двумя государствами.

В заключение следует отметить, что внешняя политика Украины в рассматриваемый период формировалась во многом под влиянием внешнеполитических вызовов. Вместе с тем, украинская политическая элита не смогла выработать эффективную концепцию внешнеполитического развития, а также достичь компромисса во взаимоотношениях с ключевыми партнёрами. Непродуманная и непоследовательная внешняя политика, проводимая украинским руководством, привела в итоге к тяжелейшему системному кризису.

Литература

1. Грач Л.І. Україна після Кучми. К.: «Оріяни», 2005. 224 с.
2. Кучма Л.Д. После майдана: Записки президента. 2005–2006. К.: Довира; М.: Время, 2007. 688 с.
3. Пашковский П.И. Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991–2011 гг.). К.: ООО «НПП «Интерсервис», 2012. 189 с.
4. Постанова Верховної Ради України «Про доповідь Президента України “Про основні засади економічної та соціальної політики”» [Електронний ресурс] / Верховна Рада України. Законодавство України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/216/94-%D0%B2%D1%80> (дата обращения: 05.09.2019).
5. Юрченко С.В. Внешнеполитические вызовы Украине. Императив маневрирования [Электронный ресурс] // Портал Russkie.org. URL: <http://russkie.org/articles/vneshnepoliticheskie-vyzovy-ukraine/> (дата обращения: 05.09.2019).

ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 2002–2019 ГОДАХ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

В 2002 году к власти в Турецкой Республике пришла Партия справедливости и развития. Результатом ее деятельности через полтора десятилетия является лидерство Турции по четырем основным показателям силы: экономики, военного потенциала, самостоятельных технологических возможностей и привлекательности современной массовой культуры – по которым Анкара может быть определена региональной державой на Ближнем и Среднем Востоке и в Черноморско-Средиземноморском регионе.

Хотя Партия справедливости и развития на региональных выборах в 2019 году потеряла поддержку в ряде ключевых районов Турции, в том числе в городе Стамбуле – родине Р.Т. Эрдогана, она остается главной политической силой внутри государства и драйвером развития новой региональной подсистемы международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке и в Черноморско-Средиземноморском регионе.

Внешняя политика умеренных исламистов за этот период прошла ряд этапов в своей эволюции:

1. 2002–2005 гг.: этот период может быть отнесен к первому этапу их правления, когда руководство Партии справедливости и развития по инерции воспроизводило предшествующий курс с медленным поворотом на Восток и переводом политики на цивилизационные рельсы развития.
2. 2005–2016 гг.: этап активного разворота в сторону реализации более независимой региональной внешней политики и реализации идей «Стратегической глубины».
3. 2016 – до настоящего времени: официальный отход от принципов «Стратегической глубины» в сторону более жестких методов реализации своих национальных интересов в регионе.

Анализ концептуальных основ турецкой внешней политики позволяет сделать вывод, что ее основой, несмотря на отставку в 2016 году А. Давутоглу с поста турецкого премьер-министра, остается его концепция «Стратегическая глубины», хотя в настоящее время на официальном и экспертном уровне декларируется существенный отход от нее [1].

Турецкая «Стратегическая глубина» может быть описана рядом взаимосвязанных параметров: «Турция, как центральное государство», «приоритет мягкой силы», «ноль проблем с соседями», «экономическая взаимозависимость», «историческое наследие», «гуманитарная дипломатия», «международное посредничество», «страна-модель», «энергетический хаб–коридор».

Каждый из описанных параметров в турецкой системе внешней политики должен был работать на достижение главной цели: вынесение вглубь турецкой террито-

рии стратегически важных центров развития государства за счет воссоздания османского пространства, то есть, по сути, речь идет о пересобирании новой усеченной Османской империи на основе новых/старых смыслов.

Идеи «Стратегической глубины», по сути, начали популяризироваться с момента назначения А. Давутоглу главным советником премьер-министра и послом по особым поручениям в 2002 году.

Однако после отставки Давутоглу с должности премьер-министра в 2016 году несколько параметров «Стратегической глубины» были подвергнуты значительному пересмотру. Очевидно, что парадигма «ноль проблем с соседями» перестала быть актуальной после начала военной кампании Турции в Сирии, по этой же причине «жесткая сила» заменила «мягкую».

В то же время, внешнеполитические цели Турции по созданию собственной исключительной сферы влияния на Ближнем и Среднем Востоке не изменились, поэтому тезис о том, что после 2016 года «Стратегическая глубина» потеряла свою актуальность, представляется неверным.

Самые значительные подвижки в реализации турецкой внешней политики произошли в Черноморском регионе после 2014 года. Хотя Анкара, по сути, способствовала присоединению Крыма к России, этот процесс разрушил выстраиваемый десятилетием ранее региональный баланс сил в Черноморском регионе. Турция восприняла переход Крыма под юрисдикцию России как меньшее зло по сравнению с появлением американских баз на полуострове, однако, обратной стороной этого исторического факта становится усиление России не только в Черноморском, но и Средиземноморском регионе. Ответом Турецкой Республики является создание военно-морской базы на Черном море, развитие военно-технического сотрудничества с Украиной, публичная дипломатическая поддержка крымских татар и украинской позиции в отношении «аннексируемого Крыма», которая ежегодно декларируется турецким МИД накануне 16 марта.

Однако самым большим вызовом для российской внешней политики является реализация проектов по созданию параллельного Босфору искусственного канала, который мог в перспективе размыть условия конвенции Монтре, которая действует с 1936 года и в настоящее время полностью отвечает интересам РФ.

На уровне обобщения современная модель внешней политики Анкары представляет собой два уровня. Верхний этаж – глобальный, где Турция ориентируется на США и на свои союзнические обязательства. Анкара на этом уровне своей внешней политики полностью поддерживает мир «по-американски». Нижний – региональный, где Анкара пытается реализовать свои собственные региональные интересы и проекты, которые могут противоречить современным интересам Вашингтона. Даже на нижнем этаже своей внешней политики региональные интересы Анкары и Москвы сталкиваются практически по всем направлениям (турецкая концепция лидерства в суннитском исламском мире потенциально угрожает целостности России, интеграционная активность Турции в рамках Совета сотрудничества тюркоязычных стран противоречит российским интересам на Южном Кавказе и в Средней Азии, турецкая политика на Ближнем Востоке, а особенно, по сирийской проблеме, не совместима с российскими внешнеполитическими подходами) за исключением совместного блокирования против экспансии США в Черноморско-

Каспийском регионе. Таким образом, в геополитическом пространстве Россия и Турция имеют очень узкий сегмент совместных интересов, ограничивающийся как раз Черноморским регионом и достаточно узкими и скорее конкурентными отношениями в Сирии, которые базируются на логике «сфер влияния».

Эволюция внешней политики Турции в хронологическом периоде 2002–2019 гг., таким образом, проходит три этапа: первый связан с инерцией прежнего политического периода с одновременным внедрением новой региональной политики, которая становится актуальной с 2005 года и в основе которой лежит «Стратегическая глубина». Этот период продолжился до 2016 года, когда отдельные задачи турецкой внешней политики стали решаться за счет более жестких подходов, однако, цели не изменились: стать региональной державой и влиятельным глобальным игроком к столетию Турецкой Республики – к 2023 году. В этом контексте речь должна идти о модернизации подходов «Стратегической глубины», а не о потере ее актуальности.

Литература

1. Keyman E. Fuat A new Turkish foreign policy: towards proactive «Moral realism» [Электронный ресурс] // URL: <http://theconsreport.blogspot.com/2017/04/a-new-turkish-foreign-policy-towards.html> (дата обращения: 04.09.2019).

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ НА ПРИМЕРЕ ИСЛАМСКОГО РАДИКАЛИЗМА*Севастопольский государственный университет, г. Севастополь*

Исламский мир следует воспринимать не только как часть стран, в которых распространен ислам, но и как наднациональный социально-культурный и религиозно-политический феномен. Этот мир объединяет людей, осознающих свою принадлежность к единой историко-духовной общности при всем различии в культуре, менталитете, национальных и религиозных традициях.

Ислам ориентирован на мир как данность, представляя собой социальную философию повседневности [1]. Ислам – чрезвычайно рациональное учение. Самым главным источником исламского вероисповедания является Священная для всех мусульман книга – Коран. Его разъясняет и дополняет пророческая традиция – сунна, воплощающая в хадисах – преданиях об изречениях и деяниях самого Мухаммада [2]. Последователи ислама в наши дни насчитывают 1,75 млрд. человек, среди которых 83% – сунниты, а остальные шииты. Говоря об исламе, необходимо четко отделять его от понятия «исламитизм», которое используется в обосновании политического, воинственного движения, превращающего шариат в источник права. В наши дни исламитизм определяется как идеология и практическая деятельность, ориентированная на создание условий, в которых социальные, экономические и иные проблемы и противоречия любого общества, где больше мусульман, решалось исключительно с использованием исламских норм – шариата.

Говоря о толковании исламитизма, важно определить такие понятия, как «религиозный конфликт», «радикальный исламитизм» и «религиозный экстремизм». Также очень важно уделить внимание влиянию радикализации и ее искаженному идеалистическому влиянию на людей.

Характеризуя понятие религиозного конфликта, можно заметить отсутствие конкретного его определения. Огромное количество авторов интерпретирует его по своему, давая свои характеристики и определения этому понятию. В совокупности определений под религиозным конфликтом мы понимаем любое социальное противостояние, в котором религиозный фактор является одним из ведущих, то есть религиозность позиционируется как основной объект противоречия между участниками конфликта. Также религиозный конфликт можно описать как разделение идеологических взглядов в области одной религии, то есть наличие двух и более противоречий или различных суждений в одной религии.

Рассматривая вопрос религиозного экстремизма, необходимо отметить, что его явления начали набирать рост на рубеже конца XX – начала XXI века. В настоящее время экстремизм в различных формах его проявления представляет реальную угрозу безопасности личности, обществу и государству. И в этом отношении особо опасным предстает так называемый религиозный экстремизм. Под «экстремизмом» понимают форму отчуждения от общечеловеческих,

общекультурных ценностей [4]; создание «ценностей», которые идут вразрез с общепринятыми нормами морали [5]. Также экстремизм можно характеризовать как крайнюю форму интолерантности, соединенной с агрессией и насилием как методами выражения нетерпимости к другим [6].

Экстремизм является сложным и неоднородным, а религиозный экстремизм можно назвать еще большей проблемой. В научном мире существует два основных взгляда. Мнение первых складывается из суждения, что религиозный экстремизм есть один из видов экстремизма в целом. Оппоненты выступают с отрицанием экстремизма в принципе. Для определения сущности религиозного экстремизма, прежде всего, необходимо выявить четкий критерий, позволяющий отличать его от различных проявлений религиозной жизни, которые характерны и нормальны для своей сферы и не представляют общественной опасности. То же можно отнести к разнообразным действиям, совершаемым в мире политики, но имеющим религиозную мотивацию или религиозный камуфляж. Зачастую, преследуя политические, экономические, военные интересы, религию используют как маскировку и прикрытие, создавая иллюзию благого дела для ислама.

Если рассмотреть психологию религиозного человека, то можно увидеть ряд особенностей, которые необходимо принимать во внимание. Любое религиозное сознание является интолерантным изначально, так как основано на противопоставлении крайностей: добра и зла, добродетели и греха, совершенства и несовершенства, истины и заблуждения. Религиозное сознание определяется как одна из форм общественного сознания, в котором находит отражение религиозная жизнь общества. Последователи религиозного учения зачастую придают своей вере особое значение, сверхценное, а следовательно, они видят свой долг в приобщении к ней других людей. Именно поэтому так часто можно наблюдать достаточно навязчивую и даже агрессивную пропаганду религиозных идей. Тем не менее, перечисленное вписывается в общую парадигму функционирования религии.

Существует также еще одна категория явлений, которую можно отнести к религиозному экстремизму, хотя на самом деле к религии она имеет косвенное отношение. К этой категории можно отнести экстремистские организации, которые в своей идеологии активно используют и эксплуатируют отдельные исламские доктринальные положения. Следовательно, появляется представление, что экстремизм такого рода является религиозным. На самом деле это ни что иное как замаскированный политический экстремизм с использованием религиозной риторики. Человеку внушается, что он живет в погрязшем в грехах мире, говорится о необходимости изменения его и замены на справедливый, в котором будут жить все по законам Аллаха. Для придания эффективности часто используются неоспоримые источники, такие как Коран. Часто используют психологический приём с использованием четвертой суры Корана, в которой Аллах обещает до наступления Судного дня ввести в рай тех, кто будет убит, сражаясь на пути Аллаха [1].

Чаще всего представители определенных организаций делают особый акцент на принесении себя в жертву, они преподносят это как то, что человек таким образом спасает свою душу и свой народ. Также, они создают иллюзию того, что человек является избранным для особой миссии в закрытом обществе для создания великого дела в виде достижения справедливости и богоугодности. Вследствие идеологического

воздействия на него можно наблюдать так называемых боевиков-смертников, которые без единых колебаний и сомнения готовы выполнять любые приказы.

Особую роль в экстремизме играет радикализация. Под радикализацией понимают процесс, в ходе которого люди или группа людей становятся приверженцами политического, религиозного или другого экстремизма. Радикализация сама по себе не означает стать террористом: далеко не все люди, разделяющие экстремистские взгляды, решаются на насилие. Радикализация не имеет веры и национальности, ей может быть подвержен любой при определенных условиях. Термин «радикализация» берет начало от латинского слова *radix*, которое означает «корень, происхождение». Прилагательное «радикальный» также берет начало в латинском слове *radicalis*, которое означает некое действие, нацеленное на возвращение к истокам на основе ведения войны со всем существующим [7].

Следовательно, под радикализацией понимается интеллектуальный и ориентированный на действие процесс, в ходе которого исключаются компромиссы. Существует две основных группы причин, по которым человек может вступить на опасную тропу радикализма: это социальные и индивидуальные причины. Если рассматривать социальные, то к ним можно отнести распространение в обществе неприязни по отношению к религии и в частности к исламу, непопулярную внешнюю политику, существование сетей по навязыванию искаженной идеологии в радикальных движениях. К числу индивидуальных факторов относят личные связи с радикально настроенными людьми, недовольство жизнью в сочетании с желанием сделать что-то важное, неуверенность и сострадание по отношению к притесняемым единоверцам. Радикализация в мусульманском мире характеризуется религиозным феноменом, во многом определяющим как в социально-политическом развитии арабских стран, так и в поведении людей. Это можно рассмотреть на примере индивидов, вступивших на путь радикального ислама, что называется – двойной разрыв. Происходит он по принципу разрыва прошлого и настоящего, речь идет о прекращении отношений с семьей и родственниками, и национальным сообществом, соотечественниками. На базе такого разрыва и строится некая новая идентичность, которая является смесью убеждений – как политических, так и религиозных. Как показывает практика, подобная идентичность приводит к актам насилия и ведется против «неверных» и всех тех, кого называют «ложными мусульманами».

В заключение, отмечу, что экстремизм и особенно радикализм с использованием религиозных чувств очень опасен – намного больше, чем другие формы экстремизма. Он способен порождать террор, а следовательно, его исполнители не имеют терпимости к людям другой веры или других суждений. Ислам – это религия и не стоит принимать новые доктрины псевдоисламских организаций с их искаженной идеологией за истину. Следует помнить, что за ними могут крыться замаскированные экономические и политические мотивы.

Литература

1. Баева А.В. Проблемы противостояния молодежному экстремизму в современной России: Материалы Международной научно-практической конференции. Изд. дом «Астраханский университет», 2010. С. 28.
2. Володужева М.М. Религиозный лидер и региональный конфликт // Известия Алтайского государственного университета. 2003. № 4 (30). С. 17–19.

3. Вызовы религиозного экстремизма в глобализирующемся мире: Коллективная монография. Казань: Фолиант, 2017. 232 с.
4. Желтов В.В., Желтов М.В. Религия и арабская весна // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 2 (50). С. 91–92.
5. Желтов В.В., Желтов М.В. Исламский терроризм: радикализация, рекрутирования, индоктринация: Монография. 2-е изд. М.: Вузовский учебник: ИНФРА – М, 2018. 110 с.
6. Ислам на европейском Востоке: Энциклопедический словарь. Казань. Магариф, 2004. 383 с.
7. Козырев Г.Н. Политическая конфликтология: учебное пособие. М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М., 2008. С. 174.
8. Красиков В.И. В экстриме. Междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов радикального сознания. М., 2006.
9. Некрасова Е.В. Молодежный экстремизм и основные направления его профилактики в современном российском обществе // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 3.
10. Религиоведение. Энциклопедический словарь. М.: Академический проект, 2006. С. 987–988.

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ПРИНЦИП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИКА:
СОДЕРЖАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО КРЫМА**

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь

Новизна и сложность решаемых задач в современном Крыму, потребность обеспечения качества принимаемых политико-управленческих решений обуславливает необходимость теоретического осмысления ответственности как принципа политической деятельности и реализации его на практике.

Переходя к выяснению ответственности в рассматриваемом аспекте, целесообразно, на мой взгляд, учитывать особенности политической деятельности, к которой можно отнести: инновационность – способность политика постоянно продуцировать новые идеи, применять оптимальные технологии деятельности; сопряженность с риском (трудность выбора решений в ситуации дефицита времени, информации, вероятность их нежелательных последствий для региона, отдельных социальных групп); непоправимость допущенных ошибок (ошибки могут приводить к серьезным, катастрофическим последствиям); недопустимость эксперимента (политик не может и не имеет права проводить опыты на народе).

Ответственность представляет собой единство объективного и субъективного, где объективное – это совокупность обусловленных потребностями общества, региона социальных ролей политика, детерминирующих его ответственность. Субъективное – это осознание политиком необходимости, целесообразности социальных требований, готовность их исполнять. Такой подход к пониманию ответственности как принципа политической деятельности позволяет трактовать рассматриваемый принцип как систему социальных требований к формированию и реализации политики, соответствие социально-профессиональных качеств и деятельности политика условиям и задачам, стоящим перед страной, регионом.

Содержание данного принципа включает следующие компоненты: политико-юридические и нравственные нормы, требования, предъявляемые к политику и его деятельности; меры, направленные на предупреждение и своевременное устранение безответственности в деятельности политика; меры, направленные на развитие у политика духовно-нравственных мотивов, стимулов к добросовестному выполнению профессиональных обязанностей; готовность публично признать допущенные ошибки и просчеты своей деятельности, отвечать за них по существующим в обществе и государстве нормам права и морали.

Автор придерживается точки зрения, что ответственность связана с этическими убеждениями политика. Кто хочет нести ответственность за положение дел в обществе, регионе должен быть морально развитой личностью. Система нравственных качеств в рассматриваемом аспекте должна непременно включать такие качества, как пассионарность, совесть. Люди с высоким уровнем пассионарности, т.е. следующие идее служения Отечеству, трудолюбивые и мужественные, как правило, способны «услышать» и понять общественные потребности, устремления своего народа к изменениям, к конструктивному порыву и использовать этот порыв в интересах большинства общества. К сожалению, целому ряду региональных российских политиков, которые в последние 8–10 лет находились у власти или

сегодня находятся, явно не хватает конструктивной пассионарности. Этот вывод полностью относится и к некоторым крымским политикам.

Реализация принципа ответственности зависит также от уровня профессионализма. В современных условиях для выполнения большинства видов политической деятельности требуются: высокая аналитичность ума, политическая культура, государственный подход к делу, способность подняться выше личных интересов, умение убедить и вести за собой людей, политическое предвидение.

**ИНТЕГРАЦИЯ ДВИЖЕНИЯ «АЛЬ-ДЖИХАД АЛЬ-ИСЛАМИЙ»* В СОСТАВ
ОРГАНИЗАЦИИ «АЛЬ-КАИДА»**

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, г. Севастополь

В последней четверти XX – начале XXI века логика развития экстремистских движений и организаций, в частности, необходимость координации деятельности привели к их серьезной интеграции. Интересным, в этой связи, является рассмотрение истории становления многосторонних связей, возникших между запрещенными в РФ организацией «Аль-Каида»* и движением «Аль-Джихад аль-ислами»¹.

История возникновения «Аль-Джихад аль-ислами»¹ восходит к 1974 году, когда на основе идеи джихада и создания исламского государства объединились несколько десятков экстремистских групп для подготовки покушения на президента Египта А. Садата [3, с. 182]. После покушения, пытаясь избежать полного разгрома организации и осознавая невозможность ведения борьбы с властями без постоянных источников финансирования, руководство «Аль-Джихад аль-ислами» организовало массовую эмиграцию членов организации за границу. Одним из основных маршрутов бегства из Египта был следующий: члены движения выезжали в Саудовскую Аравию, оттуда в Пакистан, в лагеря подготовки арабских «моджахедов», контролируемых либо «Аль-Джихад аль-ислами»¹ («Сада» в окрестностях Пешавара, «Аль-Каддисия» вблизи Джеллалабада), либо У. Бен Ладеном (наиболее известен лагерь «Каида», название которого стало позднее и названием созданной им международной террористической организации).

После ввода советских войск в Афганистан лидер палестинского «филиала» «Ассоциации Братьев-мусульман» А. Аззам создал при помощи ЦРУ на территории Пакистана «Бюро обслуживания» («Мактаб аль-хидамат»), через которое осуществлялись поиск, вербовка, доставка и распределение по отрядам наемников и добровольцев в соответствии с потребностями воюющих афганских группировок. Через бюро шла финансовая поддержка моджахедов, поступавшая из арабских стран, в первую очередь из богатых нефтью государств Персидского залива. Были установлены контакты бюро с экстремистскими центрами в США и Западной Европе, которые оказывали моральную, материальную и финансовую помощь афганской оппозиции [4, с. 112–113]. На вербовку, оснащение, вооружение, содержание и подготовку исламских «борцов за веру» ЦРУ затратило за эту войну более 6 млрд. долларов [5]. С середины 80-х годов активное участие в руководстве работой «Бюро обслуживания» принимал заместитель А. Аззама У. Бен Ладен, который близко сошелся в Афганистане с будущим «амиром» «Аль-Джихад аль-ислами»¹ И. аз-Заухири. После гибели в 1989 году А. Аззама, члены организации «Мактаб аль-хидамат» влились в состав движения «Аль-Каида»¹.

¹ * Организация "Аль-Каида" и движение "Аль-Джихад аль-ислами" запрещены в Российской Федерации.

После падения правительства Наджибуллы в апреле 1992 года арабские «моджахеды» оказались втянуты в междоусобные бои лидеров бывшей исламской оппозиции. Одновременно значительно сократилась финансовая помощь «моджахедам» со стороны США, западных и исламских стран. В связи с этим многие «арабские афганцы» вернулись в свои страны. В феврале 1994 года в столице Иордании Аммане и городе Аз-Зарка (30 км. северо-восточнее Аммана) были взорваны кинотеатры. В ходе процесса по этому делу выяснилось, что финансирование организации «арабских афганцев» в Иордании, бывших в большинстве своем членами «Аль-Джихад аль-ислами»¹, осуществлял близкий к У. Бен Ладену гражданин Саудовской Аравии Мухаммад Джамаль Халифа. На этом примере видно, что уже в первой половине 90-х годов саудовский мультимиллионер У. Бен Ладен финансировал «Аль-Джихад аль-ислами»¹ и его террористическую деятельность в странах арабского мира [1, 1994, 29 августа, с. 19]. Стремясь вывести членов движения из под удара различных внутриафганских сил и одновременно расширить возможности базирования, И. аз-Зауахири в 1992 году принял решение послать по одной группе членов движения в Судан и Йемен. В том же 1992 году в Судан из Афганистана переехал и У. Бен Ладен. Он поселился в столице Судана г. Хартуме, где еще более сблизился с лидерами «Аль-Джихад аль-ислами»¹.

С началом конфликтов в бывшей Югославии значительное количество членов движения «Аль-Джихад аль-ислами»¹ было направлено его руководством из Афганистана и других стран в Боснию. За время войны в бывшей Югославии в период с 1992 по 1995 годы властями Боснии были выданы паспорта граждан этого государства более чем 5 тысячам «афганских арабов», участвовавших в боях на стороне боснийских мусульман [2, 1999, 23 сентября, с. 1]. У. Бен Ладен в 1993 году в посольстве Боснии и Герцеговины в Вене также получил боснийский паспорт [2, 1999, 25 сентября, с. 4].

Во время пребывания У. Бен Ладена в Судане с 1991 по 1996 год на территории этой страны была создана сеть лагерей подготовки боевиков движений «Аль-Каида»¹ и «Аль-Джихад аль-ислами»¹. Позднее публиковались сведения, полученные от одного из бывших сотрудников суданских спецслужб, который сообщил, что У. Бен Ладен, будучи в Судане, закупил китайского и иранского оружия, а также взрывчатых веществ из Чехии на сумму в 15 млн. долларов [2, 1999, 18 июля, с. 9]. Весной 1996 года У. Бен Ладен был вынужден возвратиться в Афганистан, где 23 августа 1996 г. он объявил США «джихад». В августе 1996 года и движение «Аль-Джихад аль-ислами»¹ через средства массовой информации обнародовало заявление, в котором говорилось, что движение будет действовать против объектов и интересов США в любой точке Земного шара [2, 1999, 6 февраля, с. 5].

В феврале 1998 г. в Пешаваре У. Бен Ладен основал «Международный фронт освобождения исламских земель», в состав которого вошло и движение «Аль-Джихад аль-ислами»¹ [2, 1999, 11 апреля, с. 4]. В этом же месяце под значительным влиянием лидеров «Аль-Джихад аль-ислами» была принята и обнародована фетва, подписанная У. Бен Ладеном и лидерами других организаций и движений, вошедших в «Международный исламский фронт джихада против иудеев и крестоносцев». 7 августа 1998 года были взорваны американские посольства в Найроби (213 человек погибли, в том числе 12 граждан США, более 4500 человек были ране-

ны) и Дар-Эс-Саламе (погибли 11, ранены более 85 человек) [2, 1999, 24 мая, с. 5]. Выданный в июле 1998 года Албанией Египту один из руководителей движения «Аль-Джихад аль-исламий»¹ Ахмад аль-Наджар сообщил на допросах, что взрывы посольств США в Найроби и Дар-Эс-Саламе организовали именно боевики движения «Аль-Джихад аль-исламий»¹ [2, 1999, 6 февраля, с. 5].

Своеобразным показателем глубины интеграции «Аль-Джихад аль-исламий»¹ в организацию «Аль-Каида»¹ явились материалы суда Высшего военного трибунала АРЕ по делу организации У. Бен Ладена, проходившего в феврале–апреле 1999 года в Каире. Среди 107 членов «Аль-Каиды»¹, представших перед судом, были 47 членов «Аль-Джихад аль-исламий»¹ [2, 1999, 1 февраля, с. 4].

Подводя итог, следует отметить, что после активного участия в боевых действиях в Афганистане, «Аль-Джихад аль-исламий»¹ практически полностью интегрировалось в организацию «Аль-Каида»¹. Поэтому не удивительно, что после ликвидации У. Бен Ладена «Аль-Каиду»¹ возглавлял лидер «Аль-Джихад аль-исламий»¹ И. аз-Заухири.

Литература

1. Ар-Раи аль-Аам.
2. Аш-Шарк аль-аусат.
3. Доклад: Современное состояние религиозной обстановки в Египте (на 1995 год). Каир: Центр политических и стратегических исследований при «Аль-Ахрам», 1996. На арабск. языке (Аль-Хаяту д-диния фи мыср).
4. Мусоев Р. Афганистан и арабские страны // Афганистан: война и проблемы мира. Институт востоковедения РАН, Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. М., 1998.
5. Уэйнз Т. Роль ЦРУ в афганском джихаде и переход некоторых руководителей к поддержке "терроризма" против США // Аш-Шарк аль-аусат, 1998, 30 ноября. С.6. На арабск. языке (Даур «Си-Ай-Эй» фи-ль-джихад аль-афганий ва тахауль бааду-ль-кыядат лидаам «аль-ирхаб» дыдда Амрикия).

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА Д. ТРАМПА: ТРУДНЫЙ ВЫБОР МЕЖДУ АМЕРИКАНСКИМ ИНТЕРВЕНЦИОНИЗМОМ И ИЗОЛЯЦИОНИЗМОМ*Севастопольский государственный университет, г. Севастополь*

Глобальный экономический кризис служит драйвером глобальных и региональных геополитических изменений. После 2016 года Соединенные Штаты в лице действующего президента Д. Трампа, находясь в центре мировой политической и экономической системы, постепенно начинают сами способствовать изменению существующей системы международных отношений. Внешнеполитическая риторика Д. Трампа оказывается в русле первой внешнеполитической идентичности Америки, которая существовала с 1776 по 1941 гг., с некоторым отходом в 1918 году при Вудро Вильсоне. Изоляционистская внешнеполитическая идентичность реализовывалась в течение 165 лет. Вторая внешнеполитическая идентичность – «интервенционизм» США – отвечала вызовам и угрозам времени в последующие 75 лет: с 1941 по 2016 гг. В то же время, анализ американского медийного дискурса и риторики самого американского президента (как официальной, так и в электронных медиа) свидетельствует о том, что Д. Трамп никогда не идентифицировал себя в качестве сторонника изоляционизма – он четко и однозначно заявляет о том, что он антиглобалист.

Американская внутривластная борьба накладывается, а иногда ключевым образом влияет на объективные тенденции формирования новой системы международных отношений, которые проходят на фоне усиления кризисных явлений во внешней и внутренней политике великих держав с одновременным ростом риска их столкновения на внешнеполитической арене. По большому счету, длится инерция окончания «холодной войны» с одной стороны, и реализуются попытки по разрушению мирового порядка, который сложился после окончания Второй мировой войны, с другой. Причем, если за первой тенденцией стоят государства полупериферии – группа БРИКС, то пересмотр итогов Второй мировой войны связан как с объективными причинами: данный режим существует уже более 75 лет и связан продолжительностью существования системы, переставшей отвечать вызовам времени, имперской усталостью США в рамках интервенционизма; так и теми внешними условиями, при которых она создавалась (необходимость «сдерживания» СССР, которого уже не существует более четверти века). Эти две глобальные тенденции экстраполируются на регионы мира, где они проявляются в гибридизации форм конкуренции между разными центрами силы, причем, в последнее время набор регионов, охваченных кризисными явлениями, расширяется и дополняется феноменом политической нестабильности внутри самих субъектов: Франции, США, Британии и др.

В этих условиях Соединенные Штаты будут вынуждены искать новую американскую идентичность, которая бы отвечала вызовам времени.

Американский исследователь Чарльз Капчан считает, что выходом на историческую сцену идей нового американского изоляционизма США обязаны поискам новой

американской исключительности, которая давала бы ответы на вызовы времени; и это уже будет третья по счету американская исключительность: первая – изоляционизм, вторая – глобализм, а третья будет связана с новым внешнеполитическим курсом. По его мнению, США не могут вернуться к первой исключительности, то есть к изоляционизму, так как вызовы времени ушли далеко вперед, а исключительность глобализма завела страну в глубокий кризис. Капчан выделяет пять составляющих американской исключительности: исключительная география, автономность во внутреннем и внешнем развитии, вера американцев в свое мессианство, экономическая мобильность и социальное равенство, исключительный англосаксонский народ Америки. Для поиска новой исключительности США потребуется пересмотреть все пять столпов своей идентичности [1].

Литература

1. Капчан Ч. Столкновение исключительностей [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. 2018. № 2. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Stolknovenie-isklyuchitelnosti-19746> (дата обращения: 05.09.2019).

**ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КАЛИФОРНИЙСКОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ В БЕРКЛИ: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ***Севастопольский государственный университет, г. Севастополь*

Изучение восточноевропейского региона берет свое начало в Калифорнийском университете в начале XX в. В 1901 г. впервые в университетскую программу был включен курс славянских языков (русский, польский и чешский), а затем и первый в истории университета курс истории славян под длинным названием «Восточная Европа, подъем и развитие России и ее отношения с другими народами Европы и Азии» [6, р. 9]. В 1902 г. для чтения курса славянской и, в особенности истории России, в Беркли был приглашен Ж. Лендфилд (Jerome B. Landfield), испытывавший страстную увлеченность Россией и, помимо читаемых курсов, проводивший еженедельные семинары о политических и экономических институтах России. Несмотря на то, что Ж. Лендфилд проработал в университете всего несколько лет, с этого времени чтение курсов славянской истории в Калифорнийском университете стало регулярным [6, р. 8].

В 1928 г. в штат исторического факультета Калифорнийского университета был принят Р. Кернер. С его подачи в 1947 г. администрацией была озвучена идея учреждения в Калифорнийском университете Института ориенталистики и славяноведения. Финансирование новой структуры предполагалось за счет средств Фонда Рокфеллера, который после окончания Второй мировой войны, наряду с другими частными фондами (Фонд Карнеги, Фонд Форда), демонстрировал свою заинтересованность во всестороннем развитии международных исследований (international area studies) в американских университетах. Не последнюю роль в этой заинтересованности играли опасения возврата США к изоляционизму, а поддержка международных исследований становилась, своего рода профилактикой изоляционистских настроений в академической среде и обществе в целом. Именно поэтому одним из условий фонда было привлечение к работе института молодых американских ученых, а не иностранцев [3, р. 5].

В декабре 1947 г. просьба университета о финансировании в размере 100 тыс. долл. в течение 5 лет с целью учреждения Института славяноведения (Institute of Slavic Studies) в качестве выпускающего структурного подразделения была Фондом Рокфеллера удовлетворена. Р. Кернер стал директором нового института, но со временем его цели стали расходиться с поставленными Фондом задачами [3, р. 6]. Будучи активным сторонником идей маккартизма, Р. Кернер позиционировал возглавляемый им институт и себя лично как необходимый ресурс в противостоянии Советскому Союзу, оставляя фактически без внимания вопросы профессиональной подготовки студентов. В своем запросе на финансирование на последующие 5 лет в 1951 г. Кернер просил увеличить сумму до 500 тыс. долл., обосновывая это тем, что «*фундаментальные исследования в области славистики*» являются задачей выживания Америки и остального свободного мира [3, р. 7]. Этот запрос был отклонен.

Более того, вплоть до реструктуризации в 1957 г. Институт славяноведения не получал внешнего финансирования и, после окончания гранта Фонда Рокфеллера, существовал исключительно на средства Калифорнийского университета [3, p. 7].

Через год после смерти Р. Кернера, ввиду изменений внешнеполитического климата и внутренних факторов (тренд на децентрализацию университета и необходимость привлечения внешнего финансирования), Институт славяноведения в 1957 г. был реорганизован в Центр славяноведения в рамках Института международных исследований. Ранее (1955 г.) на правах центров в этот институт вошли Институт восточно-азиатских исследований (Institute of East Asiatic Studies) и Бюро международных отношений (Bureau of International Relations) [3, p.5, 9]. Реорганизация позитивно сказалась на ситуации с привлечением внешних грантов. Так, в октябре 1957 г. Институт международных исследований получил от Фонда Форда 350 тыс. долл. В июле 1960 г. Калифорнийский университет получил блочный грант в размере 4 млн. долл. от того же фонда на развитие исследований не западных регионов мира (non-Western studies), и в 1964 г. еще 7 млн. долл. на эти же цели [3, p. 8].

После запуска в 1959 г. программ Раздела VI Закона «Об образовании в интересах национальной обороны» (National Defense Education Act, NDEA) Калифорнийский университет в Беркли стал одним из 14 университетов, получивших финансирование в рамках программы национальных ресурсных центров (NRC). Данная программа предусматривает государственное финансирование на грантовой основе для научных и научно-образовательных центров при университетах, специализирующихся на комплексном изучении отдельных регионов мира [1, с. 119]. Деятельность национальных ресурсных центров акцентирована на изучении так называемых «критических языков», являющихся приоритетными для правительства, а также других областей, *«необходимых для полного понимания территорий, регионов и стран, в которых эти языки употребляются, включая такие отрасли, как история, политология, экономика, социология, география и антропология»* (Sec. 601 (a)) [4]. В 1959 г. статус национальных ресурсных центров в Беркли получили два центра – Центр славяноведения и Центр южно-азиатских исследований [2, p. 6].

После распада СССР на фоне общей перестройки советологии в США Центр славяноведения был переименован в Центр славистских и восточноевропейских исследований, а в 2000 г. на его базе был образован Институт славистских, восточноевропейских и евразийских исследований (Institute of Slavic, East European, and Eurasian Studies, ISEES) [5], являющийся исследовательским подразделением, которое, в отличие от Факультета славянских языков и литературы, больше не ведет образовательной деятельности. Деятельность ISEES ориентирована на изучение постсоветского пространства и Восточной Европы. Сегодня ISEES объединяет существовавшие в Беркли программы по евразийским и восточноевропейским исследованиям, программу армянских исследований, Гертелендский фонд венгерских исследований, Фонд П.Н. Куячича по сербским и черногорским исследованиям.

Подводя итоги, следует отметить, что имея более, чем вековую историю становления, восточноевропейские исследования Калифорнийского университета в Беркли являются одной из ведущих программ в США в данной области.

Литература

1. Нелина Л. П. Федеральные Программы международного образования как элемент обеспечения национальной безопасности США // Запад – Восток. 2018. № 11. С. 118 – 130.
2. Berkeley and the World: 50 Years of International Education // Institute of Slavic, East European, and Eurasian Studies Newsletter. Fall 2009. P. 6.
3. Morton J. 50 Years of Slavic Studies at Berkeley: the Prelude to 1957 // Institute of Slavic, East European, and Eurasian Studies Newsletter. Spring 2008. P. 5–9.
4. Public Law 85–864. National Defense Education Act of 1958 [Electronic resource] // U.S. Government Publishing Office. Access mode: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/STATUTE-72/pdf/STATUTE-72-Pg1580.pdf>, free. – Screen title.
5. Slavic, East European, and Eurasian Studies at Berkeley [Electronic resource] // Institute of Slavic, East European, and Eurasian Studies at UC Berkeley. Access mode: <https://iseees.berkeley.edu/slavic-east-european-and-eurasian-studies-berkeley>, free. – Screen title.
6. Vinkovetsky I. Adventures in Slavic Studies. Jerome B. Landfield and the Beginning of Teaching of Russian History at the University of California, Berkeley // Center for Slavic and East European Studies Newsletter. Fall 1996. Vol. 13., No. 3. P. 8–10.

БЕДНОСТЬ КАК ФАКТОР ДЕСОЦИАЛИЗАЦИИ

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь

Бедность в современной России остается постоянной проблемой с первых лет существования государства. Ее исследование в научной литературе насчитывает десятки публикаций, но большинство авторов ограничиваются очень осторожными рекомендациями о путях преодоления этого социального зла. С недавнего времени наиболее решительно по этой теме выступают лица, наделенные высшими властными полномочиями, что может свидетельствовать о понимании ими остроты проблемы. Борьба с бедностью провозглашена приоритетным направлением государственной политики. Задача в два раза снизить уровень бедности в Российской Федерации прописана в Указе Президента «О национальных целях и стратегических задачах Российской Федерации на период до 2024 года». Эта же мысль прозвучала и в февральском (2019 г.) Послании Президента Федеральному собранию.

В рамках поставленных задач выполняются ряд программ, есть некоторые позитивные результаты. Настораживает то, что бедность рассматривается чаще всего с морально-этических позиций («это позор для государства»). Соответственно, и меры по преодолению явления предлагаются, прежде всего, по линии действий государства: повышение МРОТ, рост пособий на детей, повышение пенсий и т. д. Это вполне соответствует патерналистским ожиданиям значительной части населения. Необходимы шаги по стимулированию активности самого населения – знаменитое «рыба или удочка». Создание благоприятных условия для самозанятых – не решение проблемы: это скорее легализация деятельности тех, кто и раньше работал, но в тени. Бедность миллионов россиян с традиционно высокими патерналистскими ожиданиями перерастает в хроническую бедность, которая несет серьезные опасности для государства. Эта тема неохотно затрагивается учеными, видимо в силу политической остроты. Вышедшая в этом году монография И. Богданова «Бедность как образ жизни в современной России» и статья Т. Карадже – несомненно, способствуют более глубокому рассмотрению вопроса [1]. Одним из аспектов, заслуживающих пристального внимания является десоциализация значительной части бедного населения. Все силы этих людей направлены на выживание, остальное остается за чертой интересов. Участие в политической жизни страны, общественных движениях и организациях, волонтерство, другие формы активности – это не для них. В лучшем случае их социальные связи – это контакты с одноклассниками и знакомыми в сетях. Зато они наиболее восприимчивы к разного рода слухам, сплетням, непроверенной информации в Интернете. Важным показателем десоциализации является неучастие в выборах, особенно, на местном уровне. Это устойчивая тенденция последних лет, снова получила подтверждение в ходе последних выборов. Менее половины избирателей, пришедших к урнам – серьезный показатель. Зная, как избирательные штабы предпринимают самые разные уловки, чтобы

повысить явку хотя бы своих сторонников, можно предположить, что не будь этого, цифры проголосовавших были бы еще ниже. Бедное население является основным «клиентом» при скупке голосов, там, где это имеет место.

Люди старшего возраста в большинстве своем смирились, будут медленно уходить и опасности не представляют, а вот молодежь, не ощущающая перспективы, – это горючий, взрывоопасный материал. При этом на созидательную направленность выброса этой энергии рассчитывать не приходится. Чтобы избежать подобного развития событий, необходима совершенно иная экономическая политика, которая стимулировала бы формирование среднего класса, давала бы шанс социального лифта вверх не только участникам конкурса «Лидеры России», но и всем желающим просто трудиться добросовестно и эффективно. Чтобы бедными оставались только те, кто действительно не работать интенсивно не желает. Когда людям видна будет реальная перспектива, количество бедных, с каждым годом может становиться все меньше. Правда же заключается в том, что это перспектива в основном для будущих поколений. Нынешнее поколение хронически бедных, выросшее в годы дикого капитализма и патернализма, имеющего на Руси многовековую историю, лишь в очень небольшом количестве готово будет засучить рукава и выкладываться на работе. Они и далее будут полагаться на очередное повышение МРОТ. Это крайне неприятный вывод, но с этим надо считаться. Тем более, не тянуть с началом переустройства жизни. Дать шанс тем, кто еще не лишился веры в свои силы. Это может приостановить опасные тенденции в отношениях человека и общества, а затем и повернуть их вспять. Результатом будет реализация стратегических задач, стоящих перед государством.

Литература

1. Карадже Т.В. Формирование субкультуры бедности в России: миф или реальность // Вестник РУДН. 2018. № 1. С. 89–95.

**К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ И ПОЛНОМОЧИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ**

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь

Изучение особенностей воздействия парламентских институтов на государственную внешнюю политику позволяет определить роль влиятельных (в том числе неформальных) «групп давления» и личностей в процессе функционирования внешнеполитического механизма, выделить и охарактеризовать внутренние факторы принятия и реализации внешнеполитических решений [2]. Целью данной публикации является обзорная характеристика внешнеполитических функций и полномочий Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Парламентские институты, относимые к конституционным (государственным) элементам внешнеполитического механизма, в России представлены Федеральным Собранием, состоящим из Государственной Думы (нижняя палата) и Совета Федерации (верхняя палата), а также их профильных органов (подразделений). Их полномочия, степень и особенности участия во внешней политике государства определены Конституцией, базовыми доктринальными документами и Регламентами [1], [3].

Федеральное Собрание имеет ряд прямых и косвенных возможностей влияния на государственную внешнюю политику, среди которых: рассмотрение и принятие Государственной Думой и Советом Федерации законов о ратификации международных договоров России, становящихся правовой базой развития сотрудничества с зарубежными государствами; рассмотрение вопросов об использовании вооруженных сил за пределами российских границ; официальные визиты и переговоры руководителей обеих палат с зарубежными партнерами, участие в международных форумах и других мероприятиях иностранных парламентариев; взаимодействие с Министерством иностранных дел; встречи руководителей обеих палат Федерального Собрания с Министром иностранных дел и обсуждение важнейших вопросов межпарламентского сотрудничества и законотворческого процесса в сфере внешней политики; участие парламентариев на регулярной основе в работе многочисленных международных парламентских организаций.

К числу косвенных функций Федерального Собрания относятся полномочия по утверждению бюджета РФ, который ежегодно принимается Государственной Думой, одобряется Советом Федерации (в форме закона), а затем подписывается Президентом. Бюджет содержит специальный раздел, предусматривающий выделение средств на осуществление внешней политики и международной деятельности, в том числе на функционирование российских загранучреждений, получение и предоставление кредитов, участие в международных организациях и т.д. Дума устанавливает пределы государственных заимствований, в соответствии с которыми ведутся переговоры и заключаются соглашения с МВФ, МБРР, ЕБРР и другими международными и финансовыми организациями. Однако эти функции имеют реальное значение лишь при существенных вложениях в какие-либо внешнеполитические

инициативы, поскольку в ином случае исполнительная власть сможет выделить средства, распределив расходы по утвержденным статьям бюджета или воспользовавшись резервными фондами, предусмотренными Бюджетным Кодексом.

Определенное влияние на государственный внешнеполитический процесс Государственная Дума оказывает через принятие законов, прямо или косвенно затрагивающих международную сферу. Имеются и «внутренние» законы (о налоговой системе, тарифах, акцизах и т.д.), которые принимаются Государственной Думой, обуславливая предоставление России зарубежных кредитов.

Также к инструментам воздействия Государственной Думы, которые могут ограниченно применяться для внешнеполитических инициатив, можно отнести парламентский запрос, депутатский запрос и парламентское расследование.

В составе обеих палат Федерального Собрания имеются подразделения, в полномочия которых входят внешнеполитические вопросы. Их названия и количество в разные годы менялось. Что касается Государственной Думы, то на современном этапе перечень вопросов, относящихся к процессу формирования и реализации внешней политики России, входит в компетенцию таких ее подразделений, как Комитет по международным делам, Комитет по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками и Управление международного сотрудничества Аппарата Государственной Думы. Кроме того, в деятельности 12 международных парламентских организаций активно участвуют постоянные делегации Государственной Думы, сформированные на принципах равного или пропорционального фракционного представительства. На постоянной основе осуществляют свою деятельность депутатские группы по связям с парламентами зарубежных стран.

Среди перечисленных структурных подразделений Государственной Думы особые возможности воздействия на внешнюю политику государства имеет Комитет по международным делам. Каждое из межгосударственных и межправительственных соглашений, подлежащих ратификации, предварительно проходит правовой и лингвистический анализ в аппарате данного Комитета и Правовом управлении Государственной Думы. Подготовленные заключения обсуждаются на заседаниях Комитета с участием представителей разных думских фракций, после чего выносятся на рассмотрение пленарного заседания Государственной Думы. Депутаты, являющиеся членами Комитета, готовят проекты заявлений и обращений Государственной Думы по актуальным вопросам международной политики, формируют собственные оценки от имени Комитета, организуют парламентские слушания и «круглые столы» по вопросам, входящим в его компетенцию. Комитет по международным делам принимает активное участие в работе над очередным бюджетом страны, высказывая свои рекомендации, связанные, прежде всего, с подразделом «Международные отношения и международное сотрудничество». На заседаниях Комитета (с учётом консультаций с Комитетом Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками совместно с другими комитетами Государственной Думы) рассматриваются предлагаемые Президентом кандидатуры послов РФ и даются рекомендации в отношении их назначения на должности или отзывать.

Таким образом, Государственная Дума располагает перечнем прямых и косвенных способов влияния на внешнюю политику РФ. При этом возможности адекватной

реакции российских парламентских институтов на вызовы современности в процессе реализации своих функций и полномочий во внешнеполитическом механизме государства осложняются наличием проблем и противоречий, заслуживающих специального исследования.

Литература

1. Мирошниченко В.М. Международная деятельность Государственной Думы Российской Федерации // Актуальные проблемы и перспективы развития парламентаризма: российский и зарубежный опыт: Сб. науч. ст. / Ред. коллегия: В. В. Коровин (отв. ред.) [и др.]. Курск: ЮЗГУ, 2015. С. 107–111.
2. Пашковский П.И. Парламентские институты во внешнеполитическом механизме Российской Федерации: проблемы и противоречия в реализации полномочий // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. Т. 4 (70). № 2. С. 94–106.
3. Перевезенцева Т.В. Участие Государственной Думы в осуществлении внешней политики страны // Российский парламентаризм: история и современность: Матер. засед. «круглого стола» (Астрахань, 8 июня 2007 г.) / Отв. ред. Е. Е. Рябцева. Астрахань: Астраханский университет, 2007. С. 65–69.

«ЖЕСТКАЯ», «МЯГКАЯ» И «УМНАЯ СИЛА» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВ: ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ

Независимый исследователь, г. Симферополь

Значение воздействия на сознание человека и социума всегда осознавалось властью как важнейший ресурс для достижения своих политических целей. В течение последней четверти века в качестве ответа на эти вопросы сформировался дискурс «мягкой силы» как одного из важнейших внешнеполитических ресурсов государства. Появление концепции soft power связано с именем Джозефа Сэмюэля Ная, профессора Публичной административной школы имени Дж. Кеннеди в Гарвардском университете, главным достижением которого *«стало не только концентрированное и емкое описание природы и значения "мягкой силы", которая сыграла определенную роль в холодной войне, но и определение ее возможностей, которые в XXI веке, веке информационных технологий и когнитивных войн, становятся поистине неограниченными»* [5].

В своей статье "Soft Power", опубликованной в 1990 г., Дж. Най предложил термин «мягкая сила», под которой подразумевалась способность *«заставлять другого хотеть того же, чего хочешь ты»* [6]. После этой публикации в политологическом сообществе началась дискуссия, а Дж. Най продолжил усилия по концептуализации «мягкой силы». В 2004 году вышла в свет самая известная его книга – «Мягкая сила: средства достижения успеха в мировой политике» [7]. В этой работе он выделял «жесткую» и «мягкую» силу, относя к первой экономическую и военную мощь, а ко второй – культуру, политическую идеологию и внешнюю политику, трактовавшуюся как дипломатия в широком смысле слова. В дальнейшем в его исследованиях отразилось осознание того, что, поскольку «мягкая сила» *«не есть решение всех проблем»*, должна использоваться *«умная сила – это сочетание твердой силы для понуждения и возмездия с мягкой силой в виде убеждения и притяжения»* [3, с. 18].

Распространение концепции «мягкой силы» в американском экспертном сообществе, провозглашение руководством единственной сверхдержавы своего позитивного отношения к ней, понимание необходимости интеграции «жестких» и «мягких» стратегий породили оценки о том, что *«с уверенностью можно констатировать, что реализация концепции "умной силы" в ближайшем будущем будет основным мегатрендом в мировой политике и в международных отношениях»* [1].

Однако, получив широкое распространение в экспертном сообществе, идеи Дж. Ная вызвали широкую дискуссию. Характеризуя узловые моменты этой дискуссии, П. Паршин писал, что разногласия касаются как минимум: вариантов перевода на другие языки, и в частности на русский, английского выражения soft power; содержания (значения) и употребления этого выражения и каждого из составляющих его слов; соотношения категории «мягкой силы» с родственными категориями (среди основных – имидж страны и страновой бренд, а также различные виды деятельности, способствующие их формированию: публичная дипломатия, международная пропаганда и т.д.) и, как следствие, различия дисциплинарных подходов к

осмыслению данного феномена; подходов к измерению «мягкой силы» и факторов, ее определяющих; инструментов ее обретения и самой возможности такого обретения; причин дефицита «мягкой силы» у России и отношения к самому факту такового дефицита [4]. К перечню этих вопросов следует добавить и проблему времени возникновения концепции «жесткой», «мягкой» и «умной» силы, а значит и её временной траектории, и содержания соответствующего исторического периода.

Характеризуя время возникновения концепции «мягкой силы», исследователи отмечают, что она *«отражала очень особый момент в развитии международной системы. Запад, обретший глобальное доминирование, попробовал представить его не как следствие обычного силового преимущества, а как проявление исторической справедливости... Момент миновал, а в мире классической конкурентной борьбы... "мягкая сила" теряет роль ключевого рычага, она становится одним из прочих инструментов»* [2].

При значительной разнице в трактовке сущности «мягкой силы» – как ресурса власти, направления внешнеполитической деятельности, специфической американской технологии, внешнеполитического инструмента – большинство исследователей солидарны в определении ее основных элементов: стратегии развития государства, языка, культуры, идеологии и менталитета нации, стиля и уровня жизни населения, политических ценностей государства и его цивилизационного статуса, авторитета на международной арене, притягательной силы его социального строя и экономической модели развития, информационных ресурсов, креативного потенциала. При этом исследователи полагают, что формализованного списка инструментов и каналов мягкого влияния не существует.

Важным в исследованиях является и вопрос о ее субъектах: одни исследователи полагают, что «мягкой силой» обладают только США как единственная сверхдержава; другие позиционируют в качестве субъектов великие державы; третьи постулируют, что даже «средние» государства могут реализовывать «мягкую силу»; четвертые полагают, что даже «малые» государства обладают ею. Вопросами, вызывающим дискуссии, является проблема обретения «мягкой силы» и сама возможность такого обретения. В практико-политическом плане возникает проблема ее измерения. У исследователей вызывают разногласия и вопросы, связанные с отрицательными последствиями использования «мягкой силы» международными акторами для них самих. Важнейшей проблемой является и вопрос об исторической траектории концепции «мягкой силы». Большая часть исследователей пишет о возрастающем значении «мягкой силы» во внешней политике государств. Другой подход связан с акцентированием взаимосвязи «мягкой» и «жесткой» силы. Третья группа авторов полагает, что перспективы применения «мягкой силы» сокращаются, поскольку изменяется содержание исторической реальности, и мир характеризуется крахом модели глобализации «по-американски», а значит и сокращением эффективности политических технологий, применяемых в эпоху попытки построения единого мира на основе неолиберальной модели развития.

Литература

1. Галстян Х. «Smart power» в российской внешней политике: время «благоразумной силы» [Электронный ресурс] // URL: http://www.soyuzinfo.am/rus/analitics/detail.php?ELEMENT_ID=1448 (дата обращения: 05.09.2019).

2. Лукьянов Ф. Не самая обаятельная и привлекательная. О том, почему Россия попала в рейтинг «мягкой силы» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.globalaffairs.ru/redcol/Ne-samaya-obayatel'naya-i-privlekatelnaya-18213> (дата обращения: 05.09.2019).
3. Най Д.С. Будущее власти. М.: АСТ, 2014. 444 с.
4. Паршин П. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/problematika_magkoj_sily_vo_vneshnej_politike_rossii_2014-03-03.htm (дата обращения: 05.09.2019).
5. Пономарева Е. Железная хватка «мягкой силы» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.odnako.org/magazine/material/zheleznaya-hvatka-myagkoj-sili/> (дата обращения: 05.09.2019).
6. Nye J. Soft Power // Foreign Policy. 1990. № 80. P. 153–171.
7. Nye S.J. Soft Power: The Means to Success in World Politics // . Wash.: Public Affairs, 2004. 240 p.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ГЕОПОЛИТИКА В БОЛЬШОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь

По мнению представителей классической итальянской геополитической школы, Средиземное море в наибольшей степени воплощает форму абсолютного физического, биологического, экономического и гуманитарного единства. Центральное расположение Италии по отношению к нему традиционно рассматривалось в качестве ключевого фактора, определяющего ведущую роль страны в образуемом им регионе. Считается, что именно центральное географическое положение позволяет Италии поддерживать гармоничный баланс между Востоком и Западом Средиземноморья.

В межвоенный период Италия воспринималась как заключённая западными державами в средиземноморскую «тюрьму». Решетки этой тюрьмы – Корсика, Тунис, Мальта и Кипр, а её стражи – Гибралтар и Суэц. В связи с этим главная задача Италии виделась в том, чтобы превратиться из «заключенного» в доминанту Средиземноморья, вытеснив из него Англию. С точки зрения итальянских геополитиков, Италия должна проецироваться в *Mare nostrum* на уровнях культурного, экономического и политического влияния, направленного против Франции, но особенно против «нового Карфагена» – Англии. Этим объясняется и значительное внимание, уделяемое дружеским отношениям с Испанией, Турцией и арабским миром в рамках грандиозного проекта Евроафрики (*Eurafrica*) – итальянской версии «доктрины Монро», впервые выдвинутой в 1930 г. колониальным географом Паоло д'Агостино Орсини, а в 1937 г. получившей развитие в работе Джорджо Ролетто «Тенденции континентальной геополитики и ось Евроафрики». Этот проект меридиональной интеграции предполагал строительство железнодорожной магистрали от Триполи до Кейптауна, призванной ограничить значение подконтрольного Англии Суэцкого канала.

Стремясь обеспечить победу Италии в борьбе с Англией, Муссолини выдвинул лозунг: «Средиземное море для средиземноморских народов». Этот тезис активно поддерживался итальянскими геополитиками. С точки зрения последних, сфера непосредственных геополитических интересов Италии включала северо-восточную Африку, оба берега Адриатики с Далмацией и Албанией, Мальту, Корсику, Ниццу, Савойю и швейцарский кантон Тичино, где жили (и живут) многочисленные итальянские соотечественники. В русле идеалов Рисорджименто активно использовалось понятие *Terra irredenta*, обосновывавшее в том числе идею доминирования Италии в её жизненном пространстве – Средиземном море (*Mare nostrum*), т.е. на Корсике, Мальте, в Далмации, Ницце и Савойе. Следовало не допустить абсолютного контроля Средиземного моря и северо-восточной Африки со стороны Великобритании и Франции. Больше того, итальянские геополитики 30-40-х гг. XX в. рассматривали в качестве необходимого условия предотвращения возможной военной и экономической блокады Италии установление её контроля над Суэцким каналом и Гибралтарским проливом, тогда находившимися в руках Британии.

В 1940 г. ведущий итальянский геополитик Эрнесто Масси на страницах журнала «Geopolitica» отмечал, что *«если мировая перестройка должна основываться на организации больших земных пространств, то задачей Италии является председательствовать при организации средиземноморского пространства»* [2, р. 331]. В силу своего могущества, богатства традиций, их всемирного значения, итальянский народ призван реализовать свою миссию восстановления и упорядочения в этом море и в этом регионе, который является его жизненным пространством. Для этого прежде всего следует избавиться от иностранного (английского) присутствия в регионе. Тогда порты Средиземного моря, открытые для транзита, освободившись от бремени внешнего управления, станут заинтересованы в достижении политической солидарности между средиземноморскими народами, основанной на общих интересах свободной торговли и безопасности. Заинтересованность в этом будет, по мнению Масси, усиливаться по мере развития процессов формирования больших пространств вокруг Германии и России.

Обращение к теме римской традиции, оказывавшей гармоничное воздействие на Средиземноморский мир, подчеркивало отличия итальянского колониализма от колониализма западных демократий, основанного на «экономике грабежа». Вообще для итальянской геополитики характерным было культивирование идеи «теплых отношений» со всеми прибрежными странами, от Испании до Греции и из Турции в Египет, на антибританской основе, что было также призвано создать условия для принятия ими итальянского доминирования в Средиземноморье. В ноябре 1942 г. ещё один геополитик Лодовико Маджулиани опубликовал на страницах журнала статью, в которой проанализировал отношения между *Mare nostrum*, Африкой и Евразийским континентом. В этом контексте Италия должна играть роль моста, соединяющего две континентальные реальности и стать центром нового геополитического блока [1].

В послевоенный период Италия, как и Германия и Япония, оказалась в положении страны, де-факто оккупированной США, на долгое время утратив реальную геополитическую субъектность. Попытки её возвращения обозначились лишь в контексте последствий так называемой «Арабской весны». События 2011 г. в Ливии, а именно поддержанное США активное англо-французское вмешательство в инспирированный извне вооруженный гражданский конфликт в этой стране, стали катализатором роста итало-французских противоречий. Как известно, само это вмешательство в значительной степени спровоцировал тогдашний французский президент Николя Саркози. Сначала США, Франция и Англия вынудили Италию в рамках «евроатлантической солидарности» согласиться на силовую смену режима в Ливии, некогда бывшей итальянской колонией – хотя как раз в последние несколько лет до этого Италия стала активно налаживать отношения с режимом Муаммара Каддафи. В итоге Италия во многом утратила свои позиции в Ливии, где в ситуации коллапсирующего государства идет вооруженная борьба между поддерживаемым Францией парламентом в Тобруке, опирающимся на армию фельдмаршала Халифы Хафтара, и Переходным национальным советом в Триполи, опирающимся в большей степени на Рим. Последний добивается ослабления позиций Франции в Ливии и Северной Африке в целом, используя для этого в том числе обвинения в неоколониализме.

В январе 2019 г. лидер движения «Пять звёзд», вице-премьер-министр Италии Луиджи ди Майо потребовал срочного ввода санкций против Франции из-за

колонизации Африки, одним из инструментов которой он назвал валютную зону франка КФА, распространяющуюся на 14 государств и включающую две разновидности – западноафриканский франк и центральноафриканский франк. Партнер по тогдашней правящей коалиции, другой вице-премьер и лидер «Лиги» Маттео Сальвини также заявил, что *«Франция – среди тех, кто крадёт богатства Африки»*. Рим приветствовал программу «жёлтых жилетов», в которой 23-е из 25 требований состоит в том, чтобы Франция прекратила колониальную политику в Африке. По словам ди Майо, миграционный кризис в Европе обусловлен тем, что Франция своей колониальной политикой создала для жителей Африканского континента невыносимые условия жизни. Решительные действия Сальвини на посту главы МВД Италии по пресечению нелегальной миграции также вписываются в итало-французское соперничество, хотя и имеют более широкие цели. В ответ из Парижа всё чаще звучат критические заявления в адрес Италии как «слабого звена» ЕС и даже предложения о наложении на Рим санкций за нарушение финансовой дисциплины ЕС. Именно итало-французские противоречия выходят ныне на первый план средиземноморской геополитики в условиях утраты США монополии на господство в данном регионе.

Литература

1. Magugliani L. Il Mediterraneo centro geopolitico del blocco continentale Euro-Asio-Africano // Geopolitica. 1942. Vol. IV. №. 11. P. 495–504.
2. Massi E. Problemi mediterranei // Geopolitica. 1940. Vol. II. №. 12. P. 331–340.

ПОДСЕКЦИЯ «История природопользования»

УДК 550.344.42

Игнатов Е.И.

ИСТОРИЯ ЦУНАМИ И ДРУГИЕ УГРОЗЫ ОКЕАНА

МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

История катастрофических событий последних лет, происходивших в разных районах нашей планеты, побуждает еще и еще раз обратиться к проблеме оценки масштабов морфологических преобразований морских берегов и определения их устойчивости для обеспечения стабильного развития прибрежной инфраструктуры и безопасности населения, около 70% которого проживает в пределах прибрежной зоны, наиболее уязвимой от воздействия всех генетически неоднородных и многообразных всемирных катастроф.

Пугающая частота этих событий, количество жертв и масштабы ущерба отражаются прежде всего на морских берегах самой как самой реактивной части контактной зоны взаимодействия Мирового океана, континентов и островов.

В этих условиях крайне необходимо выявить особенности воздействия катастрофических природных событий на морские берега, определить характер возможных переформирований рельефа берегов, ландшафтов, осадков и в целом литорали и дать оценку ожидаемых опасностей и рисков, а также наметить мероприятия по сохранению и защите морских берегов с учетом их региональной специфики.

Основываясь на истории катастрофических событиях последних лет – в Японии (2011 г.) и в Таиланде (2004 г.) от действия цунами, берега как территорию следует отнести к зоне чрезвычайной опасности (а также прибрежные страны Индийского и Тихого океанов).

История показывает, что только в начале 21 века произошли интенсивные морфологические преобразования берегов, спровоцированные землетрясениями, происходящими на берегах в Чили (2010 г.), Перу (2011 г.), на о-ве Сахалин в порту г. Невельска (2007 г.), в устье Широкой балки под Новороссийском (2002 г.) и под Туапсе от смерчей. От экстремальных штормов разрушены набережная в г. Севастополе (2008 г.) и портовые сооружения Адлера (2010 г.).

Глобальное потепление климата привело к непредсказуемым изменениям природной среды и росту масштабов и частоты катастрофических событий. Ускорились темпы подъема уровня Мирового океана, еще более резкие изменения произошли на внутриземных водоемах, таких как Каспийское море, на котором с 1979 по 1995 гг. уровень моря поднялся более чем на 2 м, что привело к затоплению и подтоплению значительных прибрежных территорий и к катастрофическим событиям для местного населения, уничтожению и разрушению ряда населенных пунктов, сельскохозяйственных угодий, промышленных объектов.

Разнообразие источников чрезвычайных ситуаций, таких как опасные природные явления, стихийное или иное бедствие приводит к необходимости комплексной оценки берегов и выявлению их реакции на эти воздействия с целью предупреждения негативных морфологических изменений и сохранения качества жизни и окружающей среды.

Цунами – это длинные морские гравитационные волны, в 95% случаев вызываемые сильными землетрясениями, вулканическими взрывами или обвалами, которые приводят к затоплению и значительным разрушениям в прибрежной зоне. Они относятся к стихийным катастрофическим и экстремальным явлениям природы.

К берегу цунами подходит не как одиночная волна, а виде серии волн цугом. Промежуток времени (в минутах) между прохождением в месте наблюдений двух следующих одна за другой вершин гребней или ложбин называется периодом цунами. Период является важным элементом характеристики цунами, т.к. характеризует быстроту изменений уровня моря и особенности затопления суши. Скорость распространения цунами (c) – это расстояние в километрах, на которое перемещается за один час вершина гребня волны. Длина волны (λ) – это кратчайшее расстояние в километрах между двумя последовательно расположенными вершинами гребней или ложбинами.

В соответствии с общей классификацией цунами относятся к длинным волнам. Длина их в океане достигает нескольких сотен километров, амплитуда над глубокой частью океана порядка 1 м. Волны распространяются со скоростью, пропорциональной квадратному корню от глубины воды. В океане эта скорость достигает 500–800 км/час. По мере уменьшения глубины и увеличения силы трения о дно скорость волн сокращается, но резко возрастают высота и крутизна переднего края волны, достигая в отдельных случаях огромных размеров вплоть до 20–30, а иногда и более метров. Подход волны к берегу иногда предваряется отливом, которому могут предшествовать короткопериодные колебания уровня воды малой амплитуды.

Цунами обычно состоит из серии волн, достигающих берега с периодом от 5 до 90 мин. Самой высокой обычно бывает не первая волны, а вторая или третья. За главными волнами цунами следуют вторичные колебания (ундуляции), в основном связанные с резонансными эффектами в бухтах, удерживающих энергию главных волн. Если сравнить волну цунами с другими волнами, например ветровыми, то явно видно их различие прежде всего по физическим параметрам: даже при сильных волнениях (7–8 баллов) длина волн в открытом море составляет 80–100 м и высота 4,5 м. При подходе к берегу ветровых волн не происходит катастрофического роста высоты волны. В отличие от цунами, ветровые волны оказывают более продолжительное воздействие на берег, но с меньшей силой, в зависимости от частоты и силы штормов и их сезонной изменчивости.

Для классификации цунами по интенсивности применяется полуколичественная шкала, основанная на высоте подъема воды на берег. При увеличении средней (вдоль берега) высоты наводнения вдвое интенсивность цунами возрастает на 1 балл. По этой шкале цунами подразделяются следующим образом:

Катастрофические цунами с интенсивностью 4 балла, где на участке побережья длиной 400 и более километров подъем воды достигает от 8 до 20–30 м.

Очень сильные цунами с интенсивностью 3 балла, где на участке побережья протяженностью от 200 до 400 км уровень воды поднимается от 4–8 до 11 м.

Сильные цунами с интенсивностью 2 балла. Подъем воды на побережье длиной 80–200 км – от 2–4 до 3–6 м.

Умеренные цунами с интенсивностью 1 балл характеризуются подъемом воды на высоту порядка 1–2 м на протяжении 20–504 м и, как правило, замечаются по обратному течению рек. Вдали от очага такие цунами не наблюдаются и не регистрируются.

Слабые цунами с интенсивностью 0 баллов имеют высоту подъема воды около 1 м. Прочие цунами с интенсивностью -1...-5 и высотой воды 30–40 см регистрируются только мареографами.

В первые годы современного тысячелетия произошли два катастрофических цунами: в Индийском океане 26 декабря 2004 года и в Тихом океане 11 марта 2011 года, унесших сотни тысяч жертв среди прибрежного населения разных стран. С.А. Соловьев (1981) оценивая повторяемость цунами вплоть до 1978 г. и Т.К. Пинегина (2014) – за 2000 лет для Дальневосточного побережья Тихого океана приходят к выводу, что в среднем повторяемость цунами составляла для его отдельных зон от 5–10 раз в столетие до 20. При этом тенденция образования цунами в Тихом океане не ослабевает, а возможно и усиливается.

Основной механизм возбуждения цунами состоит в «поршневых» подвижках океанического дна при сильных подводных землетрясениях. Возникающее при сильных землетрясениях быстрое вертикальное смещение протяженных участков дна вследствие малой сжимаемости воды влечет за собой соответствующее смещение столба воды, покоящегося на этом участке, и образование на поверхности возвышения или впадины, отражающих деформацию дна. Под воздействием силы тяжести деформированная поверхность океана над очагом землетрясения, совершив затухающий колебательный процесс, возвращается к состоянию равновесия, а из очага во все стороны расходятся длиннопериодные волны. Периоды волн имеют порядок 1 час, и колебания охватывают всю толщу воды от ее поверхности до дна. По мере приближения цунами к берегу высота смещения поверхности и амплитуда колебательного движения (скорость течения) возрастают, достигая максимума при выходе на мелководье, где существенны эффекты нелинейной динамики волн.

Но причины возбуждения цунами не сводятся только к вертикальным сейсмотектоническим смещениям дна. Цунами могут сформироваться без выхода сейсмотектонического разлома на дно океана и остаточных смещений участков дна, а только за счет сильных упругих смещений и колебаний дна. В ряде случаев причиной волн цунами могут быть сдвиг в горизонтальном направлении крутых и протяженных подводных склонов или горизонтальный сейсмический толчок.

Волны цунами могут быть возбуждены и несейсмическими причинами. Лучшим примером возбуждения цунами несейсмическими причинами являются цунами Зондского пролива, вызванные взрывом вулканического острова Кракатау 27.08.1883 г. Вследствие разлома, сброса и падения в воду большой массы береговых пород при землетрясении 9.07.1958 г. возникло цунами в бухте Литтуя (Аляска). Волна выплеснулась на противоположный берег на высоту 500 м. Некоторые цунами могут генерироваться крупными подводными оползнями и мощными мутьевыми потоками на дне океана.

По современным представлениям, цунами генерируются внезапным смещением блоков по падению плоскости разлома во время высокомагнитудных землетрясений.

Хотя землетрясения, происходящие при сдвиге по простиранию плоскости разлома, иногда тоже возбуждают цунами, они в общем являются локальными и не распространяются на большие расстояния. Цунами возникают обычно вслед за сильным коровым землетрясением под дном океана. Однако отмечены случаи, когда цунами и цунамиподобные возмущения образуются при землетрясении, произошедшем на суше. Интенсивность волн цунами коррелируется с магнитудой землетрясения, т.е. чем больше магнитуда, тем больше интенсивность цунами. Цунамигенными являются землетрясения с магнитудой $M \geq 7,0$, ширина очаговой зоны составляет 50–70 км, глубина гипоцентра – не более 60 км. Более слабые землетрясения редко в состоянии вызвать цунами.

Критерием для объявления тревоги является определение минимального порогового значения цунамигенных землетрясений, определяемого по магнитуде землетрясения M . Дополнительным признаком цунамиопасности является глубина очага землетрясения H . В целом пороговое значение M убывает с ростом H примерно по линейному закону.

Почти все цунамигенные землетрясения лежат в области больших магнитуд $M = 7-8$. Землетрясения с $M \geq 8$ являются цунамигенными, $M=7$ – пороговое значение. Таким образом, чем больше магнитуда землетрясения, тем больше вероятность, что оно окажется цунамигенным.

Очаги нецунамигенных землетрясений располагаются на больших глубинах, чем цунамигенные. Большинство очагов цунамигенных землетрясений лежат в интервале глубин 10–50 км от поверхности дна моря с максимальным сгущением на глубинах 20–40 км.

Ввиду большого периода волн это приводит к их большой длине, равняющейся 200–700 км в открытом море и 50–150 км на шельфе. По мере распространения в сторону уменьшающихся глубин волны цунами претерпевают ряд изменений: растет их высота вследствие сохранения потока энергии при уменьшающейся скорости распространения, происходит частичное отражение, может быть разрушение, и потери энергии на трение. Совокупное действие этих процессов проявляется в виде трансформации волн.

Высота цунами у берега и дальность распространения их на суше зависят от уклонов дна, конфигурации береговой линии и рельефа местности. При выходе цунами на мелководье скорость распространения каждой отдельной волны и ее длина значительно снижаются, период волны практически не меняется, а высота быстро возрастает и достигает максимальной величины в зоне обрушения. Высоту волн цунами, достигших побережья, в общем случае определяют следующие параметры и характеристики: местоположение очага цунамигенного землетрясения; магнитуда землетрясения (M); глубина океана в зоне очага цунамигенного землетрясения; высота первоначальной волны над очагом цунамигенного землетрясения; рельеф дна океана и шельфа; конфигурация береговой черты и профиль подводного берегового склона; приливо-отливные явления.

Согласно исторически известным данным, в районе Тихого океана наблюдались землетрясения с магнитудой около 8,5. К настоящему времени сейсмологами установлены корреляционные связи между энергией сейсмических волн (M) и интенсивностью цунами по отдельным районам Тихого океана и определены пороговые значения магнитуды землетрясения для объявления тревоги цунамиопасности.

При анализе рельефа Приморского побережья Японского моря выделяются районы, в пределах которых происходит рост волны цунами при ее подходе к берегу и затопление суши. К таким районам относятся обширные низменности в вершинах

бухт и заливов: Посьет, Амурский, Уссурийский, Восток, Находка, Владимир, Ольга, Рында, Зеркальная, Рудная и др., а также открытые низменные участки западного побережья зал. Петра Великого и протянувшаяся более чем на 50 км к югу от мыса Золотого аллювиально-морская низменность. Из них бухты и заливы со скалистыми бортами и низменными кутовыми частями в случае возникновения мощного цунами будут максимально подвержены разрушению и затоплению. Другие участки побережья представляют собой высокие обрывистые абразионно-денудационные берега с приглубым подводным склоном, которые

В настоящее время на Дальнем Востоке действует Служба предупреждения цунами (СПЦ), созданная в 1956 году. Она состоит из сейсмического и гидрофизического комплексов, а также системы предупреждения и оповещения населения об угрозе цунамиопасности. В постоянной эксплуатации находится Центр сбора и обработки данных в г. Южно-Сахалинске (Центр цунами) и система инструментальных наблюдений за уровнем моря в составе автоматизированных постов (АП) в виде телеметрических регистраторов вдоль берегов Камчатки, Курильских островов, Сахалина и Приморья.

Исследование выполнено при поддержке проекта РФФИ 18-45-920045 p_a.

РЕЛЬЕФ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНОГО КАРКАСА Г. СЕВАСТОПОЛЯ

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, г. Севастополь

Основой транспортного каркаса любого города выступает улично-дорожная сеть (УДС), формируемая с учетом геолого-геоморфологических условий, границ водных объектов и сложившегося функционального зонирования территории. При проектировании улично-дорожной сети основное внимание уделяется составу грунтов, а также уклону местности – факторам, лимитирующим виды транспорта и пропускную способность дорог.

Отличительной особенностью географического положения города Севастополя является сильная расчлененность поверхности и береговой линии на большей части его территории. Берега изрезаны многочисленными бухтами, продолжающимися на суше в виде крутостенных оврагов.

В данном исследовании представлена оценка влияния рельефа на развитие транспортного каркаса Гераклеийского полуострова – наиболее освоенной части Большого Севастополя. Для работы использовались архивные материалы – исторические градостроительные планы и карты г. Севастополя (1839, 1855, 1920 гг.), современная векторная карта на основе данных OpenStreetMap и карта морфокомплексов рельефа, полученная на основе цифровой модели рельефа ASTER GDEM с разрешением 30 м/пикс [1]. Обработка информации проводилась в ГИС QGIS. С привязанных растровых карт была оцифрована улично-дорожная сеть на каждый период (рис. 1), а затем рассчитана протяженность дорог и их плотность, приходящаяся на каждый из 9 типов морфокомплексов (таблица 1).

Анализ рассчитанных параметров позволяет сделать следующие выводы:

1. Общая протяженность и плотность улично-дорожной сети за весь исследуемый период увеличилась более чем в 2 раза, при этом поменялся рисунок транспортного каркаса – если в середине XIX века основные магистрали представляли собой радиальные элементы УДС с центром в районе Южной бухты, то к началу XX в. они начали соединяться между собой отдельными хордами, в пределах которых формировались районы жилой застройки с регулярной сеткой дорог.

2. Наиболее протяженные участки УДС приходятся на обширные субгоризонтальные поверхности, занимающие наибольшую площадь на территории Гераклеийского полуострова. Протяженность таких дорог со временем увеличивается, что объясняется освоением земель, удаленных от побережья.

3. Склоновые и секущие дороги занимают второе место по протяженности. Они формируют основные хордовые магистрали, а также внутренние и межквартальные проезды в зонах многоэтажной застройки (радиальная структура застройки на склонах холмов и балок). За последний век их протяженность резко увеличилась, что объясняется стремлением повысить связанность отдельных районов «хуторной» застройки за счет строительства секущих дорог поперек балок (пример – шоссе Генерала Моргунова).

4. Наименьшую протяженность и плотность занимают дороги, проходящие по днищам широких долин. Это объясняется тем, что такие морфокомплексы в пределах Гераклейского полуострова встречаются только в устьевых областях балок. Раньше эти пологие участки были единственным маршрутом перемещения вдоль побережья, однако с развитием внутренних районов и плотной промышленной застройкой прибрежной зоны такие магистрали почти исчезли.

Данное исследование проведено в рамках проекта РФФИ 18-45-920045 р_а «Геолого-геофизические исследования морфологии рельефа, земельных ресурсов и природных опасностей Севастополя и Крыма».

Литература

1. Новиков А.А. Методы автоматической классификации рельефа в исследованиях городской среды // Морские исследования и рациональное природопользование: Материалы молодежной научной конференции, г. Севастополь, 19-23 сентября 2018 г. [Электронный ресурс]. – Москва, 2018. – С. 344–345.

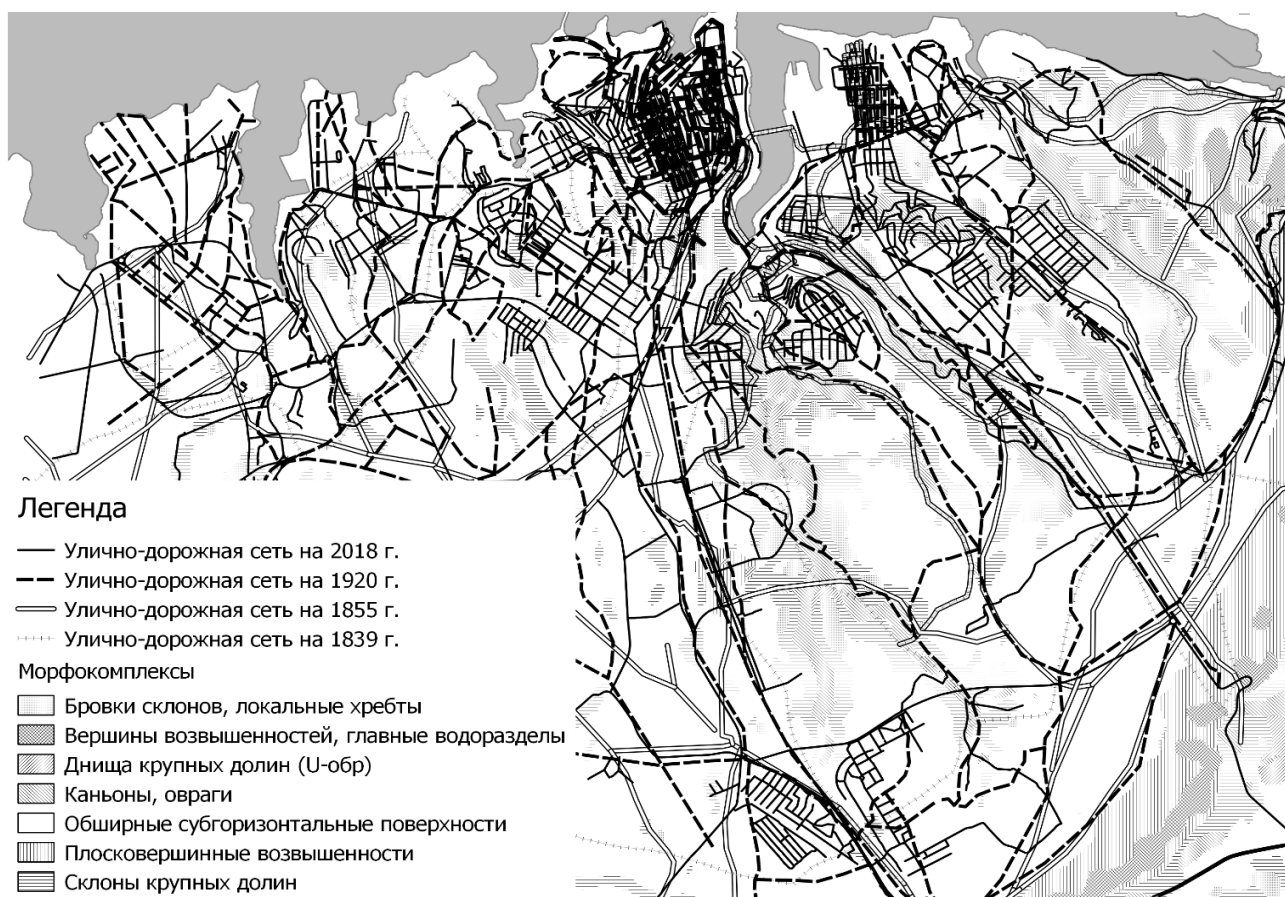

Рис. 1. Фрагмент карты комплексного пространственно-временного анализа улично-дорожной сети г. Севастополя (в пределах Гераклейского плато)

Таблица 1.

Длина и плотность улично-дорожной сети морфокомплексов Гераклейского полуострова

Морфокомплексы	Площадь морфо-комплексов, м	1839		1855		1920		2018	
		Длина, м	плотность	Длина, м	плотность	Длина, м	плотность	Длина, м	плотность
Каньоны, тальвеги оврагов	5479243	9069	0,0017	7694	0,0014	8045	0,0015	15731	0,0029
Днища крупных долин (U-обр)	2150687	523	0,0002	322	0,0001	98	0,0000	48	0,0000
Субгоризонтальные поверхности	106741363	116682	0,0011	126166	0,0012	196512	0,0018	274716	0,0026
Склоны крупных долин	15250802	18086	0,0012	20908	0,0014	27615	0,0018	56207	0,0037
Плосковершинные возвышенности	4766084	4876	0,0010	4885	0,0010	5849	0,0012	7984	0,0017
Бровки склонов	3773260	5579	0,0015	5334	0,0014	5962	0,0016	14705	0,0039
Вершины возвышенностей	1888887	874	0,0005	853	0,0005	75	0,0000	291	0,0002
ВСЕГО	140050325	155689	0,0011	166163	0,0012	244155	0,0017	369682	0,0026

ИСТОРИЧЕСКИЕ И МЕДИЦИНСКИЕ АСПЕКТЫ ПОСЛЕДСТВИЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В КРЫМУ И СЕВАСТОПОЛЕ

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, г. Севастополь

В настоящее время в Севастополе и Крыму происходят изменения в экологической ситуации. Это – загрязнение почв, воздуха, воды, изменения в составе продуктов питания, что самым непосредственным образом отражается на состоянии здоровья, продолжительности и комфортности условий жизни людей, а также их самочувствии. Исследование зависимости здоровья населения Крыма от экологической ситуации в регионе – очень непростая задача, так как на здоровье населения оказывают влияние ряд факторов, такие как производственные, социальные, поведенческие, бытовые и др. В связи с этим сложно выделить собственно экологические факторы среди множества других.

Попытаемся выделить ряд сугубо экологических факторов. Прежде всего, это превышение предельно-допустимых концентраций (ПДК) в воздухе, воде, продуктах питания, что приводит к серьезным последствиям для человека. Природная среда, которая нас окружает, насыщена выхлопными газами автомобилей, минеральными удобрениями, выбросами заводов, ядохимикатами и пр. По данным Минприроды Крыма [6], ежегодный выброс загрязняющих веществ превышает 900 тыс. т. Загрязняющие вещества вызывают ряд нежелательных последствий, отрицательно действуют на организм человека.

Система защиты от загрязняющих веществ в середине прошлого века оценивалась в виде ПДК, была разработана и действовала на территории бывшего СССР. Однако эта система оказалась несовершенной, систематически отмечались нарушения в предельно допустимых концентрациях загрязняющих ядовитых веществ как в почве, в воде, воздухе, так и в продуктах питания. Зачастую, ввиду того, что становилось невозможным обеспечить минимальное содержание загрязняющих веществ, приходилось повышать порог ПДК. Безопасными для здоровья населения ПДК являются концентрации ниже порога действия яда в 3–10 раз. И если их не соблюдать, что часто происходит в Крыму и Севастополе при превышении ПДК загрязнений атмосферы более чем в 2 раза, наступают серьезные нарушения в функциональном состоянии органов и систем организма, изменения функций дыхания у чувствительных групп людей. Превышение ПДК более чем в 5 раз повышает заболеваемость населения. При этом страдают дети, старики и ослабленные болезнью люди – наиболее ранимые группы населения.

Загрязняющие вещества в атмосфере представляют собой смеси различных соединений. Прежде всего, это – последствия работы промышленных предприятий и транспорта. По степени воздействия на организм человека и количеству загрязняющих веществ наибольшее значение имеют соединения аммиака, окислы серы, углерода, азота, различные ароматические соединения. Как пример можно привести центр Симферополя, где наблюдаться явления смога лондонского типа. Зимой загрязнению атмосферы способствует повышенная влажность, так как для многих химических соединений (особенно сернистого газа) мелкие капли воды становятся

растворителем. Именно поэтому в загрязненных городах туман часто бывает токсичным, обладая раздражающим действием, неприятным запахом и едким вкусом. В летнее время происходит наиболее интенсивное автомобильное движение, а при высоких температурах воздуха и недостаточном рассеивании выхлопных газов и загрязнителей образуется большое количество новых веществ – фотооксидантов (формальдегид, озон, окислы азота), которые могут в несколько раз превосходить по токсичности первичные продукты, находящиеся в выхлопных газах. В это время жители южных городов подвергаются воздействию фотохимического смога (или лос-анджелесского). Например, фотооксиданты, оказывают серьезное раздражающее действие на конъюнктиву глаза, слизистые оболочки дыхательных путей, вызывая неврозы, неврастение, различные воспалительные заболевания органов дыхания. Фотооксиданты являются стимуляторами роста раковых заболеваний, уровень которых в Крыму превышает среднероссийский в 2 раза.

Однако прежде, чем неблагоприятные экологические проявления загрязнений атмосферы окажут воздействие на организм, и прежде чем проявится действие того или иного фактора, должны пройти годы. Известно, что на организм человека действует не одно, а комбинация различных химических веществ. Среднекрымские показатели по заболеваемости гипертонией, органов дыхания и некоторым другим также превышают среднероссийские. Серьезную обеспокоенность вызывает экологическая обстановка в районе Армянско-Красноперекопского района. Выброс загрязняющих вредных веществ ПО «Титан» намного превышает установленные нормы. Еще в 1988 г. три химических предприятия, расположенных в районе промузла, выбросили в атмосферу более 64 тыс. т. загрязняющих вредных веществ. От производства оксиацетиловых соединений ПО «Химпром» в атмосферу поступают загрязняющие вещества, которые обладают слезоточивым и канцерогенным действием, и это вызывает жалобы и серьезную обеспокоенность местных жителей. На Сивашском анилино-красочном заводе большое количество работников страдают заболеваниями почек.

Если нитраты и нитриты попадают в организм человека с водой и пищей, создаются условия для образования канцерогенного вещества – диметилнитрозамина, которое вызывает активный рост злокачественных клеток, что существенно понижает защитные силы организма. Проявления перечисленных, да и других загрязнителей среды, не одинаковы у взрослых и детей. Попадание в организм взрослого 1 тыс. мг нитритов безвредно, а для ребенка и 20 мг представляют серьезную опасность. Например, рис, который выращивали в Крыму до 2014 г. на высоком гербицидом фоне, был не рекомендован к использованию в детском питании [6].

Одним из основных показателей санитарного состояния морской воды считаются общие колиформные бактерии – условно выделяемая группа бактерий семейства *Enterobacteriaceae*, в которую включают роды *Escherichia*, *Klebsiella*, *Citrobacter* и *Enterobacter* [1], [4], [5]. Морфологически вышеперечисленные организмы представляют собой грамотрицательные палочки, их объединяют также общие культуральные и биохимические особенности, в частности, рост на селективных средах, способность ферментировать лактозу до кислоты и газа при 37° С и отсутствие фермента цитохромоксидазы и способности образовывать споры [6]. Благодаря тому, что общие колиформы обитают в толстом отделе кишечника человека, обнаружение данных микроорганизмов в окружающей среде (например, морской воде) может служить показателем фекального загрязнения [2], [6].

Среди веществ, применяемых в сельском хозяйстве и загрязняющих среду, можно отметить препарат «Сатурн», который опасен своим отрицательным воздействием на наследственность и репродуктивную способность животных и человека.

В Крыму отмечается тенденция к снижению рождаемости и росту смертности населения начиная с 1983 года. Особенно ярко это наблюдается в Симферополе, Феодосии, Керчи, Евпатории. Основными причинами смертности чаще всего являются злокачественные новообразования и гипертоническая болезнь. Самый высокий показатель онкологических заболеваний – в Симферополе, Ялте, Евпатории и Керчи. С 1988 г. возросла онкозаболеваемость в Красноперекопском районе.

Увеличилась смертность от легочных заболеваний, в частности, от бронхиальной астмы. В Симферополе, Керчи и других городах и населенных пунктах отмечаются отклонения в состоянии здоровья беременных. В Красноперекопском районе с 1988 г. увеличилось число мертворожденных [6].

Одной из важных проблем являются комары и клещи, в результате их распространения в Крым вернулись малярия и энцефалит.

Физические загрязнители среды, среди которых первостепенное значение имеет шум, оказывают отрицательное воздействие на жителей Крыма. Особенно уровень шума растет в жилых и производственных районах, усиливая электромагнитное загрязнение окружающей человека среды. И, как результат, – рост нервно-психических заболеваний.

Решением обозначенных проблем последствий экологических изменений в Крыму и Севастополе является прежде их всестороннее изучение. Одна из задач – разработка программы реабилитации от стрессов и негативных экологических воздействий с комплексным изучением влияния неблагоприятного экологического воздействия внешней среды на организм человека. Вопрос реабилитации и оздоровления лиц, находящихся в результате техногенных воздействий в состоянии длительно сохраняющегося доминантного психоэмоционального стресса и пограничных психосоматических заболеваний, в первую очередь заключается в необходимости разработки комплекса мероприятий, способствующих восстановлению нарушенных компенсаторных механизмов саморегуляции основных физиологических функций организма.

Литература

1. Артемова Т.З. К вопросу о санитарно-бактериологической оценке качества воды открытых водоемов // Гигиена и санитария. 1971. № 7. С. 23–27.
2. Жигаев Д.С., Манахова Н.В., Кику П.Ф. Санитарная оценка качества морской воды мест рекреационного водопользования на территории Владивостока // Здоровье. Медицинская экология. Наука. 2014. № 4(58). С. 83–85.
3. Киченко М.Г. Санитарно-показательное значение разновидностей микробов кишечной группы, выделенных из воды // Микробиология. 1957. № 1. С. 63–70.
4. МУК 4.2.2959-11. Биологические и микробиологические факторы. Методы санитарно-микробиологического и санитарно-паразитологического анализа прибрежных вод морей в местах водопользования населения. Методические указания. М.: Федеральный центр гигиены и эпидемиологии Роспотребнадзора, 2011. 58 с.
5. Определитель бактерий Берджи. В 2 т.: Пер. с англ. / Под ред. Дж. Хоул-та, Н. Крита, П. Смита и др. М.: Мир, 1997.
6. Влияние экологических изменений на здоровье крымчан и отдыхающих [Электронный ресурс] // URL: <http://www.mircrimea.ru/the-impact-of-environmental-change-on-the-health-of-crimeans-and-vacationers/> (дата обращения: 05.09.2019).

ИСТОРИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРЫМСКИХ МИНЕРАЛОВ В КАЧЕСТВЕ СУВЕНИРОВ (КОНЕЦ XVIII - НАЧАЛО XX ВВ.)

Севастопольский центр туризма, краеведения, спорта и экскурсий, г. Севастополь

Крым по праву считается «Меккой» отечественного туризма. С первых лет его вхождения в состав Российской империи полуостров стал объектом вояжей многочисленных путешественников и исследователей, **которых сегодня, с позиции нашего времени, можно смело назвать туристами.** По мере того, как путешествия в Крым превращались из экстравагантных поступков отдельных просвещенных людей в стабильную отрасль экономики, все яснее ощущалась проблема такого атрибута туризма, как сувенир. Напомню, что сувенир (от французского *souvenir* – «воспоминание, память») – это художественное изделие или вещь как **память о посещении** страны, какого-нибудь места. Для гостей Крыма того времени в первую очередь такими сувенирами становились высококачественная продукция крымских ремесленников: кожевников, вышивальщиц, ковроделов, чеканщиков, кузнецов и медников, о деятельности которых имеются многочисленные исследования. Менее изученным остается вопрос о геологических минералах-сувенирах, что объясняется недостатком информации по этому вопросу, как исторического характера, так и геологического. К источникам информации по этой теме можно отнести путеводители разных лет, записки путешественников и исследователей Крыма, научные статьи и популярные издания XIX–XX вв. Сведения, подчерпнутые из них, позволяют выделить несколько этапов в истории применения геологических образований Крыма в качестве сувениров; очертить круг минералов, вовлеченных в эту сферу деятельности. Предлагаемый краткий обзор может быть полезен как историкам туризма в Крыму, так и специалистам современной туристской индустрии, учитывая дефицит сувенирной продукции чисто крымского происхождения.

Предыстория геологических сувениров Крыма (с древних времен до последней четверти XVIII века). Представление о Крыме как сказочной стране Востока зародилось у жителей Европы, в том числе и у россиян, давно. Так, на Руси был хорошо известен кафимский жемчуг, то есть жемчуг из Каффы (средневековое название Феодосии), Сурожа (Судака) и других торговых приморских городов Крыма [6, с. 296], [7, с. 58]. Этот жемчуг был небольшого размера и ценился меньше, чем «бурмитское зерно» – крупный жемчуг из стран Персидского залива. Скорее всего, часть кафимского жемчуга было местного (крымского) происхождения, а часть была завезена из других мест. На потенциальную возможность существования в Крыму такого промысла указывает раковина мидии с 54 жемчужинами размером 1,5–3,5 мм – экспонат Межшкольного краеведческого музея с 60-х годов XX века из Феодосийского залива [9].

Начальный этап использования отдельных минералов Крыма в качестве сувениров (последняя четверть XVIII века – середина XIX века). После присоединения Крымского полуострова к России (1783 г.), он автоматически вошел в уже сложившийся российский рынок ювелирной индустрии, которая ориентировалась на

уральские самоцветы. Мнение о богатстве крымских недр было так высоко, что их разведкой специально занимался князь Г.А. Потемкин. Современник об этом пишет так: *«Екатерина II прислала ему из Петербурга ученого геолога Фалькенберга, который, даже не поднявшись на Чатыр-даг, доложил о залегающих там драгоценных породах. Сам светлейший тоже делал изыскания. Он получил из Херсонеса сердоликовый перстень и теперь утверждал, что следует искать камень сердолик поблизости, может быть на Фиоленте»*. Первые исследователи Крыма (П.С. Паллас, К. Габлиц) не смогли найти месторождений самоцветного сырья, которые бы могли стать предпосылкой создания в Таврической губернии камнерезного промысла. Поэтому крымские ювелиры работали преимущественно с благородными металлами. Именно эти изделия, а не крымские камни стали основными покупками приезжих гостей того времени.

Обычно сувенир, прежде чем стать памятной вещью для гостей того или иного места, долгие годы существует либо как предмет бытования местных жителей, либо в качестве этнографического, культурного, культового предмета. Примером характерного крымского продукта, потребляемого как внутри Крыма, так и за его пределами, была самосадочная соль озер (минерал галит) [5]. Соляные промыслы Перекопа всегда были туристской достопримечательностью крымской земли. Особым спросом среди богатых людей, приезжавших на полуостров, пользовалась розовая соль, образование которой в гиперсоленых озерах связано с сезонным размножением специфических бактерий, богатых каротином. Именно эту розовую соль дарили венесуэльскому путешественнику Франсиско де Миранда в 1786 и Екатерине II в 1787 годах [3]. Примечательно, что в настоящее время производство розовой соли продолжается, и многие посетители Крыма увозят с собой этот экзотический продукт.

К сувенирам геологического характера первой половины XIX века можно отнести и ювелирные украшения скифского и античного времени, которые хищнически извлекали местные жители из курганов для продажи путешественникам. Это занятие в то время носило настолько массовый характер, что нашло отражение в многочисленных документах мемуарного характера и книгах. Описывая Балаклаву и крепость Чембало, автор первого путеводителя по Крыму Ш. Монтандон в 1834 писал: *«Любителям античных медалей часто удастся их купить у местных жителей»* [4, с. 158]. Среди минералов древних ювелирных изделий преобладали камни-самоцветы Востока, но попадались и местные: горный хрусталь, гагат, сердолик. В частности, в любимый перстень-талисман А.С. Пушкина был вставлен сердолик крымского происхождения [7].

Этап необработанных минералов-сувениров (вторая половина XIX). Значительно возросший поток туристов и отдыхающих в Крым во второй половине XIX века, особенно после строительства железной дороги, привел к формированию полноценной туристской отрасли. Неконтролируемые посещения карстовых пещер, к сожалению, имели негативные последствия для кальцитовых натечных украшений, варварски отбиваемых на сувениры. Видя интерес просвещённых туристов к геологическим образованиям, местные жители начали осуществлять кустарную добычу привлекательных минералов вблизи своих селений с последующей продажей. Рынками сбыта минералов-сувениров стали места концентрации туристов, т.е. популярные туристские объекты. Таким местом в конце XIX века были знаменитые Байдарские ворота. Здесь продавали кристаллы кальцита и его чистой разновидности – исландский шпат, которые добывались на склонах Форосской горы. Там же

можно было купить ростры белемнитов, известных как громовые стрелы (использовались как амулеты), а также прозрачные, имеющие своеобразную дипирамидальную форму (похожую на кристалл алмаза) кристаллы кварца, которые получили торговое наименование «крымские диаманты» [6, с. 322], [7, с. 61]. Как писал геолог П.Д. Давыдов в 1881 году, «... особенно замечательные по блеску кристаллы из деревни Хойту близ Балаклавы, где отделялись когда-то и шли в продажу взамен алмазов» [2]. Автору несколько лет назад удалось обнаружить забытое место добычи этой редкой разновидности кварца в окрестностях Тессели.

К таким же необработанным минералам-сувенирам следует отнести пирит, кристаллы-кубики которого встречаются на склоне вулканического мыса Фиолент. Этот минерал золотисто-желтого цвета упоминает П.Д. Давыдова в той же статье [2], говоря о нем как о «так называемом золотом песке, добываемом монахами у мыса Феолент и сбываемом верующим поклонникам их обители» [2]. «Золотой песок» в этом контексте воспринимается как недорогой минерал-сувенир. Проявление пирита автор установил в 350 метрах восточнее мыса Фиолент.

Этап кустарно-ремесленного изготовления сувениров из минералов и горных пород (первая четверть XX века). Знаменитые пляжи Коктебеля давали возможность отдыхающим самим находить гальку самоцветных камней Кар-Дага и увозить ее в родные места как сувенир. Ими иногда украшали рамки картин или фотографий. На волне этого увлечения чех Я. Тиханек организовал в 1910 году в Коктебеле шлифовальную мастерскую, в которой из карадагских самоцветов «изготавливались бусы, запонки, булавки, броши и другие мелкие ювелирные изделия, которые продавались не только в Крыму, но и в других крупных городах России» [7, с. 63]. Небольшие кустарные мастерские Симферополя изготавливали мелкие поделки из гагата, крымского камня-самоцвета густого черного цвета [8, с. 42]. Его находили на реке Чуюн-Илга (Бешуйское месторождение). Аналогичное месторождение гагата была повторно (после упоминания о нём геологом Н.А. Головкинским в 1883 г.) открыто автором в районе Золотого пляжа восточнее Балаклавы.

Настоящим сувениром минерального происхождения, производство которого было поставлено на промышленную основу, является знаменитая глина кил, широко известная за пределами Крыма как кеффекилит, то есть «глина из Каффы». Этим крымским словом издавна называли глинистый минерал монтмориillonит (из группы бентонитовых глин) [5, с. 189], хорошо мылящийся даже в морской воде. Благодаря своим полезным качествам, кил находил широкое применение со времен Средневековья сначала у местных жителей полуострова, а затем и у гостей Крыма. Примечательно, что промышленное изготовление этого мыла началось в начале XX века в Севастополе. Так, в путеводителе 1914 года [1] говорится о «всемирном чуде целебнотуалетном мыле кил», которое производил на улице Очаковской, 68 предприниматель Ф.И. Харченко. Такое мыло в качестве сувенира и адсорбента («крымсиль») можно было купить в Крыму и спустя много лет [5, с. 178].

После Великой Российской революции кустарные мастерские по производству сувениров и утилитарных вещей из крымских минералов ещё некоторое время существовали, но затем были в массе своей замещены сравнительно крупными производственными объединениями, такими, как «Крымский мраморщик» (Севастополь), «Крымский зеркальщик» (Симферополь) [7, с. 63].

Литература

1. Бумбер К.Ю. и др. Крым: путеводитель. Симферополь: Тип. Тавр. Губ. земства, 1914. 688 с.
2. Давыдов П.Д. Очерки Крыма. Харьков: 1881. 16 с.
3. Камер-фурьерский церемониальный журнал 1787 года. СПб.: 1886. 419 с.
4. Мантандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму. К.: Стилос, 2011. 416 с.
5. Попов С.П. Минералогия Крыма. М.: Изд-во АН, 1938. 348 с.
6. Пыляев М.И. Драгоценные камни. Их свойства, местонахождения и употребление. СПб.: Изд. Суворина, 1888. 403 с.
7. Супрычев В.А. Крымские самоцветы. Симферополь: Таврия, 1973. 71 с.
8. Шнюков Е.Ф., Кутний В.А., Рыбак Е.Н. Камень цвета ночи. К.: ВМГОР НАНУ, 2009. 64 с.
9. Фонды и экспозиция Межшкольного краеведческого музея им. Е.Н. Овена, Севастополь.

МАТЕРИАЛЫ ДОКЛАДОВ СТУДЕНТОВ

ПОДСЕКЦИЯ «Древняя история и археология»

УДК 902(652)

Десятерик Д.И.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ САРМАТОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, г. Севастополь

Тема «По следам сарматов в Северном Причерноморье» широка и многогранна, она охватывает разнообразные вопросы истории сарматского мира.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в последнее время достигнуты значительные успехи в археологических исследованиях в области сарматологии. Анализ новых археологических материалов позволяет пересматривать и актуализировать уже известные данные письменных источников. Актуальна она и в рамках изучения истории данного народа в античную эпоху.

Тема сарматов Северного Причерноморья изучается археологами и историками уже в течение многих десятилетий. Главная цель нашего исследования – изучить основные результаты этой работы и историю появления сарматских племен на территории Северного Причерноморья.

Ключевая задача исследования – осмысление и анализ наиболее достоверных данных о времени и причинах появления сарматов в Северном Причерноморье; изучение и анализ современной историографии и основных дискуссионных проблем, относящиеся к теме исследования.

Хронологические рамки исследования – рубеж III–II вв. до н. э. – III в. н.э. В качестве нижней хронологической границы исследования взято время раннего периода обитания сарматских племён в Северном Причерноморье. Верхней хронологической границей взята середина III века. Это время очень больших изменений в истории Северного Причерноморья и Крыма.

Географические рамки исследования, в первую очередь, включают в себя Северное Причерноморье в широком смысле (прежде всего, Тира, Ольвия, Херсонес и Боспорское царство). Хотя для более полного освещения исследуемой темы иногда приходилось выходить за узкие географические и временные рамки заявленной тематики.

Не претендуя на исчерпывающее освещение вопроса, мы попытались выяснить основные проблемы и тенденции в исследовании сарматского мира. Очевидно, что в последнее время в вопросе изучения сарматских племен произошли заметные подвижки. Это не только введение в научный оборот новых материалов, но и привлечение новых источников (тамги) и новых методов исследования.

В докладе представлен анализ наиболее достоверных данных о времени и причинах появления сарматов в Северном Причерноморье (с акцентом на Крым). Изучены современная историография и основные дискуссионные проблемы, отно-

сящиеся к теме исследования. Савромато-сарматская проблематика в историографии представлена значительным количеством работ обобщающего и частного характера. Накоплена огромная источниковедческая база, но остаётся немало спорных и важных вопросов, которые решают современные исследователи. Возьмём, к примеру, проблему упадка Великой Скифии и сарматского завоевания Северного Причерноморья. Мы видим, что постоянное включение в научный оборот новых материалов требует уточнения или корректировки существующих устоявшихся мнений. Это естественный процесс познания.

Познакомившись с рядом источников, проливающих свет на историю сарматских племен, мы пришли к выводу, что информации об истории и духовной культуре сарматского мира немного. События и реалии сарматов Северного Причерноморья обычно отражены в письменной традиции крайне скупо и отрывочно. И причина этого в отсутствии письменности у сарматов. В представленном к докладу историографическом не ставится цель анализа всей отечественной и зарубежной литературы по истории сарматов Северного Причерноморья. Мы остановились на рассмотрении ряда проблем по истории и археологии этого народа, которые находятся в поле зрения отечественных авторов последних лет. Это, в первую очередь, определение времени первого появления на исторической арене Северного Причерноморья сарматов, а также отождествление с ними отдельных археологических памятников.

Восстановить полную картину истории сарматских племен в районе Северного Причерноморья весьма сложно. Имеющихся данных, проливающих свет на раскрытие исследуемой темы, слишком мало. Исследование показало, что на протяжении сотен лет сарматы были одной из ведущих сил в северопричерноморской международной политике, принимали самое активное участие в военно-политических акциях Боспорского царства и Рима, осуществляли походы в Закавказье, Малую Азию, Подунавье.

УДК 94(495).02+796

Глушич А.М.

«КНИГА ЦЕРЕМОНИЙ» КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СПОРТИВНЫХ СОСТЯЗАНИЙ НА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМ ИППОДРОМЕ

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, г. Севастополь

Произведение «De Ceremoniis Aulæ Byzantinæ» (рус. «О церемониях византийского двора»), иначе называемая также «Книгой церемоний» – уникальный византийский письменный источник X века. Она была составлена для императора Константина VII Багрянородного и представляет собой сборник, описывающий в мельчайших деталях порядок проведения всех важнейших придворных ритуалов, вплоть до расположения каждого участника церемонии на строго отведенных местах, и речей, которые те обязаны были произносить. В данном исследовании нас интересует то, как в книге описано функционирование константинопольского ипподрома, а конкретно – как организовывались спортивные мероприятия, такие как гонки на колесницах, соревнования по бегу и прочие, в контексте проведения имперских праздников и церемоний, какова была роль димов (партий) ипподрома в проведении ритуалов. Также важно понять и описать структуру как самих партий, так и увидеть «внутриспортивную» организацию: разряды возничих колесниц, правила проведения гонок, порядок посвящения в достаточно закрытую и узкую группу профессиональных спортсменов. Все это можно сделать благодаря сведениям, имеющимся в «Книге церемоний».

Актуальность исследования заключается в том, что этот ценнейший источник не только не переведен на русский язык (за исключением 15 главы, описывающей приём княгини Ольги в Константинополе), но и в принципе никак не использовался в отечественной историографии для изучения спортивной жизни Константинополя.

Зарубежные авторы отчасти привлекали этот источник к своим исследованиям спорта в империи. Отмечу работы Р. Гилланда и относительно недавние статьи С. Гиациса и Т. Волиньской. Тем не менее, полного анализа тех сведений, которые мы можем почерпнуть из исследуемого источника, в историографии не проводилось. Следовательно, целью нашего исследования является анализ и систематизация всей той информации, которая содержится в «Книге церемоний» Константина Багрянородного, в контексте изучения спортивной сферы жизни столицы Византийской империи.

Первоначально следует отметить два факта: византийцы в том, что касается спортивной жизни, были безусловными продолжателями традиций Римской империи, ценили зрелища и умели сделать их поистине масштабными. В то же время, влияние христианства на все сферы жизни коснулось и спорта: кровавые гладиаторские бои и смертельные схватки с животными ушли в прошлое [2, р. 37–38]. Но жители империи более всего любили тот спорт, который, несмотря на все

нарекания со стороны Церкви, не только не выродился под прессом ее давления, но стал важнейшей частью имперского церемониала (сам император был одной из ключевых фигур этих состязаний). Речь, конечно же, о гонках на колесницах.

Процесс организации таких соревнований был поистине грандиозным, и включал в себя огромное количество участников. В Византии их состав несколько изменился по сравнению с этой же системой в Риме. Димов в Византии было лишь два: Голубые (венеты) и Зеленые (прасины). Но факций оставалось четыре, как в Риме: к вышеупомянутым добавлялись Белые (левки) и Красные (русии). Однако в Византии факции – это скорее клубы, объединяющие профессиональных возничих, в то время как димы – это именно объединения людей, страстно поддерживающих ту или иную партию. Дим Голубых поддерживал также и факцию Белых, а дим Зеленых – факцию Красных [1, р. 828].

Менее значимая роль Белой и Красной факций подтверждается и классификацией возниц [1, р. 327]. Существовало три класса профессиональных спортсменов-колесничих. Бигарии (*hoi bagarioi*, букв. «возничие биг», возничие колесниц, запряженных двумя лошадьми) были самой многочисленной группой (однако, вероятно, и их количество было крайне невелико). Они исполняли роль дублеров более маститых возничих в случае их травмы или болезни [1, р. 334–335], а также участвовали в некоторых специальных гонках, таких как гонки на бигах во время проведения Церемонии факелов [1, р. 353]. Второй класс возничих – микропаниты – спортсмены, выступающие за факции Белых и Красных. И, наконец, наиболее элитная и выдающаяся категория – факционарии, возницы двух главных факций, прасинов и венетов. Именно микропаниты и факционарии были самыми почитаемыми спортсменами в городе, они отвечали за прочих возниц своих факций и определение их дальнейшей спортивной судьбы [3, р. 135].

Для понимания того, насколько сложно было получить этот титул, приведу такой факт: каждая партия имела либо одного факционария (в случае с прасинами и венетами), либо одного микропанита (для левков и русиев). Следовательно, на всех юных желающих стать знаменитыми возницами приходилось лишь четыре таких титула на всю столицу [1, р. 832–833]. Как же начинающему вознице можно было стать одним из этих четырех счастливчиков? Путь был несколько. Во-первых, микропанит мог стать жертвой травмы и потерять возможность участвовать в гонках. Тогда юному спортсмену нужно было достойно показать себя на замене, и партия будет ходатайствовать перед императором о присвоении ему этого титула. Тогда правитель, после заездов, вручит ему особый золотой знак, пристегивающийся к тунике – факцион [1, р. 327]. Существовал и другой вариант: если бигарий был очень талантлив, а противоположная партия решила переманить его к себе, то члены его родной партии могли в экстренном порядке «уволить» своего микропанита и выставить на гонки этого юношу, чтобы он показал себя и получил заветный титул [1, р. 335].

Несмотря на то, что именно факцион был символом перехода в новый высший статус, настоящим символом возницы был роскошно украшенный шлем – кассидион. Он вручался когда кандидат в возницы становился бигарием [1, р. 330]. И шлем этот был, пожалуй, одним из важнейших атрибутов во время заезда. Об уважении к этому предмету экипировки свидетельствует удивительный факт. Проиграть заезд можно было по-разному: преодолеть все круги, но прийти не первым (хотя даже в этом случае спортсменам часто вручались награды), упасть с колесницы или

перевернуть ее; но самым необычным способом была потеря шлема. Если в ходе гонки спортсмен сбивал со своего противника шлем, то тот автоматически становился проигравшим, даже если шёл впереди [1, р. 339]. Так что этот предмет был поистине культовым для соревнующихся.

В течение календарного года было несколько дат, празднование которых обязательно сопровождалось конными заездами. Начинался этот годовой цикл фестивалем «Золотой ипподром», проводившимся обычно через неделю после Пасхи, в понедельник или вторник [3, р. 140]. Масштабные гонки проводились в честь Дня основания Константинополя (11 мая), во время Церемонии факелов, Фестиваля Клятвы (в первых числах января; в ходе этого праздника проводились и соревнования по бегу) [1, р. 359–363]. Завершался такой годовой цикл Фестивалем Мясника (Butcher's Festival. Lupercalia) в последнюю неделю перед Великим постом [1, р. 364]. Кроме того, в течение года могли проводиться нерегулярные заезды (например, в честь Дня рождения императора или свадьбы его детей) [3, р. 141].

Таким образом, «Книга церемоний» дает нам достаточно полное и точное представление о структуре профессиональных гонок на колесницах, которая сложилась в Византии к X веку, а также о месте этого спорта в имперских церемониях, посвященных важнейшим датам в жизни империи.

Литература

1. Constantine Porphyrogenetus. The Book of Ceremonies, in 2 volumes. Canberra: Australian Association for Byzantine Studies Byzantina Australiensia. Vol. 1–2, 2012. 870 p.
2. Giatsis S.G. The organization of chariot racing in the great hippodrome of byzantine Constantinople. The International Journal of the History of Sport, 17:1. 2000. P. 36–68.
3. Wolińska T. Constantinopolitan Charioteers and Their Supporters. Łódź: Studia Ceranea. 2011. P. 127–142.

СРАВНЕНИЕ ВЛИЯНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ И СОВРЕМЕННЫХ НКО НА ВЗГЛЯДЫ МОЛОДЕЖИ

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, г. Севастополь

Во многих странах мира сегодня активно реализуется деятельность некоммерческих организаций. Это связано с большим авторитетом, которым пользуются НКО у населения и в особенности у молодежи. Причина такого отношения кроется в нейтральном статусе НКО, что создает ощущение объективности и незаинтересованности таких организаций в коммерческой выгоде или продвижении собственных интересов [9, с. 112]. Аналогичным авторитетом пользовался Орден Иезуитов в XVI веке. Соответственно можно утверждать, что при условии доверия населения к двум организациям, происходило и происходит увеличение влияния НКО и Ордена Иезуитов на взгляды населения. Этим обусловлена актуальность темы исследования.

На сегодняшний день в отечественной историографии не выявлено комплексных работ, посвященных рассмотрению и сравнению влияния деятельности Ордена Иезуитов и современных НКО на взгляды молодежи. В литературе структура и деятельность некоммерческих организаций освещается с двух точек зрения. Преобладает мнение о безусловной пользе НКО для развития государства [1], [4], [9], однако противоположная точка зрения тоже существует [3], [14]. Что касается анализа деятельности Ордена Иезуитов, то данная тема весьма хорошо изучена как отечественными, так и зарубежными исследователями. Большинство из них не высоко оценивают эту организацию [2], [5], [8], [12], хотя имеет место и другая точка зрения [7], [12].

Современные НКО работают в разных направлениях. Широкий спектр деятельности, который включает семинары, конференции, форумы и т.д., позволяет концентрировать внимание молодежи самых разных интересов и предпочтений, реализовать себя [4, с. 11]. Это является благом для молодежи. Но существуют организации, которые, прикрывая свои истинные намерения под термином НКО, осуществляют продвижение собственной политики и представляют угрозу обществу. Одним из самых ярких итогов деятельности таких НКО являются «цветные революции» [1, с. 222]. Некоммерческие организации в этих условиях становятся платформой для подготовки кадров будущих революционеров. Ярким примером этого служат организации «Отпор» в Сербии, «Кмара» в Грузии, «Пора!» в Украине и др. [3, с. 9]. Молодежь становится марионеткой в руках опытных руководителей, исполнителем проектов «сверху» [14, с. 74–76].

Прием воздействия на молодежь посредством организации для неё всевозможных образовательных и не только мероприятий не является инновационным. Его использовал в Средневековье Орден Иезуитов, когда готовил себе армию последователей. Иезуиты начинали свою работу по подготовке кадров с самых низов общества. Ухаживая за тяжелобольными [5, с. 122–123] и уча детей бедняков бесплатно [8], иезуиты быстро и легко обрели славу просветителей народа на бескорыстных

началах. Кроме того, особое внимание к собственному воспитанию и манерам поведения привели к тому, что состоятельные семьи сами желали отдать своих детей на воспитание в иезуитские учебные заведения [12, с. 71].

Дальнейшее развитие событий очевидно: иезуиты воспитывали своих учеников так, как это было выгодно Обществу Иисуса. Беспрекословное подчинение вышестоящим [6] и своеобразное представление о морали, позволявшей оправдать любой поступок иезуита [9, с. 23], лишь некоторые примеры влияния Ордена Иезуитов на взгляды молодежи. Манипулируя сознанием своих воспитанников, иезуиты преступили к захвату власти. Общество Иисуса не делало это явно. Иезуиты становились духовными наставниками при лицах, занимающих привилегированное положение в обществе и влияли на их решения [10], [5 с. 125–127].

Таким образом, механизм, используемый Орденом Иезуитов, находит применение и в наши дни в деятельности некоторых НКО. Поэтому изучение этого механизма становится весьма актуальной задачей для современных исследований.

Литература

1. Андреева О.С. Неправительственные организации (НПО) как институт развития и переустройства мира // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2010. № 1. С. 219–226.
2. Бёмер Г. История ордена иезуитов / пер. с нем. Н. Попова. М.: Ломоносовъ, 2012. 216 с.
3. Борейко А.А. Истоки протестных настроений украинской молодежи в украинской «Оранжевой революции» 2004 года // Современные исследования социальных проблем, 2011. № 3. С. 1–15.
4. Васильева Т.А. Социальная доминанта межсекторного взаимодействия негосударственных некоммерческих организаций: политический контекст (опыт г. Москвы) // Ученые записки Российского Государственного Социального Университета. 2007. № 2. С. 11–15.
5. Гринингер Т. Иезуиты: Полн. история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени: Пер. с 2-го нем. изд. Т. 1-2 / Соч. Теодора Гринингера. – СПб; М.: М.О. Вольф, 1868–1869. 349 с.
6. Душенко К.В. Большой словарь цитат и крылатых выражений [Электронный ресурс] // Сайт «ВикиЧтение». URL: <https://info.wikireading.ru/224116> (дата обращения: 05.09.2019).
7. Корзо М.А. Педагогическая система иезуитов [Электронный ресурс] // Сайт «Historians». URL: <http://www.historians.in.ua/index.php/en/doslidzhennya/1657-margarita-korzo-pedagogicheskaya-sistema-iezuitov> (дата обращения: 05.09.2019).
8. Коротков В.О. Мораль и каузистика на службе иезуитов // Вестник Вятского государственного университета, 2015. № 7. С. 22–26.
9. Стецко Е.В. Неправительственные организации: формирование политического бренда // Вестник МГИМО Университета, 2010. № 6. С. 108–114.
10. Тайные (домашние) наставления Общества Иезуитов [Электронный ресурс] // Сайт «DrevLit.Ru». URL: http://drevlit.ru/docs/spain/XVII/1600-1620/Monita_secreta/text1.php (дата обращения: 05.09.2019).
11. Тонди А. Иезуиты. М.: Издательство Иностранной литературы, 1955. 332 с.
12. Фадеева Г.Д., Паршина К.С., Артёмов К.В. Истории образования: иезуитская система образования // Молодой ученый, 2013. № 5. С. 783–785.
13. Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «О некоммерческих организациях» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) [Электронный ресурс] // Сайт «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/doc/FZ-o-nekommercheskih-organizacijah/> (дата обращения: 05.09.2019).
14. Цветкова Н.А., Ярыгин Г.О. Участие публичной дипломатии США в политической трансформации Украины, 1990-е – 2000-е годы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2015. № 4. С. 68–82.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННОГО ИРЛАНДСКОГО КОСТЮМА

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Наиболее ранним памятником, повествующим о средневековой ирландской одежде, является книга Леинстера, написанная за 20 лет до начала норманнского вторжения. Согласно этому труду, повседневная одежда в донорманнский период состояла из: длинной шелковой туники до колен, имевшей капюшон, сандалий и плаща, сделанного из шерсти и крепившегося на груди брошью [10, с. 3]. При этом плащ служил не столько защитой от непогоды, сколько элементом социальной дифференциации, так как его цвет обозначал статус человека в обществе. Упоминаний о головных уборах в книге не встречается.

Похожие элементы одежды можно увидеть на каменном кресте Муиредаха. На нем изображены люди, облаченные в тунику и мантию. Туника (*leine*) доходила до колен, где закреплялась при помощи ремня, напоминая килт. Имела вышитый подол и плотно прилегала к телу. Мантия (*brat*) со спиральными узорами скреплялась брошью на груди [12, с. 10]. Она имела разрезы, которые позволяли быстро высвободить руки, не отстегивая и не скидывая её. Сама мантия была четырехугольной и напоминала по форме прямоугольник. Этот предмет гардероба имел огромное значение в ирландском обществе, так как именно он показывал статус человека. Такой вариант ирландского костюма просуществовал вплоть до XVI века, подвергаясь незначительным изменениям. Однако, он не был единственным, о чем свидетельствуют изображения на кресте, найденном в монастыре Клонмакнойс, графство Оффали. Другой вариант костюма состоял из плотно прилегающей безрукавки с капюшоном, который так же, как и плащ, закреплялся на груди брошью, и коротких клетчатых штанов, доходивших до колен и имевших вертикальные полосы (вероятно, выполняли роль декора).

Первый вариант ирландского костюма, представленный *leine-brat* встречается и в Келлской книге, которая датируется не ранее 800 г. н.э. и повествует о донорманнском периоде Ирландии. В ней раскрываются его дополнительные особенности. Так, в частности, *leine* была без вырезов и одевалась через голову, как смок-платье. Ворот (стойка) был высокий и напоминал по форме букву V [10, с. 6]. Рукава у *leine* обычной ширины, в отличие от англо-саксонской туники. Нижняя часть костюма украшена вышитой каймой из небольших кругов, напоминающих точки. Помимо этого, в книге встречается изображение человека, облаченного в нечто, напоминающее камзол (*ionar*) и длинные штаны (*trius*), доходившие до пятки, крепившиеся ремнем, расположенным под ногами. Пояс или ремень также находился на талии, и в зависимости от социального положения человека мог быть изготовлен из разных материалов. В частности, у представителей аристократии они были сделаны из золота. На поясе также мог находиться небольшой кошелек, где обычно хранили мелкие предметы, такие как кольца [9, с. 394].

Женская одежда практически полностью соответствовала мужской в её первом варианте. Единственным отличием была длина – *leine* доходила до лодыжки. У мужского костюма иногда встречаются шнурки вокруг щиколотки. Скорее всего, они были элементом декора. Вырез горловины у *leine*, как и у современной одежды, мог быть круглой, овальной, треугольной и квадратной формы. Также оба пола носили перчатки, которые, как и современные, были разделены на пальцы. Их называли *lamann* (этот термин используется до сих пор) и изготавливали из ткани или кожи [9, с. 394–395]. У представителей высшего сословия перчатки, как правило, были богато украшены.

Обувь у древних ирландцев была простой в изготовлении, но не отличалась высокой прочностью. Она называлась *brog* и представляла собой сшитые из одного куска кожи туфли, передние и боковые части которой были сужены с помощью небольшого шнура или ремешка [12, с. 21–22]. Именно от неё пошли современные туфли-лодочки, которые используются в ирландском танце.

Материалом для одежды служили лён и шерсть, но иногда встречаются упоминания о костюмах, сделанных из шелка (*sida*) и сатина (*sgol*), вероятнее всего, принадлежащие представителям сословной аристократии. Впоследствии ирландская шерсть высоко ценилась на территории Великобритании. Из цветов древние ирландцы предпочитали яркие – красный, синий, желтый и зеленый. Это было обусловлено не столько декором, сколько социальной стратификацией в обществе.

В современной исторической науке существует несколько теорий относительно вариантов раннего ирландского костюма. Историк Мак Клинтон, автор первого фундаментального труда по этой теме, предполагал, что их существование объяснялось социальной стратификацией населения. Согласно этой теории, первый вариант костюма, состоящий из *leine-brat*, был одеждой высших классов, в то время как *ionar-triuis* были атрибутом простых людей. Однако более вероятным является предположение Данлеви о том, что *ionar* и *trews* были частью общего костюма [4, с. 21]. Камзол (*ionar*), по предположению автора, носился сверху *leine* и представлял собой верхнюю одежду.

Следующим периодом в истории ирландского средневекового костюма стало установление английского господства на территории острова, прерванное в XV веке началом войны Роз. Однако памятников и источников, которые могли бы реконструировать внешний вид ирландцев этого периода, сохранилось немного. Одним из таких является труд английского историка Гиральда Камбрийского «История и топография Ирландии» (*Torographia Hibernica*). В нем содержится следующее описание ирландского костюма: *«Ирландцы носят тонкую шерстяную одежду, в основном черного цвета, потому что овцы в Ирландии именно такого цвета. Сама же одежда представляет собой образец варварской моды: brench и hose (короткие штаны, достигающие до колена, и гольфы, которые также доходили до колена) сшивались вместе, голову прикрывал небольшой, плотно прилегающий капюшон из разноцветных лент и свисающий ниже плеч, длиной в локоть»* [2, с. 355–356]. К этому отрывку, как и в целом к труду Гиральда Камбрийского, необходимо подходить максимально осторожно из-за сильных патриотических чувств автора и стремления показать ирландцев как варваров, не заслуживающих сострадания.

Одним из немногих непосредственно ирландских источников является рисунок в Книге Баллимота, написанный на ирландском языке. В ней изображен король в длинном, плотно прилегающем камзоле, с застёжками спереди; ремень на талии завязан в узел из-за отсутствия пряжки [10, с. 22–23]. Стоит отметить интересную деталь – запонки на обоих запястьях. Схожесть этого камзола с тем, который изображен на рисунке Деррика и с шерстяным камзолом в Национальном музее позволяет предположить существование моды на данный предмет одежды среди ирландцев в XIII–XIV века. Последним периодом в истории развития старинного ирландского костюма стали XVI–XVII века. В это время происходит изменение традиционных элементов ирландской одежды, что могло быть вызвано усилившейся культурной экспансией со стороны англичан после прихода к власти Тюдоров. Помимо различного рода изображений и гравюр, одним из основных источников являются немногочисленные предметы одежды, которые сохранялись до наших дней. В частности, в Национальном Музее в Дублине находится полный костюм мужчины этого периода, обнаруженный в 1824 году на глубине шести футов в болоте недалеко от Киллера. Он состоит из камзола, пары клетчатых штанов, мантии и юбки, доходившей до колен. Все элементы костюма были сделаны из грубой домотканой шерстяной ткани диагонального переплетения, как у современных Харрис твид. Ткань от долгого пребывания во влажном торфе сильно потемнела. Камзол в представленном костюме был тёмного коричневого цвета и застегивался спереди с помощью 14–15 тканевых пуговиц, которые доходили до воротника на шее.

Таким образом, ирландский традиционный костюм, возникший в период Средних веков (V–XV в.), просуществовал без каких-либо серьезных изменений вплоть до начала XVI века. Именно с этого времени под влиянием усилившейся политики англофикации острова в результате прихода Тюдоров к власти происходит трансформация его на английский манер, при сохранении характерных черт и особенностей. В таком виде костюм сохранился вплоть до наших дней.

Литература

1. Гольман Л.И. (ред.) История Ирландии М.: Мысль, 1980. 180 с.
2. Нанн Дж. История костюма 1200–2000. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 343 с.
3. Adamnan Life of Saint Columba / Edited by William Reeves. Edinburgh Edmonston and Douglas, 1874. 585 p.
4. Dunlevy, Mairead, Dress in Ireland–Collins Press, 1989. 192 p.
5. Green J.R. A short history of the English people. 1878. 1040 p.
6. B. Kelly, N. Roycroft & M. Stanley (eds). Fragments of Lives Past: archaeological objects from Irish road schemes. Archaeology and the National Roads Authority Monograph No. 11. (Dublin: National Roads Authority, 2014). P. 67–80.
7. John Lynch Cambrensis Eversus. Dublin: The Celtic Society, 1850.
8. Joseph Cooper Walker. An historical essay on the dress of the ancient and modern Irish [Электронный ресурс] // URL: http://www.ricorso.net/rx/library/authors/writers/Walker_JC.htm (дата обращения: 05.09.2019).
9. Joyce P.W. A smaller social history of ancient Ireland London – New York: Longmans, Green, & Co., 1906. 574 p.
10. McClintock, H.F., Old Irish and Highland Dress, with notes on That of the Isle of Man, Dundalgan Press, 1943. 188 p.
11. Planché J.R. A cyclopedia of costume. London: Chatto and Windus, 1876. 524 p.
12. Scott Barrett Early Gaelic Dress, 2006. 30 p.

**К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ АНГЛИИ И ФРАНЦИИ
В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ПОСЛЕ СТОЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ**

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, г. Севастополь

Столетняя война (1337–1453) закончилась разгромом английского королевства. Столь долгое противостояние не могло не оказать сильного влияния на все стороны жизни, как Англии, так и Франции. Однако последствия этой войны для Англии и Франции были разными. Франция вышла из войны победительницей, страна вступила в период консолидации, который завершился складыванием французского абсолютизма. В Англии разразилась гражданская война «Алой и Белой роз». В настоящем исследовании изучен период англо-французских отношений – от заключения перемирия между воюющими странами в 1453 году до завершения гражданской войны в Англии в 1485 году.

Одним из главных идеологов союза Англии и Франции был в это время Ричард Невилл, граф Уорик. Он был правой рукой Эдуарда IV и всеми силами пытался склонить короля к заключению полномасштабного мирного договора. Эдуард, напротив, стремился к союзу с сепаратистски настроенной Бургундией. Особо остро их конфликт развернулся в середине 60-х годов XV века. Желая установить мир с Францией, граф Уорик договорился о браке Эдуарда и Боны Савойской, сестры французской королевы [5, р. 194–196]. Но король поступил по-своему, и женился на Елизавете Грей, тем самым нарушив планы Уорика [3, р. 439–440]. Следующей разменной монетой в установлении «дружбы» между двумя государствами должна была стать сестра Эдуарда IV Маргарита. Она должна была стать женой или самого Людовика XI, или Карла Смелого, герцога Бургундии. Людовик активно выступал за брак с Маргаритой и союз с Англией против Бургундии [6, р. 143–145], но Эдуард настоял на втором варианте, после чего заручился поддержкой Бургундии в противостоянии Ланкастерам.

Франция, а точнее, Людовик, не могла не быть недовольной. Большую поддержку Людовик оказывал Маргарите Анжуйской, жене Генриха VI во время её изгнания во Францию. Всё ещё не теряя надежды на союз с Англией, он склонил Маргариту и Уорика, двух непримиримых врагов, сражающихся за разные фракции, к союзу. В 1470 году было подписано так называемое Анжуйское соглашение. Неизвестно до конца, было ли оно записано на бумаге, или это была лишь устная договоренность его участников под руководством Людовика XI, но название соглашения получило из-за места, где находились Маргарита и Уорик. Согласно этому тексту, Невилл должен был вторгнуться в Англию, вернуть на трон Генриха VI, после чего в Англию вернулась бы Маргарита со своим сыном Эдуардом. Людовик в таком случае получил бы надёжного союзника, благодарного за оказанную поддержку [7, р. 349–350]. Но, несмотря на то, что осуществить свою часть соглашения Уорик

удалось, и Генрих VI действительно вернулся на трон, он не смог долго удерживать власть, и Эдуард IV вернул себе корону менее чем через год [2, с. 155–156].

Следующий этап англо-французских отношений связан с французским походом Эдуарда IV в 1475 году. За год до этого Эдуард IV вступил в союз с Карлом Смелым, согласно которому Карл должен был оказать поддержку английскому войску в войне против Франции [8, р. 40–44]. Уже через год Эдуард IV объявил Людовику XI войну. Однако помощь бургундцами оказана не была, и Англии пришлось заключить с французами долгожданный мирный договор, даже не начав военных действий. Договор был подписан во французском городе Пикиньи в конце июля 1475 года. Достаточно подробно рассказывает об этом договоре фламандский мемуарист Филипп де Коммин, перешедший от герцога Бургундского на сторону французского короля, непосредственный участник тех событий. Так, согласно договору, Людовик XI должен был заплатить Эдуарду IV 75 000 крон сразу же, затем ежегодно выплачивать пенсию в размере 50 000 экю [1, с. 221]. Ещё одним условием был брак дофина Карла и принцессы Елизаветы, что, как утверждает Коммин, вынудило бы Эдуарда IV *«закрыть глаза на многие вещи, что было очень выгодно нашему королю»* [1, с. 154]. Несмотря на то, что Людовик XI хвастался тем, что *«изгнал англичан, накормив пирогами с дичью и напоив добрым вином»* [1, с. 394], многие, как с французской, так и с английской стороны, этот договор не поддерживали, считая, что доказывать свою правоту необходимо силой.

Мир между Англией и Францией сохранялся и в правление Ричарда III. Но Людовик XI продолжал играть на два фронта. С одной стороны, он писал Ричарду письма, в которых высказывал почтение к английскому монарху, пытаясь завоевать его дружбу [4, р. 115]. Но с другой, угрожал герцогу Бретани Франциску тем, что, в случае невыдачи ему Генриха Тюдора, врага Ричарда III, он нападет на Бретань [4, р. 133]. Военных действий против Франции Ричард не хотел. Ему было важно установить порядок в собственном государстве, прежде чем идти войной на соседей. Когда ему написала Изабелла Кастильская не просто с просьбой, а с требованием начать войну против Франции, Ричард отказал ей [4, р. 121–123; 138–141].

Однако с приходом в 1483 году к власти Анны де Божё, регента при малолетнем Карле VIII, политика Франции изменилась. Если Людовик только укрывал у себя Генриха Тюдора, Анна предоставила ему войско и снабжение для противостояния Ричарду III [1, с. 218].

Людовик XI заслуженно получил прозвище «Всемирный паук». С одной стороны, он не мог не помочь Маргарите Анжуйской, своей кузине. Но, с другой, старался добиться мира с Эдуардом IV, врагом Маргариты, лишь для того, чтобы не допустить англо-бургундского союза. Не действуя открыто против Англии, Франция пыталась дестабилизировать положение внутри соседнего государства, однако это влияние можно назвать значительным лишь на последнем его этапе, когда французские инвестиции в поход Тюдора оказали ему значительную помощь в завоевании трона. Поход Эдуарда IV 1474 года, хоть и преследовал цель начать войну против Франции, завершился без кровопролития, что говорит о нежелании Франции развязывать ещё одну войну против Англии, которая успела укрепить свои позиции за несколько десятилетий после завершения Столетней войны.

Литература

1. Де Коммин Ф. Мемуары. М.: Наука, 1986. 499 с.
2. Дэниел К. Англия. История страны. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. 480 с.
3. Ingulph's Chronicle of the Abbey of Croyland. London: H. G. Bohn, 1854. 546 p.
4. Letters, &c. of Richard III // Letters and papers illustrative of the reigns Richard III and Henry VII, in 2 volumes. London: Longman, Green, Longman, and Roberts, 1861. Volume 1. P. 92–178.
5. Lettres de Louis XI, roi de France, in 12 volumes. Paris: Librairie Renouard, H. Loones, 1885. Volume 2: 1461–1465. 425 p.
6. Lettres de Louis XI, roi de France, in 12 volumes. Paris: Librairie Renouard, H. Loones, 1887. Volume 3: 1465–1469. 405 p.
7. Lettres de Louis XI, roi de France, in 12 volumes. Paris: Librairie Renouard, H. Loones, 1890. Volume 4: 1469–1472. 398 p.
8. Rymer T. Foedera, in 12 volumes. London: Hagae Comitatus: Neaulme, 1739. Volume 5. 900 p.

ВЛИЯНИЕ ИНКВИЗИЦИИ НА ИСПАНСКУЮ ЖИВОПИСЬ В XV-XVII ВЕКАХ

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, г. Севастополь

На сегодняшний день в научной среде оценки деятельности инквизиции и ее влияния на испанскую живопись диаметрально противоположны. Несмотря на то, что обработана примерно половина протоколов и документов Высшего Совета инквизиции, споры вокруг ее роли и значения до сих пор не утихают. Испанская инквизиция является лучшим примером для понимания и изучения всех тонкостей и особенностей деятельности Святого трибунала, ведь именно в ней развились все те черты, которые порой находились только на этапе формирования в других европейских странах. Отдельной темой для дискуссий выступает влияние данного органа на особенности испанской живописи. Вследствие чего на сегодняшний день историки и исследователи Испанской Инквизиции разделились на две группы: придерживающиеся мнения о нейтральном влиянии данного процесса на культуру испанского общества, и утверждающие о ее резко негативном воздействии.

Искусство Испании после официального учреждения Инквизиции стало очень суровым, мрачным и графическим. В основном испанские художники писали иконы с детальным изображением раненых святых, мучеников и распятий на кресте. Например, работа художника Хусепе де Рибера «Мученичество святого Филиппа» (Рис. 1), Франсиско Сурбарана «Христос на кресте» [3, с. 28–30].

Однако, несмотря на строгий контроль и господство Инквизиции, на последнее десятилетие XVI и первую половину XVII века приходится наивысший расцвет испанской живописи [4, с. 54]. Это – время когда творили великие испанские художники Эль Греко, Франсиско Пачеко, Диего Веласкес, Франсиско Сурбаран, Бартоломе Эстебан Мурильо и другие. Помимо картин на религиозную тематику и портретов появляются работы на исторические и мифологические сюжеты. Художники все чаще стали изображать бытовые сцены, натюрморты и пейзажи.

В Испании запреты на определенные темы и сюжеты диктовал Верховный Совет Инквизиции. Согласно его постановлениям, художникам запрещалось изображать человеческое тело с явно выраженной наготой, не считая Иисуса Христа на кресте и херувимов [2]. Так, ярый испанский проповедник Хосе де Иезус говорил: «Создавая на холсте сладострастные обнаженные фигуры, живописцы становятся проводниками дьявола, ставят ему приверженцев и населяют царство Ада» [5, с. 36]. В 1649 году вышла в свет теоретическая работа знаменитого испанского художника Франсиско Пачеко под названием «Искусство рисования» [6]. В ней, кроме советов по технике рисунка, содержатся рекомендации о том, как следует писать дам, не нарушая норм благонравия: женщин стоит изображать в мифологических или библейских образах, только лицо и руки можно писать с натуры, а все остальное срисовывать с гравюр итальянских и немецких мастеров, например, Дюрера [1, с. 33].

Инквизиция заставила Испанию претерпеть множество бедствий, однако препятствие свободному распространению наук, литературы и искусств занимает значительное место. Некоторые исследователи данной проблемы утверждают, что Инквизиция боролась против вторжения только еретических мнений, что она давала полную свободу тем мнениям, которые не нападают на догматы. В действительности картины испанских художников были неуютны Святому трибуналу по причине изображения в них настоящей человеческой жизни и сущности.

Вместе с тем нельзя отрицать того факта, что последнее десятилетие XVI и первая половина XVII века справедливо считаются эпохой наивысшего расцвета испанской культуры, периода, когда творили выдающиеся таланты: художники, поэты, прозаики, драматурги и ученые. Однако следует учитывать тот факт, что все деятели не раз рисковали карьерой, положением, свободой и даже жизнью, прибегая к различным уловкам и хитростям. Следовательно, оценка влияния Инквизиции на испанскую культуру неоднозначна и требует детального и углубленного рассмотрения.

Литература

1. Бенуа А.Н. История живописи всех времен и народов. СПб.: Нева, 2004. 1988 с.
2. Дон Хуан-Антонио Лоренте Критическая история испанской инквизиции [Электронный ресурс] // История еврейского народа. URL: <http://jhistory.nfurman.com/lessons7/lorente085.htm> (дата обращения: 04.09.2019).
3. Замкова М.В. Прадо. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2006. 128 с.
4. Муртазина С.А., Хмматова В.В. История искусства XVII века. М.: Бибком, 2013. 170 с.
5. Опимах Ирина Живописные истории. О великих полотнах, их создателях и героях. М.: Ломоносов, 2014. 272 с.
6. Francisco Pacheco Arte de la pintura, su antigüedad y grandezas [Электронный ресурс] // Wayback machine. URL: <https://archive.org/details/HArteR03T09/page/n365> (дата обращения: 04.09.2019).

РАЗВИТИЕ КНИГОПЕЧАТАНИЯ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ (АНГЛИЯ, ФРАНЦИЯ, НИДЕРЛАНДЫ, ГЕРМАНИЯ) В XV ВЕКЕ

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, г. Севастополь

Книгопечатание, появившись в XV веке на территории Западной Европы, ускорило развитие сразу нескольких процессов: повышения качества преподаваемых дисциплин в европейских университетах, распространения идей Реформации среди широких народных масс, заложило основы для будущей массовой журналистики.

В отечественной историографии при рассмотрении вопроса об изобретении книгопечатания в Западной Европе не уделяется внимания комплексному сравнительному анализу процесса его развития на протяжении XV столетия в таких крупнейших странах региона, как Англия, Франция, Германия и Нидерланды, что и определяет новизну данного исследования.

Представляется целесообразным проведение комплексного анализа развития книгопечатания в Англии, Франции, Нидерландах, Германии. В частности важно рассмотреть историю становления книгопечатания в указанных странах на протяжении XV века.

Актуальность изучения книгопечатания как нового культурного феномена Западной Европы XV века определяется его всесторонним влиянием на популяризацию чтения и образованности в европейских странах, становление эпохи Возрождения как вершины интеллектуального и художественного развития Европы, распространение новых политических идей, что особенно прослеживается на примере Реформации. Таким образом, на протяжении всего XV столетия книгопечатание оказывало воздействие на политико-культурную жизнь Западной Европы. На книжное дело в XV веке повлияло развитие идей гуманизма, из-за чего в странах Западной Европы большим спросом пользовалась не религиозная литература, а качественно переписанные труды древних авторов.

Во второй половине XV века книгопечатание появилось почти одновременно в Англии, Франции, Нидерландах и Германии, но, несмотря на это, для каждой из перечисленных стран можно выделить свои особенности.

В Англии первым печатником стал Уильям Кекстон. Книги печатались на национальном языке с приоритетом в пользу светской литературы [11, с. 43–44]. Однако появление книгопечатания не привело к созданию в Англии сети крупных библиотек [4, с. 395].

Во Франции, напротив, в первой типографии на базе Сорбоннского университета работали приглашенные специалисты из Германии – Ульрих Геринг, Мартин Кранц и Михаил Фрибургер [1, с. 89–90]. Помимо Парижа, еще одна крупная типография находилась в Лионе, который был на тот момент центром французской ярмарочной торговли. Именно из этих двух городов книгопечатание впоследствии распространилось на другие регионы Франции [11, с. 49]. Одновременно с этим в XV веке развивается орнаментальное искусство, что привело к появлению изящно

иллюстрированных экземпляров рукописей, в том числе и «Романа Розы», наиболее ранней и известной французской рукописи [8, с. 113–114].

В Нидерландах, также как и во Франции, сложилось два крупнейших центра книгопечатания – Девентер и Утрехт [11, с. 46]. Здесь же, вероятно, и сформировались условия для становления национального книжного производства. Так в книге «Батавия» Адриана Юниуса утверждается, что изобретатель книгопечатания – голландец Лоренц Янсзон Костер, который открыл типографию и начал печатать почти за 20 лет до Иоганна Гутенберга [1, с. 92]. Это сведение повлекло за собой возникновение в науке «костеровского вопроса», который не решен до сих пор [11, с. 47].

Еще в XIV – начале XV века, вследствие особенностей труда переписчика, книги в Германии отличались наличием большого количества ошибок [9, с. 270–272]. Однако с изобретением книгопечатания Иоганном Гутенбергом, эту ситуацию удалось частично исправить [2], [5], [10]. Из-за возросшей популярности печатных книг, прежние переписчики разорялись и нанимались наборщиками в типографии [7, с. 45]. В середине XV века, как в западной Германии, так и в Нидерландах, производились ксилографические книги [6, с. 47]. В дальнейшем искусство графики развивается и становится известным, главным образом, по работам А. Дюрера [3, с. 137]. В целом же первые немецкие печатные книги XV века были еще очень зависимы от рукописных традиций [12, с. 110–111].

Литература

1. Булгаков Ф.И. Иллюстрированная история книгопечатания и типографского искусства. Т.1: С изобретения книгопечатания по XVIII век включительно. СПб: издание А.С. Суворина, 1889. 365 с.
2. Варбанец Н.В. Йоханн Гутенберг и начало книгопечатания в Европе. Опыт нового прочтения материала. М.: Книга, 1980. 304 с.
3. Герчук Ю.Я. История графики и искусства книги: учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2000. 320 с.
4. Европа в средние века: экономика, политика, культура. К 80-летию академика С.Д. Сказкина М.: Наука, 1972. 449 с.
5. Есипова В.А. История книги. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 628 с.
6. Кацпржак Е.И. История письменности и книги. Государственное издательство «Искусство», 1955. 356 с.
7. Кирпичников А.И. Очерк истории книги: Две публичные лекции, читанные в г. Одессе проф. А.И. Кирпичниковым. СПб.: изд. журнала «Пантеон литературы», 1888. 72 с.
8. Киселева Л.И. О чем рассказывают средневековые рукописи (Рукописная книга в Западной Европе). Л.: Наука, 1978. 142 с.
9. Логутова М.Г. Реалии книжной культуры средневековой Германии (по записям в рукописях Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург) // Люди и тексты. Исторический альманах. 2011. № 1. С. 254–280.
10. Немировский Е.А. Иоганн Гутенберг. Около 1399–1468. М.: Наука, 1989. 320 с.
11. Шомракова И.А., Баренбаум И.Е. Всеобщая история книги. СПб.: Профессия, 2005. 368 с.
12. Эггер Э. История книги от ее появления до наших дней. СПб: Типография М.А. Хана, 1882. 244 с.

**К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ И НАЗНАЧЕНИИ ВНЕБРАЧНЫХ СВЯЗЕЙ ПРИ ДВОРЕ
ГЕНРИХА I**

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, г. Севастополь

Генрих I, пожалуй, является рекордсменом среди средневековых европейских монархов по числу незаконнорожденных детей [7]. Это даёт возможность произвести подробный анализ причин, которые могли этому способствовать, и лучше понять специфику брачных практик эпохи классического Средневековья.

Дискуссия о причинах появления бастардов в случае с Генрихом I чаще всего начинается с цитаты из работы Вильгельма Мальмсберийского, утверждающего, что Генрих никогда не поддавался слабостям плоти и прибегал к подобным отношениям исключительно ради продолжения рода [4]. Именно на этих словах строятся многие современные интерпретации. Например, этой точки зрения придерживается исследовательница из США Э. Сирл, полагающая, что «*предусмотрительный Генрих не собирался остаться без детей, чьи браки могли бы быть ему полезны, когда, как он предполагал, для него настанут лучшие дни*» [7]. Однако не только Генрих вряд ли мог рассчитывать на какое-то весомое положение, которое позволило бы ему использовать своих бастардов, как полагала Э. Сирл [7], но и в момент высшей точки династического кризиса, когда умер единственный законный сын Генриха [1], он не приблизил ни одного из своих бастардов. Например, Роберт Глостерский был достаточно влиятельной фигурой для того, чтобы после смерти отца получить предложение взойти на престол, а значит, его незаконнорожденность потенциально не помешала бы наследованию [2]. Это заставляет усомниться в правильности данной интерпретации. Из-за того, что у Генриха были крайне скромные политические перспективы, поскольку он был третьим сыном в семье [6], нельзя утверждать, что его репродуктивная активность была продиктована необходимостью доказать свою способность произвести на свет наследника [5].

Обращая внимание на разность этнического происхождения возлюбленных Генриха I, можно предположить, что эти связи помогали ему наладить контакт с различными этническими сообществами английского королевства [8]. Например, американская исследовательница К. Томпсон ссылается на примеры Уэльской Принцессы Несты ферх Риз, дочери Риза ап Тевдура, которая, согласно Анналам Камбрии, состояла в связи с Генрихом. У них родился сын (тоже Генрих). Однако даже если эта связь и существовала (в чём хронист рубежа XII–XIII веков Геральд Уэльский, автор одной из версий Анналов Камбрии, сомневается), то она была слишком непродолжительна чтобы говорить об установлении с ее помощью связи Генриха с уэльским обществом. Другие его партнёрши, происхождение которых нам известно (например, англичанки Эдит и Эда из Грейстока), никакой особой роли в отношениях Генриха с кругами английской знати не играли [8].

Наиболее правдоподобным объяснением данного феномена является уже упомянутое отсутствие у Генриха перспективы занять трон, но на этот раз уже влияющая на его способность жениться и завести семью. Почти не имея владений, а, следовательно, и дохода [1], он, как и некоторые его современники в подобном положении [3], вряд ли обзавёлся бы полноценной семьёй, а потому, был вынужден прибегнуть к незаконным формам союзов. В дальнейшем, когда Генрих всё же стал королём Англии, стереотипы его брачного поведения, вероятно, сохранились.

Литература

1. Crouch D. The Normans: the history of a dynasty. London: Bloomsbury Academic, 2002. P. 157–165.
2. Duchesne A. Gesta Stephani, regis Anglorum et ducis Normannorum [Электронный ресурс] // Archive. URL: <https://archive.org/details/gestastephanire01sewegoog> (дата обращения: 05.09.2019).
3. Forester T. Ecclesiastical history of England and Normandy. Ordericus Vitalis [Электронный ресурс] // Archive.- URL: <https://archive.org/stream/ecclesiasticalhi03orde#page/n7/mode/2up> (дата обращения: 05.09.2019).
4. Giles J.A. William of Malmesbury's Chronicle of the Kings of England [Электронный ресурс] // Archive. URL: https://archive.org/stream/williamofmalmesb1847will/williamofmalmesb1847will_djvu.txt (дата обращения: 05.09.2019).
5. Hadley D.M. Masculinity in medieval Europe. London: Routledge, 1999. P. 47–67.
6. Normandy Dukes [Электронный ресурс] // Foundation for Medieval Genealogy. URL: http://fmg.ac/Projects/MedLands/NORMANDY.htm#_Toc148955358 (дата обращения: 05.09.2019).
7. Searl E. Women and the legitimization of succession at the Norman Conquest. // Anglo-Norman Studies. 1980. № 3. P. 169.
8. Thompson K. Affairs of State: the illegitimate children of Henry I [Электронный ресурс] // Docsford. URL: <http://www.docsford.com/document/5774610> (дата обращения: 05.09.2019).

ПОДСЕКЦИЯ «Новая история»

УДК 94 (470.6)

Алейник Я.А.

УЧАСТИЕ ИНОСТРАННОЙ ДИПЛОМАТИИ В КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ 1817–1864 ГОДОВ

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, г. Севастополь

В исторической науке существует термин «Большая игра», который характеризует противостояние Британской и Российской империй за обладание территорией Средней Азии на протяжении XIX века. Регионами противостояния игроков «Большой игры» были многие регионы Азии – Иран, Афганистан и, конечно, Кавказ [3, с. 261].

Кавказская война 1817–1864 годов представляла собой не только прямые военные конфликты между горцами Кавказа и армией Российской империи. Война на Кавказе была одним из эпизодов так называемой «Большой игры» между Западом, в частности, Британской империей, с одной стороны и Российской империей с другой.

Каждая из сторон преследовала свои цели в войне на Кавказе и не готова была от них отказаться и допустить господство своего геополитического конкурента в интересующем ее регионе. Третьи силы в лице иностранных государств представляли собой не только соседние государства, которые на протяжении многих столетий традиционно претендовали на Кавказские земли, но и ведущие европейские державы, даже не имевшие с Кавказским регионом границ.

Среди государств, оказавших особое влияние на ход войны на Кавказе, следует, в первую очередь, выделить Британскую империю. Британская империя не только преследовала сугубо личные интересы по недопущению укрепления Российской империи на Кавказе, но и оказывала огромное влияние на Османскую империю, ведь Британия стремилась стать покровительницей турок, империя которых медленно стремилась к своему закату. Огромное влияние на вмешательство Англии в Кавказскую войну оказывали решения Генри Пальмерстона – ведущего английского дипломата. Среди его решений следует отметить отправку на Кавказ для установления отношений с горцами нескольких британских агентов – Дэвида Уркварта, Джеймса Белла и Джеймса Лонгворта. Последние осуществляли на Кавказе тайную деятельность: составляли подробные карты кавказского региона, описывали традиции и обычаи горцев Кавказа, воодушевляли горцев на интенсивную борьбу с армией Российской империи [2]. Более того, в английском парламенте в годы Кавказской войны шли ожесточенные споры о судьбе кавказского региона и роли Британской империи в нем [1].

Турецкие дипломаты, во многом под влиянием английских послов в Константинополе, ведущих «пропаганду в пользу Турции» [6, с. 62], представляют собой еще одну группу, оказывавшую непосредственное влияние на ход войны на Кавказе 1817–1864 годов. Горцев, в первую очередь, интересовала возможность сохранения торговли рабами с Османской империей. Последних горцы захватывали во время

своих частых набегов на территории русской армии. Паша Сефер-Бей Зан осуществлял тайную подпольную деятельность по влиянию на горцев для обострения их борьбы с Российской империей [8, с. 16]. Еще одним вмешательством турецких эmissаров войну на Кавказе было то, что они подстрекали вождей-горцев к тому, чтобы те совершали набеги на торговые фактории.

Среди дипломатов из других стран, которые оказывали второстепенное по сравнению с Англией и Турцией влияние на ход Кавказской войны, отдельного внимания заслуживает Адам Чарторыйский. Он стремился направить на Кавказ своих агентов с целью подрыва успехов Российской империи в делах с горцами [4, с. 71]. Так, на Кавказе с секретными миссиями побывали Т. Лапинский и Д. Зверковский. Кроме того, в ряду стран, дипломаты которых стремились вмешаться в войну на Кавказе, были Франция и Австро-Венгрия. Особенно из дипломатов других стран следует выделить Яноша Банью, более известного среди горцев Кавказа под именем Мехмед-бей, бывшего полковника венгерской армии, который командовал с 1857 по 1860 год так называемым «европейским отрядом» [8, с. 18] для борьбы с русской армией на Кавказе.

Таким образом, иностранные дипломаты вмешиваясь в войну на Кавказе, преследовали сугубо личные интересы. Например, английские эmissары стремились достичь создания на территории Черкесии особого государства, которое было бы подчинено Британской империи [4, с. 71]. Другими словами, их целью было создание еще одной британской колонии, которая бы укрепила южные рубежи империи. Во многом поэтому английские дипломаты влияли и на турецкое правительство по делам Кавказа. Кроме того, турецкая дипломатия оказывала сильное влияние на распространение мюридизма на Кавказе среди горцев для придания борьбе горцев с русской армией идеологической основы [5, с. 89].

Задачи других стран состояли в непосредственном достижении ослабления Российской империи в ведении «Большой игры». А Царство Польское, естественно, стремилось ослабить Российскую империю, чтобы обрести независимость.

Отношение горских народов к деятельности эmissаров и агентов во время Кавказской войны нельзя назвать однозначным. С одной стороны, горцы Кавказа были благодарны британским и турецким эmissарам за то, что последние помогали противникам России оружием, продовольствием, деньгами и даже людскими ресурсами. С другой стороны, нельзя не отметить, что дипломаты из других стран нередко давали горцам Кавказа пустые обещания о том, что помогут пополнить армию горцев за счет собственных отрядов солдат. Эти обещания, конечно, не выполнялись. Помимо этого, иностранные эmissары способствовали разжиганию еще более острых конфликтов между горцами и российской армией, что горцы, естественно, тоже замечали.

Вмешательство иностранной дипломатии в Кавказскую войну дало свои результаты. Нельзя однозначно ответить, было ли оно положительным или отрицательным для самих иностранных государств. Однако историк В.В. Дегоев уверен, что *«иностранцы не нашли прочной политической и социальной опоры в черкесском обществе, раздираемом соперничеством местных лидеров и “партий”*» [4, с. 216].

Однако многие исследователи сходятся в том, что влияние иностранной дипломатии на горцев было отрицательным, погубившим многие горские народы, которые

в конечном итоге вошли в состав Российской империи. Вмешательство иностранных государств в Кавказскую войну, по словам Л.Д. Федосеевой, «не могло принести горцам ничего, кроме зла» [7, с. 54]. Причиной этого было то, что иностранные дипломаты преследовали исключительно эгоистичные цели по присоединению Кавказа к своим империям.

Литература

1. The fall of Kars – adjourned debate. Hansard, 29 April, 1856 [Электронный ресурс] // Hansard's Parliamentary Debates. 1803–2005. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1856/apr/29/the-fall-of-kars-adjourned-debate-second> (дата обращения: 05.09.2019).
2. Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг.: т. 1–2. Лондон, 1840 [Электронный ресурс] / пер. с англ. Н. Данкевич-Пущиной // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Bell_2/text1.htm (дата обращения: 05.09.2019).
3. Габдрашитова М. Этапы «Большой игры» в Средней Азии [Электронный ресурс] // Вестник ВУиТ. 2009. № 3. С. 261–263. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-bolshoy-igry-v-sredney-azii> (дата обращения: 05.09.2019).
4. Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30–60-х гг. XIX в. Владикавказ: СОГУ. 1992. 315 с.
5. Кудяева С. Г. Исламский фактор и переселение адыгов в Османскую империю (XIX в.) [Электронный ресурс] // Новые технологии. 2008. № 6. С. 89–91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskiy-faktor-i-pereselenie-adygov-v-osmanskuyu-imperiyu-xix-v> (дата обращения: 05.09.2019).
6. Федосеева Л.Д. Английская агентура на Северо-Западном Кавказе в первой половине XIX века [Электронный ресурс] // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. № 1. С. 58–63. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13456836> (дата обращения: 05.09.2019).
7. Федосеева Л.Д. Интересы России и Турции на Северо-Западном Кавказе в первой половине XIX века. [Электронный ресурс] // Вестник АГУ. 2007. № 4. С. 53–60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interesy-rossii-i-turtsii-na-severo-zapadnom-kavkaze-v-pervoy-polovine-xix-veka> (дата обращения: 05.09.2019).
8. Федосеева Л.Д. Иностранное вмешательство в Кавказскую войну [Электронный ресурс] // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. № 4. С. 15–19. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11792392> (дата обращения: 05.09.2019).

**МЕМУАРЫ ТИМОТИ ГОУИНГА «ГОЛОС ИЗ СТРОЯ» КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ**

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, г. Севастополь

До нас дошло не так много воспоминаний, дневников или писем солдат русской армии о Крымской войне. В свою очередь, нижние чины английской армии оставили немало источников по истории Восточной кампании, таких как «Воспоминания молодого солдата о службе во время Крымской войны» Гарри Пауэлла или «Дневник службы в Крыму» Чарльза Эшервуда. Большое количество воспоминаний иностранцев о войне объясняется тем, что они вызывали интерес со стороны европейского читателя, и позволяли ветеранам войны содержать свои семьи за счёт средств, полученных с публикаций [3, с. 22].

Одним из таких участников Крымской войны, впоследствии опубликовавших свои воспоминания, стал Тимоти Гоуинг, бывший сержантом 7-го полка Королевских фузилёров. Его книга «Голос из строя» впервые увидела свет в 1892 г., с тех пор она переиздавалась каждый год вплоть до 1904 г. В 1954 г., в столетнюю годовщину начала Крымской кампании союзников, лондонское издательство «Folio Society» переиздало воспоминания. Последний раз книга была напечатана в 2015 г. [4].

Тимоти Гоуинг родился в 1834 г. в семье священника-баптиста. Ему было 19 лет, когда началась Восточная война, и английское общество сотрясилось от пугающих сводок с театра военных действий. Тогда же он записался в полк королевских фузилёров, который выбрал «за славные подвиги, совершённые на Пиренейском полуострове при предводительстве доблестного лорда Веллингтона» [5, р. 9]. Вскоре английское правительство объявило о войне с Россией. 14 сентября полк Гоуинга высадился в Крыму.

Через шесть дней произошло первое крупное сражение – на Альме. Гоуинг описывает, как англичане наступали, несмотря на «ураган бомб и ядер», а потом с трудом переправлялись через Альму. Он пишет: «Мы бросились вверх по реке и, сбросив ранцы и походные котлы, приготовились к форсированию. На переправе несколько наших утонуло или полегло под картечью» [2].

После того, как войска были расположены под Севастополем, Гоуинг, как и другие солдаты, были заняты тем, что рыли траншеи, несли дежурство, а иногда их посылали в Балаклаву. Об Гоуинге говорил так: «Таскать тяжёлые осадные орудия из Балаклавы — не в бирюльки играть; это был долгий и тяжкий путь по колено в вязкой, что клей, грязи» [2].

5 ноября произошла внезапная атака русских на траншеи англичан, что стало началом Инкерманского сражения. Тимоти Гоуинг считает, что это была попытка «отвлечь внимание нашего командования от более важных позиций» [5, р. 76].

Инкерман остался в памяти «солдатским сражением». Гоуинг пишет: *«Временами туман был такой густой, что мы едва ли могли отличить врагов от друзей. Но нам, однако, удалось отыскать русских и заставить их отступить»* [5, р. 84].

В Инкерманском сражении Гоуинг был ранен. Раненных солдат, из-за загруженности госпиталей, отправили сначала в Скутари, а потом на Мальту, при этом не все раненные перенесли поездку. Сам Гоуинг рассматривает своё ранение как удачу, ведь иначе он остался бы в Крыму на зиму 1854–1855 гг., которую вряд ли пережил бы.

Находясь на Мальте, Гоуинг получал сводки с театра военных действий. Они пишет, что это была тяжёлая зима для англичан: их палатки срывало ветром, лекарств не хватало, а солдаты сидели на голодном пайке.

Автор указывает, что немало солдаты претерпели из-за халатности: *«Шинели оставались в трюмах лихтеров; продукты, лекарства и всё, о чём могли позаботиться добросердечные соотечественники... все это гнило в гавани или было выброшено на берег»* [5, р. 101]. Гоуинг вернулся на фронт в начале марта, к тому моменту бытовые условия англичан намного улучшились.

18 июня союзники предприняли штурм Севастополя. Англичане атаковали «Большой Редан» (3-й бастион), который был наполовину разрушен ещё во время первой бомбардировки (5 (17) октября) [1, с. 348], но штурм, как известно, провалился. Тимоти Гоуинг пишет, что во многом поражение случилось из-за перебежчиков, которые выдали русским дату начала штурма.

Второй штурм Севастополя (8-го сентября) оказался удачным для союзников. Войдя в город, они увидели множество раненных. Гоуинг утверждает, что они сделали всё, что могли для них, пока 10-го сентября не пришёл корабль под белым флагом и не забрал раненных русских солдат.

После объявления перемирия отношения между союзниками сильно ухудшились, в то же время, английские солдаты начали принимать у себя русских. Тимоти Гоуинг писал: *«Наши бывшие враги чувствовали себя как дома, прогуливаясь рука об руку с теми, кто не столь давно противостоял им в жестоких боях»* [2].

Поводя итог, отмечу, что воспоминания Тимоти Гоуинга содержат множество подробностей сражений, которые помогают увидеть, как развивались события, и деталей солдатского быта, что бесценно для понимания того, как английские солдаты прошли через Крымскую войну.

Литература

1. Тарле Е.В. Крымская война: Том II. М.: Военмориздат, 1943. 648 с.
2. Тимоти Гоуинг. Голос из строя [Электронный ресурс] // Сайт «Military Крым»; пер. с англ. Е. Ту-пахиной. URL: <https://mil.sevhome.ru/voenistor/crimeanwar/anglarmy/timoti-gouing-golos-iz-stroja/> (дата обращения: 05.09.2019).
3. Ченный С.В. Крымская кампания (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.). Часть 1. Вторжение. Севастополь: Гала, 2010. 437 с.
4. Gowing T. (Timothy) 1834–1908. Publication Timeline [Электронный ресурс] // Электрон. журн. URL: <http://worldcat.org/identities/lccn-no2004042779/> (дата обращения: 05.09.2019).
5. Gowing T.A. Soldier's Experience: Or, A Voice from the Ranks. Nottingham: T. Forman, 1892. 145 p.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫЧЕСТВА В XIX ВЕКЕ В РОССИИ

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, г. Севастополь

В последние три десятилетия все большую популярность приобретает неоязычество, проявляющееся в различных формах. Причем неоязычество не стало бы таким популярным в наши дни, если бы не было соответствующей источниковой базы, на которую могли бы опереться идеологи неоязычества, а также рядовые интернет-пользователи, интересующиеся славянским язычеством. Как установлено в ходе исследования, специалисты, изучавшие вопрос славянского язычества, в той или иной степени в своих работах руководствовались не только научными интересами, но и имели более общие социокультурные и политические ориентиры. Несмотря на наличие научных работ, посвященных смежным проблемам, предмет нашего исследования является актуальным, т.к. существуют узконаправленные труды, в которых были изучены взгляды отдельных исследователей, мы же хотим обобщить материал по заданной теме. Целью данной работы является выявление исторических интересов исследователей славянского язычества в период популяризации этого вопроса в историко-филологическом сообществе в XIX веке в России.

Главным катализатором разработки проблемы славянского язычества в начале XIX в. стали разыскания немецких мифологов и фольклористов относительно германского и индоевропейского эпоса на рубеже XVIII–XIX вв. Эта тенденция была перенята и российскими аматерами в сфере древнейшего наследия предков, такими, как А.С. Кайсаров и Г.А. Глинка, которые своими сочинениями лишь наметили поле деятельности для будущих поколений ученых. Первые работы о славянском язычестве были, в первую очередь, сочинениями романтического толка, где их авторы пытались нарисовать богатую различными божествами и поверьями картину прошлого.

В сороковые годы XIX века отечественные исследователи не были лишены романтизма в своем отношении к славянскому культурно-религиозному прошлому, хотя серьезнее подошли к изучению славянского язычества, что выразилось в использовании более широкого спектра источников и некоей систематизации язычества у И.И. Срезневского. Однако не без упущений в виде обращения к поддельным источникам, увлечения панславизмом, в чем больше своего современника преуспел Н.И. Костомаров, подверженный идеям, подрывающим российскую государственность. Н.И. Костомаров шагнул в этом плане дальше своего учителя и был более пристрастным к идеям панславизма и развитию украинского языка и украинской национальной идентичности как таковой. Изначально и сам И.И. Срезневский полагал, что малороссийское наречие может выделиться в отдельный язык. Однако к 70-м годам XIX в. он уже относился к этому вопросу совсем иначе: *«Нет никакой нужды уничтожать или прекращать письменность этих наречий, но нет необходимости делать эту письменность самостоятельной, отдельной литературой, принадлежащей как бы отдельному народу»* [1, с. 278].

С середины XIX в. изучение славянского язычества и славянской мифологии получает новое развитие в работах главным образом филологов, а потом уже этнографов и историков. Это происходило усилиями деятелей неоднородной «мифологической школы», среди которых следует выделить Ф.И. Буслаева, А.А. Котляревского, А.Н. Афанасьева, в работах которых красной нитью проходит идея о том, что в народном эпосе содержатся остатки мифологии, а также с разных позиций освещается феномен двоеверия. Пережитки романтизма еще давали о себе знать в работах исследователей, в особенности у А.Н. Афанасьева. Однако нельзя не отметить новые витки рациональности в исследованиях А.А. Котляревского, симпатизировавшего западническим идеям. Противники «мифологов» в лице К.Д. Кавелина, А.Н. Пыпина, Н.Г. Чернышевского находили занятие реконструкцией мифологии из поэзии пустым занятием, видя необходимость в изучении обрядов и обычаев. По этому поводу вокруг проблемы славянского язычества развернулась целая дискуссия на страницах столичных издательств между Ф.И. Буслаевым и его противниками. На рубеже 50–60 гг. XIX в. мы можем наблюдать столкновения сторонников поэтического и позитивистского подходов, а также заинтересованность в проблеме языческого прошлого западниками и славянофилами. Причем не редкостью было изменение взглядов, итогом которого становилось рассмотрение русской культуры отдельно от западнических и славянофильских идей.

К концу XIX в. были прекращены попытки наивные попытки воскрешения восточнославянской мифологии из пепла, а также упорные ее разыскания в народном эпосе. Произошла некоторая рационализация подходов к изучению язычества. Часть исследователей в лице Д.К. Зеленина и П.Г. Богатырева сделала акцент на современном этнографическом материале, изобилующем пережитками язычества в тех или иных его проявлениях. А часть из них в лице Е.В. Аничкова, Н.М. Гальковского ставили перед собой задачу определить состояние язычества в момент его формальной гибели, а также проследить его искоренение или отсутствие. При том, что Е.В. Аничков был равнодушен к жизни и быту народа, что отчасти проявилось в его поддержке концепции славянского язычества как «сельскохозяйственной религии», а Н.М. Гальковский был христианским поэтом, получившим богословское образование. Подобная направленность исследований свидетельствует о том, что к концу XIX в. в простонародье бытовали те или иные пережитки язычества, что с одной стороны мало кого удивляло, а с другой ставило под сомнение силу христианства.

Таким образом, на протяжении XIX века восприятие славянского язычества починалось в некоторой степени принципу маятника, несмотря на то, что можно проследить некую эволюцию в рационализации подходов к изучению восточнославянского язычества, параллельно шла романтизация язычества и вписывание его в рамки той или иной социокультурной системы. Причем романтизация началась раньше и сохраняла свои позиции около четверти века. С одной стороны, исследователи воплощали свои идеи в эфемерном славянском язычестве, а с другой они сами подвергались его влиянию, в особенности исследователи романтического склада, воспринимая не только как объект исследования, но уже как часть своего мировоззрения.

Литература

1. Срезневский И.И. Русский биографический словарь. Т.19. СПб, 1909.

ПОДСЕКЦИЯ «Новейшая история»

УДК 94(477.75)“1991–2014”

Борисов С.Д.

МУССОН СМЕНИЛСЯ ШТИЛЕМ? СУДЬБА ПРИБОРОСТРОИТЕЛЬНОГО КЛАСТЕРА В СЕВАСТОПОЛЕ ПОСЛЕ 1990 ГОДА

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, г. Севастополь

В Севастополе, начиная с 1960-х годов, по окончании послевоенного восстановления, был сформирован передовой приборостроительный кластер, ориентированный в эпоху «холодной» войны на военно-промышленный комплекс Советского Союза. Он был представлен рядом предприятий, главными из которых по праву считались Радиозавод им. В.Д. Калмыкова (в дальнейшем – НПО «Муссон») и Севастопольский приборостроительный завод «Парус» (с 1980 г. – Севастопольский приборостроительный завод имени В.И. Ленина), а также факультет автоматики и счётно-решающих устройств СПИ и созданное при «Муссоне» ПТУ № 28.

Практически все суда СССР имели на борту передатчики «Бриг», «Корвет», «Барг», «Муссон»; аварийно-спасательные буи (АРБ) КОСПАС-САРСАТ, созданные на «Муссоне».

«Парус» специализировался на выпуске боевых информационно-управляющих систем (БИУС), поставлявшихся на атомные подводные лодки, и бортовых цифровых вычислительных комплексов, используемых для крылатых ракет. Севастопольский приборостроительный институт и ПТУ № 28 выступали основными поставщиками кадров на вышеуказанные предприятия.

1990-е годы преподнесли тяжёлое испытание структурным компонентам кластера. Сворачивание военной программы в связи с разрушением Советского Союза, отсутствие рынков сбыта, разрушение технологической производственной цепочки породили вызовы, на которые вышеупомянутым севастопольским производственным гигантам ещё предстоит ответить.

«Парус» попал в тяжелейшую экономическую ситуацию. 30 сентября 2003 года в газете «Слава Севастополя» вышла статья с заголовком: *«Погубить такой завод!»* [1, с. 7].

В этой статье журналист брал интервью у бывших сотрудников «Паруса», которые жаловались не невыплаченные уже в течение 10-ти лет зарплаты, говорили о том, что такое градообразующее предприятие нельзя было забрасывать. *«Переходя из рук в руки, предприятие с каждым годом теряло людей, оборудование. Проваливались полы, текли крыши, рушились стены. Долги по зарплате людям, как уволенным, так и работающим, не выплачены с 1996 года... Директора: Ледяев, Лакс, Скурской (все трое искали свою выгоду, проблемы завода так и остались нерешёнными), Анатолий Иванович Юфман – смог найти деньги на погашение задолженности, впрочем, за 10 лет практически все высококвалифицированные специалисты уже ушли с работы»* [1, с. 7].

В 2006 году эпопея подошла к концу, что отразилось в заголовке очередной статьи в газете «Крымское время» от 15 августа, 2006 года: «Севастопольский завод «Парус» купят москвичи». В статье сообщалось: *«Российская электротехническая компания «Динамо» приобрела контрольный пакет акций предприятия «Парус» за 6250 тыс. грн.»* [6, с. 9].

Некогда одно из главных градообразующих предприятий Севастополя, расположенный на Северной стороне Приборостроительный завод «Парус», сейчас имеет удручающий вид. Некоторые помещения бывшего предприятия работают, но номенклатура производимой продукции существенно сократилась в масштабах и сложности. В этой связи в марте 2018 года, в рамках вопроса президенту России, Владимиру Владимировичу Путину, почётный гражданин города Севастополя Евгений Генералов (с 1971 г. по 1979 г. работал директором «Паруса») предложил возродить завод. Президент дал губернатору города Д.В. Овсянникову соответствующее поручение. Остаётся надеется, что оно будет успешно исполнено уже новым руководителем региона М.В. Развожаевым, тем более что эта задача числится в государственной программе «Развитие промышленности г. Севастополя на 2017–2020 годы». По этому поводу, также в 2017 году, сразу после утверждения вышеупомянутой программы на заседании правительства, высказался Элимдар Ахтемов, директор Департамента экономики: *«Данная программа предусматривает содействие созданию и развитию производственной базы предприятий, компенсацию процентной ставки по кредитам, содействие размещению новых или переносу существующих производственных мощностей на пустующие промышленные площадки. В частности, уже подписано соглашение с заводом «Парус». Эта мера позволит задействовать пустующие площадки и создать рабочие места на Северной стороне»* [5].

Что касается радиозавода «Муссон», большинство производственных помещений сейчас также пустует после дезинтеграции Советского Союза, а в главном здании располагается одноимённый торговый центр. Тем не менее, жестокий рок 1990-х был более благосклонным к «Муссону», нежели к «Парусу»: некоторые цеха этого завода продолжают производственную деятельность.

В 1996 году, когда радиотехнический цех был уже закрыт, остатки сохранившегося магистрального направления превратились в отдельное уникальное подразделение ДНПП (Дочернее научно-производственное предприятие) «Муссон-Морсвязь-Сервис». Начало было положено: вскоре после этого стали создаваться и другие дочерние предприятия, некогда бывшие цехами колоссального научно-производственного объединения. «Муссон-Морсвязь-Сервис» возглавил М.М. Потапов. Сперва на предприятии доделывали старые изделия, но вскоре начали модернизацию аварийно-спасательных буёв. Эти АРБ, с новой электронной начинкой, модернизированные, адаптированные к системе GMDSS (Глобальная Морская Система Связи при бедствиях), производили до 2003 года. На основе этого возникла идея создания нового типа товаров: устройств для проверки техники связи разных диапазонов, установленной на судах. Директор подчёркивает, что на этом поприще удалось опередить множество зарубежных конкурентов [4, с. 8]. Практически ежегодно коллективу ДНПП удавалось выпускать новое изделие собственной разработки, необходимое для обеспечения безопасности моряков и судов. Инженеры предприятия пришли к иной элементной базе, технологиям и конструктивным решениям. В 2004 году выпущен очередной новый АРБ, сертифицированный

в России, Украине и Европейском союзе. В 2006 году покупатели различных стран закупали технику 4-х наименований, созданную на ДНПП «Муссон-Морсвязь-Сервис»: начиная с аварийно-спасательных буёв до устройств, предназначенных для тестирования аппаратуры. Например, АРБ МП-406 получил европейский сертификат качества и поставлялся в Грецию, Турцию и Испанию [4, с. 8].

«Конструкторское бюро Радиосвязи», располагавшееся раньше в так называемом «Одеколоне» – здании на улице Вакуленчука, также успешно пережило 1990-е и продолжало работу до середины 2000-х. «Конструкторское бюро радиосвязи» являлось единственным на Украине предприятием, где разрабатывались и производились системы связи в коротковолновых, ультракоротковолновых, МТВ-диапазонах [2, с. 4]. При В.Ф. Януковиче КБ было включено в перечень предприятий, имеющих стратегическое значение для экономики и безопасности государства. К сожалению, после 2005 года, как замечает севастопольский общественный деятель А.Ю. Гайдук, КБ уничтожалось рейдерскими группами, заинтересованными в завладении недвижимым имуществом этого предприятия, его земельными участками [2, с. 5].

В 1968 году при Севастопольском радиозаводе была создана мощная специализированная испытательная лаборатория. До начала 90-х годов она была головной в СССР по испытаниям аппаратуры радиосвязи морского базирования и одним из ключевых звеньев в структуре производства радиоэлектронных систем и оборудования, выпускаемых заводом. Вся разрабатываемая и выпускаемая заводом продукция проходила через комплекс сложных наукоёмких испытаний в этой лаборатории. На всех судах СССР – гражданских и военных – стояла аппаратура, прошедшая лабораторные испытания [3, с. 10].

В 1991 году лаборатория была выделена в самостоятельное предприятие со статусом юридического лица, и на её базе организовали государственное предприятие «Испытательный центр «Омега»» [3, с. 10].

После распада концерна «Муссон» предприятие не только сохранило научно-технический потенциал, но и значительно модернизировало его, как с научной точки зрения, так и в плане организации эффективного менеджмента в условиях рыночных отношений. Сегодня «Омега» известна в России и Европе как современная лаборатория по испытаниям средств радиосвязи и другого радиоэлектронного оборудования. Все операторы мобильной связи, национальные телерадиокомпании, корпоративные системы связи используют оборудование, испытанное специалистами севастопольской «Омеги» – продолжателями дела Севастопольского радиозавода [3, с. 11].

Таким образом, несмотря на экономический крах 1990-х приборостроительный кластер Севастополя ещё можно возродить, поскольку сохранились важнейшие технологии, продолжают работу «наследники» производственных гигантов 1960–1980-х гг., а также, по словам А.Ю. Гаидука, *«имеется серьёзная интеллектуальная база, действуют технические ВУЗы, которые готовят кадры для работы в наукоёмких отраслях, в городе живёт множество специалистов высочайшего уровня»* [3, с. 11]. Есть основания предполагать, что стратегия федерального и регионального правительств по восстановлению приборостроительной промышленности г. Севастополя обоснована и перспективна.

Литература

1. Артемьев О.П. Погубить такой завод! (интервью с бывшими сотрудниками приборостроительного завода «Парус») // Слава Севастополя. 2003, 30 сентября, № 33. С. 7.
2. Губанов В. Будет ли работать «КБ радиосвязи» (интервью с депутатом городского Совета, Артёмом Гайдуком) // Севастопольские известия. 2009, 16 мая, № 5. С. 4.
3. Долгополов И. Испытательный центр «Омега» – продолжение жизни Севастопольского радио-завода (интервью с директором ГП «Испытательный центр «Омега», Николаем Беликовым) // Слава Севастополя. 2008, 27 ноября, № 11. С. 10.
4. Заворотная Н.А. Снова завоевав место под солнцем (интервью в директором ДНПП «Муссон-Морсвязь-Сервис» М. М. Потаповым) // Труженики моря. 2006, 03 февраля, № 5. С. 8.
5. Интервью с директором Департамента экономики г. Севастополя Элимдаром Ахтемовым. [Электронный ресурс] // URL: <https://sev.news/2016/10/sevastopol/sobytiya/069255517/> (дата обращения: 06.09.2019).
6. Козлова С.Б. Севастопольский завод «Парус» купят москвичи // Крымское время. 2006, 15 августа, № 23. С. 9.

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В БЕРЕГОВОМ РАЙКОМЕ РКП(Б)
НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД С МАРТА 1919 ПО 1920 ГОД**

*Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы
Минина, г. Нижний Новгород*

Начало марта 1919 г. в Береговом райкоме ВКП(б) Нижегородской губернии было ознаменовано общим собранием рабочих водного транспорта – коммунистов и сочувствующих, состоявшимся 2-го числа. В ходе собрания была представлена отчетность агитаторов о посещении Доскинского, Сормовского, Дуденевского, Сеймовского и Собчинского затонов, произведено рассмотрение доклада о выборах в Комитет партии и принятие мер в отношении нарушителей партийной дисциплины на митинге в Городском Совете, что выразилось в публикации порицания в газетах «Нижегородская Коммуна» и «Бурлак – Коммунист» [1, л. 18 (об)].

7 марта состоялось заседание Нижегородского коллектива коммунистов – рабочих водного транспорта (далее, р.в.т.) Волжского бассейна, в ходе которого, на основе рассмотрения доклада об организации судоходной Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией, спекуляцией и преступлениями по должности, было принято решение о назначении членов последней. Наряду с этим, было произведено назначение агитаторов для организации поездки по затонам 12-го и 13-го марта. Агитаторы были направлены в Люлиховский, Собчинский, Жуковский, Муромский, Сормовский, Доскинский, Дуденевский, Сеймовский затоны, а также в Черноречье, Сибирскую пристань и Слуду [1, л. 19].

В ходе экстренного собрания р.в.т. коммунистов, состоявшегося 9-го марта, было постановлено рассмотреть положения о создании судоходных Чрезвычайных Комиссий и выработать тезисы взаимоотношений данных учреждений с иными организациями [1, л. 20]. Особый интерес представляет и протокол заседания Президиума Нижегородского коллектива коммунистов р.в.т., состоявшегося 15 марта. Так, в ходе заседания было произведено, по случаю 2-й годовщины свержения царизма и торжеств, посвященных Парижской Коммуне, очередное назначение затонных агитаторов. Кроме того, одним из постановлений заседания было произведено упразднение Комитета р.в.т. Сибирских и Петроградских пристаней [1, л. 21]. Одним из первых пунктов распорядка общего собрания коммунистов р.в.т., состоявшегося 16-го марта, стало заслушивание докладов агитаторов о посещении затонов [1, л. 22]. Немалый интерес вызывает то обстоятельство, что в протоколе не было зафиксировано основное содержание докладов. Вместе с тем, можно утверждать, что организация агитационных «командировок» возымела определенное действие: так, по свидетельству протокола общего собрания коммунистов и сочувствующих РКП(б) при Собчинском затоне, состоявшегося 23-го апреля 1919 года, в ходе заседания был представлен отчет

казначей культурно-просветительского кружка, а также принято постановление о каталогизации книг, имеющихся в распоряжении библиотеки [2, л. 9].

По свидетельству протокола экстренного заседания членов Комитета и ячейки коммунистов и сочувствующих при затоне «Слуда» от 25-го марта, были произведены выборы члена по проверке закупочной комиссии. Согласно протоколу общего собрания рабочих и служащих при ремонтных мастерских затона «Слуда», состоявшегося 16-го июня 1919 года, были произведены перевыборы Затонного Комитета и принята резолюция о борьбе с дезертирством [3, л. 10]. Кроме того, в ходе общего собрания затонного комитета и ячейки при затоне «Слуда», состоявшегося 26-го июля, была организована комиссия по учету, связанному со столовой и культурно-просветительским кружком [3, л. 8]. Однако в затонах наблюдались и негативные тенденции политического характера. Так, согласно заявлению «Механической мастерской» при затоне «Слуда», в ходе обсуждения предстоящих выборов затонкома, один из мастеров последней, ранее призывавшийся к ответу за контрреволюционную деятельность, стал вести агитацию против поступивших инструкций, выдвинув своего кандидата, бывшего беспартийным [3, л. 13]. По свидетельству заявления, поступившего из затона «Слуда» в Президиум Нижегородского коллектива коммунистов р.в.т., указанный мастер вел агитацию контрреволюционного характера и в ходе выборов, в присутствии делегатов последнего и Райкомвода [3, л. 14]. Подобные тенденции имели место и ранее. Так, в ходе собрания ячейки коммунистов и сочувствующих при затоне «Слуда», состоявшегося 10-го апреля 1919 года, за саботаж был отстранен от службы плотничный мастер [3, л. 16].

Возвращаясь к рассмотрению итогов общих собраний коммунистов р.в.т., следует отметить, что, несмотря на отдельные проявления контрреволюционных настроений, агитационная деятельность благоприятно сказалась на общем политическом положении в затонах. Так, по свидетельству протокола общего собрания коммунистов р.в.т. от 30-го марта, в ходе заслушивания докладов о поездке по затонам в связи с днем Парижской Коммуны, было установлено, что организованные в последних митинги произвели благоприятное впечатление на рабочих [1, л. 24]. Наряду с этим, согласно протоколу заседания Президиума Коллектива коммунистов р.в.т. от 3-го апреля, в ходе заслушивания доклада о ходе работ по ремонту флота в Сормовском затоне, были выявлены нарушения в отношении сроков их производства и качества, возникшие вследствие бездеятельности и саботажа ряда ответственных лиц [1, л. 25]. Дальнейшие действия коммунистов Берегового райкома были ориентированы, как и ранее, на укрепление партии на местах.

Так, согласно протоколу заседания Президиума Нижегородского коллектива коммунистов р.в.т. от 31 марта 1919 года, было вновь произведено назначение агитаторов для инструктирования затонных ячеек [1, л. 26]. В ходе заседания Президиума, состоявшегося 6 апреля, было утверждено пополнение рядов партии двумя новыми членами и 19-ю сочувствующими [1, л. 27]. По свидетельству обращения, адресованного ячейке сочувствующих РКП(б) Муромского затона и датированного 28-м марта 1919 года, Коллектив коммунистов р.в.т. направил в последнюю 49 анкет с заявлениями об удостоверении подписи [4, л. 47]. Наряду с

этим, местные коммунисты принимали меры и о перераспределении кадров: так, согласно протоколу заседания Президиума от 9 апреля, в связи с исполнением поручения Губкома, два члена РКП(б) были направлены в Казань для интенсификации агитационно-пропагандистской и культурно-просветительской работы; помимо этого, постановлено откомандировать заведующего Судоходным домом [1, л. 30].

Значительное внимание уделялось в этот период и идеологической стороне работы. Так, по свидетельству протокола заседания Президиума Нижегородского коллектива коммунистов р.в.т. от 11-го апреля, было постановлено произвести подготовку к празднованию Первомая: в частности, организовать митинги в Блиновском пассаже, доме Ненюкова и в клубе коммунистов. Кроме того, было постановлено организовать в Районном партийном клубе спектакль-митинг [1, л. 31(об.)]. В числе прочего, в ходе общего собрания Нижегородского коллектива коммунистов р.в.т. от 13-го апреля, было выдвинуто 8 кандидатов для участия в предстоящей районной конференции [1, л. 32]. Коммунистами Берегового райкома практиковалась и регулярная смена местного руководящего состава. В частности, в ходе выборов Президиума Нижегородского коллектива коммунистов 26-го апреля были утверждены председатель, его товарищ (в должностном отношении), а также секретарь [1, л. 34].

Значительный интерес представляют сведения о работе районной конференции, доклад о которой был заслушан в ходе заседания Президиума, состоявшегося 29-го апреля. Так, в конференции приняли участие 76 делегатов; в ходе заседания была выявлена необходимость распространения идеологической литературы, формирования и политического воспитания армии, введении личной ответственности партийных служащих. Наряду с этим, была выявлена и необходимость выяснения отношения к советской власти рабочих заводов и иных профессиональных организаций, что выразилось в предложении созвать конференцию.

Вопрос об отношении к советской власти привлекал внимание местных коммунистов и ранее. Так, 29-го марта 1919 года, Вожский коллектив коммунистов направил обращение ко всем партийным ячейкам, содержавшее поручение составить перечень служащих флота, имеющих подозрительные политические взгляды в отношении советского строя, а также указать, какие суда находились в плену у белогвардейцев [4, л. 50]. Позже, 8-го апреля в партийную ячейку РКП(б) Муромского затона поступило обращение относительно преступной агитационной деятельности одного из членов. Возвращаясь к рассмотрению итогов районной конференции, следует отметить, что помимо прочего, в ходе заседания было принято решение о выделении каждым из районов 10 партийных работников для ведения агитационной деятельности в деревне. В ходе заседания была представлена статистика о партийной мобилизации, осуществленной в рамках Берегового райкома. В частности, 150 человек было направлено в деревню и казармы, 30 – в Казань, а также мобилизовано, согласно постановлению, 10% членов партии и 20% сочувствующих [1, л. 35(об.)].

В мае 1919 года коммунистами Берегового райкома существенное внимание было уделено агитационно-пропагандистской деятельности. В частности, как свидетельствует протокол заседания Президиума от 6-го мая, было произведено назначение агитаторов в распоряжение Губвоенкома и постановлено организовать

митинги на пароходах «Обь» (в тот же день), «Касимов» (7-го мая), а также возле Ромодановского вокзала (8-го мая) [1, л. 36].

В ходе заседания Президиума от 19-го мая было произведено назначение агитаторов в Доскинский, Собчинский, Люлиховский, Жуковский затоны, в «Слуду» и постановлено организовать так называемые «летучие» митинги на Меркурьевской и Окской пристанях на тему «В день борьбы с Колчаком» [1, л. 39]. В ходе заседания Президиума, состоявшегося 27-го мая, были утверждены ячейки на пароходах «Владимир» и «Строгальчик», назначены агитаторы для проведения в затонах «Слуда», Люлиховский, Доскинский (28-го мая), а также в районном партийном клубе 30-го числа мероприятий на тему «Задача женщин-пролетарок и текущий момент». Наряду с этим, было постановлено организовать митинги на Городской Новинской, Окской пристанях, возле Ромодановского вокзала, на заводах «Костино», «Леопарк», «Салолин» [1, л. 40].

Очередное назначение агитаторов, поступавших, согласно протоколу, в распоряжение Губкома, было произведено в ходе заседания Президиума, состоявшегося 5 июня [1, л. 42]. Наряду с этим, согласно протоколу заседания Президиума от 13 июня, были вновь назначены агитаторы для организации митингов на заводах, пристанях и в затонах в период с 13-го по 22-е июня и утверждена ячейка на пароходе «Томск» [1, л. 43]. 3 июля, согласно протоколу заседания Президиума, была утверждена партийная ячейка на пароходе «Никитин».

Таким образом, деятельность местных коммунистов в рамках Берегового райкома была направлена, главным образом, на упрочение влияния большевиков на уровне партийных ячеек, в пользу чего свидетельствуют рассмотренные выше архивные данные.

Литература

1. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Протоколы президиума и общих собраний коллектива водного транспорта Волжского бассейна (2 января 1919 года – 10 декабря 1919 года). Ф. 31. Оп. 1. Д. 22. 115 л.
2. ГОПАНО. Протоколы группы сочувствующих РКП(б) при затоне Собчино (23 декабря 1918 – 18 ноября 1919 года). Ф. 31. Оп. 1. Д. 32. 21 л.
3. ГОПАНО. Протоколы общих собраний ячейки РКП(б) при затоне «Слуда» (январь 1919 – декабрь 1919 года). Ф. 31. Оп. 1. Д. 33. 28 л.
4. ГОПАНО. Протоколы и переписка ячейки ВКП(б) Муромского затона (январь 1919 – декабрь 1919 года). Ф. 31. Оп. 1. Д. 36. 80 л.

КРЫМСКИЙ МОСТ В ИСТОРИКО-ПАТРИОТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, г. Ялта

Уже 5 лет, как Крым, по меткому замечанию президента страны В.В. Путина, вернулся в Родную Гавань, в семью Российских народов. Воссоединение Крыма с Россией повлекло за собой ряд социально-экономических задач. Ведутся стройки федерального значения, одна из них это Крымский Мост, который надёжно связал нас с материковой частью страны. Благодаря этому каждый житель России сможет с комфортом посетить полуостров, познакомится с его уникальной историей, а это будет способствовать укреплению патриотических чувств граждан.

В 2014 году, после Воссоединения Крыма с Российской Федерацией и в связи с ухудшением отношений с Украиной, резко актуализировался вопрос о соединении полуострова с материковой частью России. Мост через Керченский пролив хотели построить еще в Царской России и СССР.

В 1899 году российский инженер Владимир Менделеев всерьез задумался о соединении полуострова с материковой частью России через керченский пролив. Он предложил проект поднятия уровня Азовского моря запрудой Керченского пролива, но его работа вышла в свет уже после смерти автора. Позже было предложено два варианта строительства железнодорожного мостового перехода: южный, проходящий через Тузлинскую косу и северный, между косой Чушка и Керченским полуостровом. Осуществлению этих двух проектов помешала начавшаяся Первая мировая война [1].

В следующий раз вопрос о строительстве переправы через керченский пролив встал во время Великой Отечественной войны и был связан с необходимостью регулярного и беспрепятственного снабжения войск. В 1942 году немецкие войска начали строительство канатной дороги через акваторию пролива. Ее открыли 14 июня 1943 года, и она могла пропускать до тысячи тонн груза в сутки. А. Гитлер отдал приказ начать строительство железнодорожного и автомобильного моста через Керченский пролив, чтобы в будущем начать вторжение в Иран через Кавказ. Весной начались строительные работы, но наступление Красной армии сорвало планы немцев и не позволило им закончить строительство. При отступлении немецкие войска частично демонтировали уже построенную канатную дорогу и разрушили недостроенный мост.

В феврале 1944 года советские войска восстановили канатную дорогу и использовали ее в своих целях. Позже канатную дорогу разобрали и перевезли в Карпаты. 25 января 1944 года Государственный Комитет обороны СССР издал указ о строительстве железнодорожного моста через Керченский пролив. Мост решили строить по северному маршруту. Возводили его из брошенных немцами материалов, и через 7 месяцев ударного труда мост был готов. Общая протяженность моста составляла 6 км, в нем было 111 опор. Однако из-за того, что мост строили в спешке, чтобы уложиться в сроки, успели установить только 5 ледорезов. 18 февраля 1945 года в пролив из Азовского моря нагнало

лед, который разрушил и повредил опоры. За несколько дней до этого события по мосту проезжал поезд с советской делегацией, которая возвращалась с Ялтинской конференции. К сожалению, восстанавливать мост не стали в связи дороговизной проекта. Правительственная комиссия рекомендовала разобрать руины и возвести новый мост. Остатки старого моста мешали судоходству вплоть до 1968 года, пока не началась ликвидация остатков сохранившихся опор.

После окончания войны было запланировано строительство нового моста. Уже в 1950-х годах началось проектирование под руководством инженера-мостостроителя Бориса Константинова. Но, к сожалению, конечная стоимость проекта была высока, решили построить паромную переправу. В 1954 году ее ввели в строй, в 1955 г. между Крымом и Кавказом начали курсировать железнодорожные паромы. В 1975 году был построен первый автомобильный паром. В летнее время между портами курсировали пассажирские катера. Однако, паромной переправы было недостаточно, и СССР предпринял еще одну попытку строительства моста в связи с ухудшением экологической обстановки в Азовском море, так как из-за работы Волго-Донского канала и Кубанского водохранилища сократилось поступление пресной воды в водоем на 40%. В результате этого море стало слишком соленым, и рыба в нем погибала. Проект согласовали, уже практически приступили к выполнению работ, но из-за того, что в то время появился проект защитной дамбы в Ленинграде, предпочтение отдали этому проекту, осуществлять два масштабных проекта одновременно государство не могло себе позволить [3].

В 1991 году в Государственный план социально-экономического развития СССР было внесено проектирование и строительство моста. После распада Советского Союза было еще несколько проектов, но они были либо слишком дороги, либо технически сложны.

В начале двухтысячных годов российские и украинские инженеры начали разрабатывать новый проект строительства транспортного перехода. В 2008 году Украина и Россия договорились начать совместное строительство моста, которое должно было закончиться к 2014 году. Но к сожалению договоренности не были соблюдены украинской стороной, и к реализации проекта так и не приступили. Долгожданное строительство моста началось лишь после Воссоединения Крыма с Россией [3].

19 марта 2014 года Президент РФ В.В. Путин поставил министерству транспорта задачу связать Крым с материковой частью России. Для этого нужно было построить два моста: железнодорожный и автомобильный. Эксперты рассмотрели 74 варианта строительства, и в итоге выбрали наиболее оптимальный вариант: два параллельных моста – железнодорожный и автомобильный, которые проходят по косе и острову Тузла. К концу 2017 года строители завершили сборку автомобильного моста, а в начале 2018 года начали укладывать асфальтобетон, устанавливать барьерные ограждения и освещение. Одновременно с этим строители возводят и железнодорожную часть моста. В апреле 2018 года строители пообещали запустить мост в мае. Вначале по мосту могли проехать только легковые автомобили и автобусы, а движение для грузовых автомобилей открыли осенью 2018 г. [5].

Крымский мост состоит из двух частей: железнодорожный двухпутный и автомобильный в четыре полосы. Длина моста составляет 19 километров.

В Керченском проливе существуют следующие негативные природные факторы: высокая сейсмическая активность, толстый слой ила на дне и сильные ветра.

Совокупность этих факторов усложняет постройку столь тяжелого и большого сооружения. Для решения этой проблемы инженеры вбили под углом для дополнительной устойчивости сваи длиной до 105 метров в слои твердых пород. На этих сваях стоят около шестисот опор, которые держат пролет конструкции. Дополнительно опоры с пролетами соединяют шок-трансммитеры, которые позволяют мосту выдержать девятибалльное землетрясение. Опоры моста установлены вне зон грязевой вулканической активности и тектонических разломов [4].

Дорожное покрытие моста состоит из двух слоев: нижний – гибкий и эластичный, с битумными присадками, и верхний – прочный. Это позволит мосту без особых усилий пропускать в сутки около сорока тысяч автомобилей. А железная дорога позволит пропускать до 47 пар поездов в сутки. Мост имеет свой центр управления, в котором за его состоянием следят 18 диспетчеров. Система постоянно мониторит состояние конструкции, также имеется семь метеостанций, около четырехсот датчиков и 19 камер видеонаблюдения. Опоры моста защищены гидротехническими сооружениями от случайных столкновений кораблей и даже таранов. Периметр моста активно охраняется. Итоговая стоимость сооружения составила 227,92 миллиардов рублей [2].

Крымский мост – это проект, осуществление которого планировалось чуть более 100 лет. Крым всегда был одним из важнейших элементов самосознания россиян. Конструирование самого масштабного и протяженного сооружения в Российской Федерации считается символом патриотизма, движения к новому миру. Строительство Крымского моста стало одним из наиболее значимых событий в истории современной России. Его открытие ознаменовало новую эру в социально-экономической жизни полуострова и всей страны.

Литература

1. Галактионова А. Крыму в дар: как строят самый длинный и дорогой мост в России // Forbes. 2016. Август. № 08 (149). С. 92–101.
2. Ларионова Т. И распахнутся в Крым ворота // Транспорт России. 2017. № 36 (999).
3. Распоряжение Президента Российской Федерации от 21.08.2018 № 227-рп «Об учреждении памятной медали „За строительство Крымского моста“» [Электронный ресурс] // Законы, кодексы и нормативно-правовые Акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-prezidenta-rf-ot-21082018-n-227-rp-ob-uchrezhdenii/> (дата обращения: 05.09.2019).
4. Суворова А. В Крым тянут временный мост [Электронный ресурс] // Крымский телеграф. URL: <http://ktelegraf.com.ru/7050-v-krum-tyanut-vremennyj-most.html> (дата обращения: 05.09.2019).
5. Тимкив В. На охрану Крымского моста в этом году выделят 54 млн. руб. [Электронный ресурс] // РИА «Новости». URL: <https://crimea.ria.ru/economy/20180512/1114431658.html> (дата обращения: 05.09.2019).

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЕВАСТОПОЛЯ
В 1944-1991 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «СЛАВА СЕВАСТОПОЛЯ»)**

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, г. Севастополь

Комсомол – российский коммунистический союз молодежи. РКСМ был создан 29 октября 1918 г. после I Всероссийского съезда союзов рабочей и крестьянской молодежи. В 1924 г. союзу было присвоено имя В.И. Ленина (РЛКСМ), а в 1926 г. он был переименован во Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи. Целью деятельности этой организации было вовлечение молодежи в общественную жизнь, подбор кадров и их воспитание для работы в партии, воспитание резерва партии; воспитание молодых людей в духе коммунизма, подготовка их к строительству нового общества.

Изучение работы комсомольской организации актуально в наши дни в связи с возможностью повышения эффективности ныне создаваемых молодежных организаций, в частности РСО – Российских студенческих отрядов. Руководящие органы страны всегда привлекают молодежь к общественной деятельности. Государство осуществляет военно-патриотическое воспитание нового поколения граждан.

На сегодня деятельность комсомольской организации Севастополя в 1944–1991 гг. комплексно не изучена: в научных работах присутствует либо информация о комсомольцах Крыма, либо о подвигах севастопольских комсомольцев во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Информация о комсомоле Севастополя есть лишь в городских газетах и нескольких работах, посвященных 100-летию комсомола. Там дается краткий обзор истории организации [13], [14]. Практически все научные работы о комсомоле Крыма написаны в Симферополе, приводятся различные данные о столице Крыма, а о Севастополе информации мало.

Целью данного исследования стало изучение деятельности комсомольской организации Севастополя в 1944–1991 гг. на основе анализа газеты «Слава Севастополя». Газета была создана 19 декабря 1917 г. (по новому стилю – 1 января 1918 г.). Название «Слава Севастополя» утвердилось в 1944 г. после освобождения города от оккупации. В советские годы она выходила 5 раз в неделю за счет городского бюджета и имела статус «городской».

В ходе исследования было осуществлено фронтальное изучение номеров газеты «Слава Севастополя» за 1945–1948, 1953–1958 и 1968–1991 годы. Работа велась в центральной городской библиотеке им. А.Н. Толстого города Севастополя. В каждом номере газеты информация о жизни молодежи города размещалась в отдельной колонке.

После войны начался период восстановления города. Согласно материалам газеты, комсомольцы принимали участие в восстановительных работах, помогали организовать мероприятия по благоустройству города, были инициаторами соревнований, воскресников, конкурсов [2]. Члены организации боролись за успешное выполнение социалистических обязательств, взятых в честь 30-й

годовщины Октября [3]. неизменно указывалось, что помощником коммунистической партии в построении коммунистического общества являлся комсомол. Он объединяет лучшую передовую часть молодежи и ведет за собой несоюзную молодежь, является одним из *«тех приводных ремней, которые надежно связывают партию с широкими массами народа»* [4]. Комсомол – не только школа большевистского воспитания, но боевой отряд строителей социализма. Важнейшая форма руководства комсомолом – идеологическая работа среди молодежи, воспитание ее в духе большевизма [4] Задача – учиться и учиться ленинизму [4]. Помочь в этом молодежи можно только передавая партийный опыт, традиции, идейное наследие большевиков.

Особенностью комсомольской организации Севастополя было наличие флота. Поэтому, проводились совместные мероприятия с моряками, во время которых дети и подростки учились патриотизму и приобретали полезные навыки.

1950–1960-е года можно выделить как новый этап в истории развития городской комсомольской организации. В эти годы в стране был взят курс на заботу о повышении материального благосостояния и культуры советских людей [5]. Для города Севастополя обозначили главную проблему – это вопрос бытового устройства молодежи, так как значительная часть молодых производственников жила в рабочих общежитиях. Там они проводили большую часть суток. В связи с этим, было важно отслеживать, как используются средства, отпускаемые правительством на бытовое устройство молодых рабочих, как поставлено культурно-бытовое обслуживание молодежи, проживающей в общежитиях [6].

Постановление ЦК ВЛКСМ «О многочисленных фактах невнимательного, бюрократического отношения комсомольских организаций к работе среди молодых рабочих, живущих в общежитиях» обозначило недостатки в организации культурно-бытового обслуживания молодежи [5]. ЦК комсомола потребовал от комсомольских организаций усиления массово-политической культурной работы в общежитиях, повседневного внимания к быту молодых рабочих [5].

Кроме того, в этот период отмечали важные исторические юбилеи. Например, 50-летие комсомола, 100-летие со дня рождения Ленина, 50-летие выступления Ленина на III съезде РКСМ. Для достойной встречи праздников в городе была проделана колоссальная работа по благоустройству города, все трудящиеся и рабочие ежедневно брали обязательства и давали обещания перевыполнять план, проводились соревнования и конкурсы. Комсомольцы выдвинули инициативу в честь 100-летия со дня рождения Ленина провести ударную трехлетку. Первый этап был посвящен 50-летию ВЛКСМ. Девиз мероприятия – «От юбилея Родины – к юбилею Ленинского комсомола» [7]. Молодые строители, горняки, виноградари, садоводы, рыбаки, судоремонтники взяли повышенные социалистические обязательства. Инициатором соревнования за достойную встречу 50-летия ВЛКСМ в управлении тралового флота стали комсомольцы рыболовно-морозильного траулера «Ореанда» [7]. Все предприятия города участвовали в соревновании и побеждали в разных номинациях [8].

В 1970–1991 гг. активность комсомольцев постепенно снижалась, в городской газете все реже уделялось внимание жизни организации. Это происходило из-за того, что методы работы с молодежью устарели, нужно было использовать новые

технологии. Например, радио и телевидение [11]. Интересы молодежи быстро изменились, в этому не уделялось достаточного внимания. В условиях развития новых течений в культуре и изменении характера молодежи было необходимо захватить их внимание с помощью СМИ, специальных газет, сделать так, что бы молодежь осознавала, что ее признают и уважают. Старые методы работы ослабли и не охватывали сферы интересов молодых людей [11].

Регулярно проводились городские конференции, на которых озвучивались недостатки организации, обозначалась роль комсомола, давались наставления для дальнейшей работы.

Главным правилом существования организации была здоровая критика. На всех собраниях и городских конференциях в обязательном порядке подчеркивались непорядки, недостатки, виновные наказывались и смещались с должностей. Так же обсуждалось, что было сделано для исправления проблем, говорили о достижениях.

Таким образом, комсомольская организация в городе Севастополе соединяла молодежь и партию, инициировала и побуждала к выполнению всех планов пятилеток и государственных программ. Без сильной организации у партии не было бы будущего. Поэтому комсомолу уделяли много внимания. Все предприятия города имели свои первичные организации. На заводах, в цехах, в учреждениях и учебных заведениях создавались Красные уголки. Комсомольцы проявляли инициативу и из старых заброшенных помещений создавали актовые залы и комнаты отдыха. Комплексно собирались материалы по истории первичных комсомольских организаций. Весь город был увлечен идеями и предложениями комсомольцев, что приносило успех в работе.

Литература

1. Ануфриев, В. История ВЛКСМ в фалеристике: каталог. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2008. 383 с.
2. Газета «Слава Севастополя». 1947. 1 июля. С. 2.
3. Газета «Слава Севастополя». 1947. 10 августа. С. 1.
4. Газета «Слава Севастополя». 1947. 30 августа. С. 3.
5. Газета «Слава Севастополя». 1953. 16 октября. С. 3.
6. Газета «Слава Севастополя». 1953. 20 октября. С. 2.
7. Газета «Слава Севастополя». 1968. 26 марта. С. 1.
8. Газета «Слава Севастополя». 1968. 29 марта. С. 3.
9. Газета «Слава Севастополя». 1970. 27 марта. С. 4.
10. Газета «Слава Севастополя». 1970. 12 апреля. С. 2.
11. Гончаров А. Комсомол Крыма. Факты. Люди. События. Симферополь: Таврия, 2006.
12. Документы ВЛКСМ [Электронный ресурс] // URL: <http://nksmrf.ru/page/3> (дата обращения: 05.09.2019).
13. Игумнова Е. Музей Краснознаменной Севастопольской комсомольской организации: путеводитель. Симферополь: Таврия, 1981. 71 с.
14. Колонтаев К. История комсомола Севастополя и Крыма. Севастополь: Севастопольский выпел. 2018.

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СЕВАСТОПОЛЯ В ПЕРИОД ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ
1941–1942 ГГ. В ОТРАЖЕНИИ ОПУБЛИКОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ**

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, г. Севастополь

В отечественной историографии история второй героической обороны Севастополя имеет достаточно широкое освещение, однако в ней не принято отдельное выделение истории повседневности осажденного города, поэтому изучение данного вопроса представляется автору заслуживающим особого внимания. Под историей повседневной жизни понимается изучение условий жизни рядовых граждан Севастополя, то есть их быта, распорядка дня и влияния осады на их морально-политический настрой.

Наиболее полные сведения по рассматриваемой теме присутствуют в воспоминаниях Б.А. Борисова «Записки секретаря горкома». Эти мемуары содержат описание организации жизни и работы в подземных убежищах Севастополя [1, с. 69–72], создания новых штолен [1, с. 68–69] и налетов вражеской авиации на жилые кварталы и предприятия [1, с. 53]. Воспоминания Б.А. Борисова представляют особый интерес и ценность для исследователей в связи с тем, что они раскрывают морально-политический облик граждан осажденного города. В частности, секретарь севастопольского горкома указывал, что едва ли не каждого человека приходилось убеждать в необходимости эвакуироваться из города, прежде чем он давал на это свое согласие [1, с. 53].

Повседневную жизнь жителей Севастополя в условиях обороны также затрагивает книга вице-адмирала Н.М. Кулакова «Город морской славы. О героической обороне Севастополя 1941–1942 гг.». Кулаков писал, что осажденный город подвергался регулярным обстрелам, и трудно было определить, где заканчивается тыл и начинается фронт [3, с. 36]. Кроме того, в рассматриваемой книге, как и в воспоминаниях Б.А. Борисова, освещены принятие решения о переводе под землю оборонных предприятий и трудности, связанные с выполнением этого решения [3, с. 37]. Эта книга содержит более скудные сведения на интересующую нас тему, однако они в значительной мере дополняют ту информацию, которую мы можем почерпнуть из воспоминания Б.А. Борисова.

Еще одна работа по изучаемой теме – книга О.П. Джигурды «Теплоход «Кახетия»: записки военно-морского врача». Имена упомянутых в данной книге людей изменены, однако это обстоятельство не мешает нам почерпнуть информацию об интересующих нас событиях, а именно об устройстве подземного госпиталя и условиях пребывания в нем населения [2, с. 155], и о настроениях граждан на фоне обстановки, которая царил на фронте [2, с. 193–196]. Особенно привлекательной делает эту работу то, что на ее последних страницах содержится описание эвакуации жителей Севастополя на борту лидера эсминцев «Ташкент» [2, с. 215–223], поскольку другие работы не содержат подобного описания обстановки на борту легендарного корабля.

Три вышеуказанные книги являются единственными опубликованными материалами, дающими читателю достаточно полное представление о повседневной жизни жителей Севастополя в период его Второй героической обороны. Большая часть опубликованных воспоминаний участников обороны и практически все исследовательские работы посвящены трудовому подвигу жителей в условиях осады и мужеству солдат и моряков-черноморцев, которые 250 дней противостояли немецко-фашистским захватчикам.

Рассматриваемая тема является наименее изученной составляющей Второй героической обороны Севастополя, что представляется большим упущением, поскольку она остается неотъемлемой частью событий осени 1941 – лета 1942 годов. Дальнейшее, более глубокое изучение поставленного в исследовании вопроса, по мнению автора, потребует вовлечения более широкого круга источников. Также следует уточнить, что публикация сборников воспоминаний участников обороны Севастополя может значительно углубить наши знания о жизни осажденного города. Поскольку данная традиция существует в отношении блокады Ленинграда, подобная работа по истории Севастополя представляется достаточно обоснованной.

Литература

1. Борисов Б.А. Записки секретаря горкома. М.: Политиздат, 1964. 304 с.
2. Джигурда О.П. Теплоход «Кахетия»: записки военно-морского врача. Симферополь: Таврия, 1986. 224 с.
3. Кулаков Н.М. Город морской славы. О героической обороне Севастополя 1941–1942 гг. М.: Политиздат, 1964. 82 с.

ОСВОБОЖДЕНИЕ СЕВАСТОПОЛЯ ОТ НЕМЕЦКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ НАСЛЕДИИ

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь

Севастополь – легендарный город, который удивляет не только своей военной историей, но и героизмом и мужеством солдат, борющихся за свою Родину в период Великой Отечественной войны. Особой страницей в истории города стало его освобождение от немецких захватчиков в 1944 году. Данное событие вызывает огромный интерес среди историков и архивистов, обусловленный 75-летием наступательной операции 1944 года по освобождению Крыма и Севастополя.

Актуальность данного исследования заключается в необходимости осмыслить данную тему на новом уровне исторической науки с учётом открывающихся документов и с новой страницей в истории современной России и Крыма. А цель работы: провести исследование событий, связанных с освобождением Севастополя от немецких захватчиков, с учетом открывающихся и вводящихся в научный оборот архивных документальных источников для обеспечения и укрепления ментальной безопасности молодого поколения – наследников Великой Победы.

Крымский полуостров на протяжении всей Великой Отечественной войны терпел серьёзные нападения со стороны немецкой армии. Ещё 16 июля 1941 года на совещании Гитлер определил цель нападения на Крым, что должны быть уничтожены «чужаки», а полуостров заселить немцами и сделать его «областью империи» [8, с. 10].

Удобное положение бухт города Севастополя определяет его военно-стратегическое значение. Именно из-за выгодного географического положения, город оказался первым из городов, подвергшийся удару немецкой авиации, в результате чего в Крыму было объявлено военное положение указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года [10, с. 112]. Уже в ноябре 1941 года советской армии пришлось оставить Крым, но солдаты советской армии ещё 250 дней обороняли легендарный город Севастополь, а сдали город лишь 3 июля по приказу Верховного Командования Красной Армии. Крым находился в оккупации немецкими захватчиками [6, с. 3-9].

По свидетельству приказов и ставок Верховного Главнокомандующего, уже в 1943 году Красная армия начала планировать свой курс по освобождению и возвращению Крыма. Первыми действиями к освобождению стала директива ставки Верховного Главнокомандующего от 23 января 1943 года освободить Таманский полуостров и взять Новороссийск. Красная армия упорно двигалась вперед к освобождению Крыма от немецких захватчиков [9, с. 95]. Советские войска, несмотря на оборонительные укрепления немцев, сумели овладеть Таманским полуостровом и выйти к Керченскому проливу, а также в ходе Мелитопольской наступательной операции выйти к крымским перешейкам. Впоследствии чего началась активная подготовка войск советской армии к Крымской наступательной операции 1944 года.

Благодаря активной оборонительной деятельности и пополнению своих резервов, численному преобладанию советских войск над немецкими в 1,5 раза, а по вооружению – в 2,5 раз, в течении нескольких дней советской армии удалось проникнуть в Крым и освободить почти все города полуострова [3, с. 229]. Подойдя 16 апреля 1944 года к рубежам города Севастополя, Красной армии оставался последний решительный штурм по освобождению Севастополя и всего полуострова [1, с. 27-29].

Немецкие войска, отступая в Севастополь, построили укрепленные оборонительные рубежи, которые были достаточно труднопроходимые, что объясняется первыми неудачными попытками русских войск овладеть городом. Советская армия создала точный план хода действий по освобождению Севастополя. Успешными вспомогательными боями 5 и 6 мая 1944 года, русским войскам удалось привлечь внимание немецкой армии на Мекензиевы горы, которая посчитала, что именно эта территория – главный удар советской армии, тем самым ослабив свои позиции на Сапун-горе, на которую русские войска решили нанести последний сокрушительный удар – известный в истории как штурм Сапун-горы [4, с. 426].

7 мая начался генеральный штурм по всему фронту. Артподготовка длилась полтора часа и уже в 9 часов утра вспыхнули «катюши» в сторону Сапун-горы. Началась активная и решительная борьба [5, с. 487]. Из опубликованной серии документов Министерством Обороны РФ имеется наградной лист Торопкина Алексея Григорьевича – капитана 77-й стрелковой дивизии. В ходе штурма Сапун-горы убил 14 немецких военных в рукопашном бою, за что он был представлен к званию Героя Советского Союза.

Уже через 19 часов ожесточенного боя, флаги штурмовых групп были установлены по всей горе. Первым удалось добраться бойцам Н. Соснин и З. Абдурахимов 105-го стрелкового полка 77-й стрелковой [2, с. 111-112]. Советская армия овладела Мекензиевыми горами и Сапун-горой. Данный захват означал прорыв обороны на главном направлении. Но 8 мая советские войска вышли на окраины города. Части 51-й и Приморской армии ворвались в Севастополь, к 9 мая город был полностью освобожден [7, с. 368]. Из серии документов Министерства Обороны РФ, опубликованная в апреле 2019 года, имеется доклад о разгроме 17-ой немецкой армии в Крыму, которая свидетельствует о том, что немецкие войска отошли к Камышевой и к Казачьей бухтам, а также к Херсонесскому мысу, где были прижаты морю. Пытались эвакуироваться, а остатки войск сдались в плен, где по подсчёту данного документа 23 338 человек. 12 мая Крымская наступательная операция была завершена [6, с. 379-380].

Проанализировав документальные источники, можно сделать вывод о том, что освобождение Севастополя в ходе Крымской Наступательной операции – событие, которое является особой страницей в истории Великой Отечественной войны. Немецкая армия усердно подготовила оборону города, успешными вспомогательными боями 5 и 6 мая 1944 года, русские войска привлекли внимание немецкой армии к Мекензиевым горам. Штурм Сапун-горы стал своеобразным и успешным событием в истории города Севастополя. В 1957 году народный художник П.Т. Мальцев написал картину «Штурм Сапун-горы», которая стала основой для создания диорамы – «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 года», что служит неотъемлемым местом для патриотического воспитания нынешнего поколения и местом памяти об ожесточенных боях, где воевали наши предки. Советские войска одержали победу над

17-ой немецкой армией в Крыму, уничтожив все ее 12 дивизий, что и стало основным итогом Крымской Наступательной операции.

В год, посвященному 75-летию Крымской наступательной операции по освобождению Крыма и Севастополя, молодому поколению все чаще и чаще следует обращаться к документальному наследию о войне, чтобы избежать ошибок прошлого, переосмыслить и воспринять культурно-историческое наследие нашего Отечества.

Литература

1. Басин И.И. Стратегические операции Красной Армии в зимней и летне-осенней кампаниях 1944 г. М.: ИВИ РФ, 2005. 498 с.
2. Гармаш П.Е. Севастополь – город-герой. Москва: Воениздат, 1983. 128 с.
3. Голиков С. Выдающиеся победы Советской Армии в Великой Отечественной войне. М.: Госполитиздат, 1954. 324 с.
4. Дельнов А. Большой исторический путеводитель. М.: Эксмо, 2016. 656 с.
5. Исаев А.В. Битва за Крым 1941-1944 гг. М.: Яуза, 2016. 610 с.
6. Кондранов И.П. Крым в период Великой Отечественной войны 1941-1945. Симферополь: Таврия, 1973. 496 с.
7. Литвин Г.А. Освобождение Крыма (ноябрь 1943 г. – май 1944 г.). Документы свидетельствуют. М.: Кречет, 1944. 357 с.
8. Ткаченко С.Н. Крым, 1944. Весна освобождения. М.: Вече, 2014. 512 с.
9. Ткаченко С.Н. Крым, 1944: документы и материалы. Феодосия: РИО НИЦ, 2017. 330 с.
10. Шаганов А.Н. Крым и его освобождение (1941-1944): монография. Новосибирск: ЦРНС, 2015. 332 с.

ПОДСЕКЦИЯ «Международные отношения»

УДК: 327

Галстян К.А.

БОЛЬШОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И СТРАНЫ ЮЖНОГО КАВКАЗА: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Регион Большого Причерноморья является одним из центров европейской и мировой политики. В 1992 г. одиннадцать стран региона подписали Договор о Черноморском экономическом сотрудничестве. В настоящее время в состав Организации Черноморского экономического сотрудничества входят 12 государств и 12 стран наблюдателей [1]. Государства Южного Кавказа, такие как Азербайджан, Армения, Грузия находясь на пересечении экономических и политических процессов, а также будучи членами Организации Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), вовлечены в экономическое и политическое взаимодействие в регионе.

Основное значение для роли стран Южного Кавказа в Большом Причерноморье имеет их взаимодействие с прибрежными черноморскими государствами. Таким государством является Россия. Взаимодействие России с новообразованными после распада СССР независимыми республиками развивается на фоне активизации сотрудничества этих государств в экономической, политической, военной сферах с США и Евросоюзом. А также не менее важен тот факт, что некоторые постсоветские республики в свою очередь являются также членами ОЧЭС [4].

Азербайджан, Армения и Грузия являются малыми странами в экономическом и военном потенциале. Эти государства выступают в крупных интеграционных инициативах, а также международных проектах по строительству транспортных, энергетических коммуникаций на пересечении Черноморского и Каспийского регионов. Однако ввиду наличия между странами Южного Кавказа неразрешённых этнополитических вопросов, в регионе отсутствуют развитые экономические связи как на двустороннем, так и трёхстороннем уровнях. Конфликт вокруг Нагорного Карабаха находится в замороженном состоянии, напряжённость в отношениях между Арменией и Азербайджаном все больше растёт. Соответственно, возможности совместного участия всех государств Южного Кавказа в иницируемых транспортных и энергетических проектах в Большом Причерноморье сведены к минимуму. Особенно подвержена политической конъюнктуре реализация энергетических проектов. Введённый в 2007 г. в эксплуатацию нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан и открытый в 2007 г. газопровод Баку – Тбилиси – Эрзерум были построены с участием государств, между которыми отсутствовали значимые военно-политические конфликты. Эти проекты развивались без потенциального участия других государств Черноморского региона, как, например, Армении, России и были негативно восприняты последней. В 2017 году была открыта также железная дорога

Баку – Тбилиси – Карс. Она объединяет не только Турцию, Грузию и Азербайджан, но также соединяет Китай и страны Центральной Азии с Европой. Железная дорога гарантирует лучшую сеть, создаст новые бизнес-условия и увеличит качество торговли между сторонами [2].

В связи с конфликтом вокруг Нагорного Карабаха Армения не имеет дипломатических отношений с Турцией. В свою очередь Турция отказывается признать факт геноцида армян в Османской империи в 1915 г., еще больше усугубляя отношения между этими странами. В декабре 2014 г. парламент Армении ратифицировал договор о вступлении Армении в Евразийский экономический союз. В 2010 г. Армения и Россия подписали договор о продлении срока действия договора о российской военной базе в г. Гюмри до 2044 г.

24 ноября 2015 г. над территорией Сирии в 1 км от границы с Турцией ракетой с турецкого истребителя А-16 был сбит российский самолёт СУ-24М, после чего отношения между Турцией и Россией были практически заморожены. 29 июня 2016 года после телефонного разговора между Владимиром Путиным и Реджепом Тайипом Эрдоганом был запущен процесс поэтапного восстановления двусторонних отношений. В развитие достигнутых между президентами договоренностей министры иностранных дел двух стран провели 1 июля 2016 года рабочую встречу в городе Сочи [3]. 9 июля 2019 года Турция заявила, что хочет приобрести у Москвы ЗРК С-400 вопреки требованиям США, добивающихся от турок отказа от сделки: *«Если Анкара не выполнит это требование, то Вашингтон вышлет из страны турецких пилотов, которые в настоящее время обучаются в США, и отстранят турецкие компании от участия в производстве истребителей F-35»*, – заявил заместитель министра обороны США. Но Анкара не хочет отказываться от сделки с Москвой [6].

Нестабильны также отношения между Грузией и Россией. Признание Россией Южной Осетии и Абхазии в качестве независимых государств в 2008 г. грузинское руководство рассматривает как нарушение территориальной целостности Грузии. С 20 июня 2019 года в Тбилиси прошла серия акций протеста, которые имели явно антироссийский характер. Президент Грузии С. Зурабишвили заявила, что туристы из РФ могут приезжать в эту страну, несмотря на ее прежние жесткие заявления в адрес России. Грузинский лидер назвала Россию виновницей конфликта в Грузии, хотя, по мнению экспертов, протесты имеют внутренний характер. Владимир Путин же временно запретил полеты российских самолетов в Грузию. После этого события грузинские посольства начали активную кампанию по привлечению туристов из западных стран [5].

Таким образом, нынешнее геополитическое положение Причерноморья остаётся подвижным, неопределённым, потому что в государствах Южного Кавказа существуют неурегулированные конфликты и противоречия.

Литература

1. Большое Причерноморье: поиск путей расширения сотрудничества [Электронный ресурс] // URL: <http://www.instituteofeurope.ru> (дата обращения: 05.09.2019).
2. Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России [Электронный ресурс] // URL: <http://www.instituteofeurope.ru> (дата обращения: 05.09.2019).

3. Крушение российского самолета Су-24 24 ноября 2015 года [Электронный ресурс] // URL: <https://ria.ru/20151224/1346908322.html> (дата обращения: 05.09.2019).
4. Постсоветское пространство: роль внешнего фактора [Электронный ресурс] // URL: <https://www.imemo.ru> (дата обращения: 05.09.2019).
5. Турецкая экспансия: кто и как на самом деле скупает Грузию [Электронный ресурс] // URL: <https://news.rambler.ru> (дата обращения: 05.09.2019).
6. Турция допустила покупку российских истребителей [Электронный ресурс] // URL: <https://ria.ru/20190701/1556100087.html> (дата обращения: 05.09.2019).

РОЛЬ ОЧЭС В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ (2014-2019 гг.)

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

ОЧЭС – единственная международная организация, объединяющая в настоящее время страны Большого Причерноморья. В её состав входит 12 государств, среди которых прибрежные черноморские страны и сопредельные государства. Первоочередная задача ОЧЭС – развитие экономического сотрудничества в регионе Чёрного моря, продвижение различных интеграционных проектов от глобальных до более мелких. Организация Черноморского экономического сотрудничества была основана по инициативе Турции в 1992 году и действует как полноформатная международная организация после вступления в силу её Устава в 1999 году.

Для принятия решений в ОЧЭС необходимо согласие всех 12 стран-участниц [9]. Сотрудничество осложняется тем, что среди государств-членов Организации есть такие, которые не имеют между собой дипломатических отношений. Более того, между государствами Причерноморья существует ощутимая разница по уровню социально-экономического и политического развития, а также демократических преобразований. Участие некоторых стран региона в других интеграционных объединениях определяет различия в их политической направленности, что провоцирует неизбежное соперничество за политическое и экономическое лидерство в регионе. Поэтому, несмотря на предложения по реализации многочисленных крупных проектов, лишь немногие из них оказываются воплощены в жизнь.

Политические противоречия в регионе, начавшиеся весной 2014 года и последующие экономические санкции, направленные против России, а также ответные экономические действия не остановили деятельности ОЧЭС. 21 мая 2014 года на 43-й Генеральной Ассамблее ПАЧЭС в Стамбуле обсуждалась тема: «От кризиса к восстановлению...». Было подчеркнуто, что государства ОЧЭС должны развивать более тесное сотрудничество во имя экономического процветания всех стран региона [5].

В рамках проекта на площадках Организации был представлен ряд инициатив о создании единой таможенной торговой зоны между государствами ЧЭС, проекты единого водительского удостоверения, торгового сертификата и ряд других. В октябре 2015 года в России началось строительство автодороги на Таманском полуострове, обозначенной в плане «Черноморского кольца». [3] Среди самых крупных проектов следует выделить автомагистраль «Черноморское кольцо» (более 7 тыс. км. автомобильной дороги).

Страны ОЧЭС осуществляют кооперацию и в противодействии терроризму, экстремизму и организованной преступности. В ноябре 2015 года на 46-й Генеральной Ассамблее ПАЧЭС прошло обсуждение проблемы международного терроризма и была принята декларация, которая подтвердила решимость стран ОЧЭС бороться с терроризмом на различных уровнях. В 2015 году активно проходили мероприятия

по обмену опытом и информацией на заседаниях представителей военных и полицейских структур стран-участниц ОЧЭС [6].

После событий 2014 года реализация некоторых проектов в рамках ОЧЭС была приостановлена. Газопровод «Южный поток», строительство которого началось в 2012 г., был заморожен российской стороной в декабре 2014 г. из-за неконструктивной позиции ЕС. Однако, на смену «Южному потоку» уже в 2016 г. пришел «Турецкий поток» такой же мощности и был намечен план по расширению газопровода «Голубой поток» [8].

Черноморский банк торговли и развития финансирует различные региональные проекты в рамках ОЧЭС, среди которых энергетический холдинг в Болгарии, предприятия нефти и газа в Греции, системы энергосбережения в Молдавии и Румынии, некоторые проекты в России, Армении и других странах, входящих в Организацию.

Несмотря на некоторые успехи, достигнутые в деятельности ОЧЭС, многие аналитики сходятся во мнении, что сам проект Организации неудачен из-за отсутствия таможенного союза и свободных зон для диверсификации торгово-экономических связей и нестабильной политической и экономической ситуации в регионе, нехватки финансовых средств и их источников. В июне 2017 года заместитель министра иностранных дел Украины В. Пристайко заявил: «... *Наша Организация находится в глубоком кризисе, ... крупные инвесторы избегают заходить в наш регион...*» [2]. Откликнувшись на нехватку финансовых средств, для стимулирования развития механизма проектного сотрудничества в Черноморском регионе, Россией было принято решение о выделении для проектных целей ОЧЭС 1 млн. долл. [7].

Для более свободного взаимодействия Организация предусматривает диалог бизнес-объединений стран-участниц. Россию в Деловом Совете ОЧЭС с 2017 года представляет Общественная Организация «Деловая Россия». 6 июня 2019 года в рамках болгарского председательства в ОЧЭС в Софии прошла встреча представителя «Деловой России» с президентом болгарской торгово-промышленной палаты. В ходе встречи были достигнуты договоренности об информационном обмене между структурами, заключен меморандум о сотрудничестве между «Деловой Россией» и болгарской ТПП. 7 июня 2019 года в рамках заседания обсуждались вопросы создания логистического коридора между Каспийским и Чёрным морями, идея концепции «трех морей» [1].

20–21 июня 2019 года состоялась 53-я Генеральная Ассамблея ПАЧЭС, на которой представители государств обсудили проект «Голубой поток», вопросы устойчивого развития и экологии, реформирования пенсионных систем некоторых государств-членов ОЧЭС [4].

Сегодня страны-участницы Организации сотрудничают более чем в восемнадцати сферах. Помимо транспорта, сельского хозяйства и энергетики, происходит кооперация в областях культуры, науки, образования, туризма, информатики, защиты окружающей среды, фармацевтики и медицины.

Организация Черноморского экономического сотрудничества – не просто региональное объединение, а реальная платформа экономического взаимодействия стран Причерноморья в условиях политической нестабильности в регионе и давления со стороны внерегиональных акторов и мирового сообщества. Хотя большинство крупномасштабных проектов и инициатив Организации остается на бумаге,

в условиях современной политической ситуации в регионе диалог между такими разнообразными по своим политическим взглядам и социально-экономическому развитию странами уже является значимым достижением для сотрудничества стран региона в рамках ОЧЭС.

Литература

1. В рамках делового совета ОЧЭС прошла встреча с главой болгарской ТПП [Электронный ресурс] // URL: <https://deloros.ru/v-ramkah-delovogo-soveta-oches-proshla-vstrecha-s-glavoj-bolgarskoj-tpi.html> (дата обращения: 05.09.2019).
2. Крым. Реалии: Омраченный юбилей: Крым – в центре внимания ОЧЭС [Электронный ресурс] // URL: <https://ru.krymr.com/a/28590058.html> (дата обращения: 05.09.2019).
3. Маслова Е.А. Организация черноморского экономического сотрудничества (ЧЭС): проекты сотрудничества и их реализация // Многосторонние институты и диалоговые форматы: материалы IX Конвента РАМИ (27-28 октября 2015 г., МГИМО-Университет) / Под ред. А.В. Мальгина. М., 2016. С. 140-147.
4. ПАЧЭС: 53-е Пленарное заседание Генеральной Ассамблеи ПАЧЭС, Баку, 20-21 июня 2019 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.pabsec.org/news-details.asp?id=546&hl=ru> (дата обращения: 05.09.2019).
5. Сорок третья Генеральная Ассамблея, Краткая информация, Стамбул, 2014. [Электронный ресурс] // URL: [http://www.pabsec.org/depo/files/bulletin-pdf-ru/0\(1\)](http://www.pabsec.org/depo/files/bulletin-pdf-ru/0(1)) (дата обращения: 05.09.2019).
6. Сорок шестая Генеральная Ассамблея, Краткая информация, Стамбул, 2015. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.pabsec.org/depo/files/2016.pdf> (дата обращения: 05.09.2019).
7. Россию на саммите ОЧЭС в Стамбуле представит Д. Медведев [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/ekonomika/4265874> (дата обращения: 05.09.2019).
8. Россия объявила о закрытии проекта «Южный поток» [Электронный ресурс] // URL: https://www.bbc.com/russian/business/2014/12/141201_south_stream_stopped (дата обращения: 05.09.2019).
9. Rules of Procedure of the Organization of the Black Sea Economic Cooperation. Organization of the Black Sea Economic Cooperation. Statutory Documents. Permanent International Secretariat. Istanbul, August 2012. Fourth edition. P. 41-52.

ДЛЯ ЗАПИСЕЙ

This image shows a full page of white paper with horizontal blue or grey ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page, typical of notebook paper. There are no margins, text, or other markings on the page.

ДЛЯ ЗАПИСЕЙ

[illegible]

Научное издание

XVII Международная научная конференция «Лазаревские чтения»
2019 года

Сборник материалов научной конференции
(2-4 октября 2019 года, г. Севастополь)

Ответственный за выпуск В.В. Хапаев
Технические редакторы С.И. Рубцова, Э.Р. Шихаметова, А.В. Юдина

Электронное издание сборника доступно
в электронной библиотеке
eLibrary
и на официальном сайте
филиала МГУ в г. Севастополе
www.sev.msu.ru

Сдано в набор 02.09.19. Подписано в печать 09.09.19.
Формат 70*108 1/16. Гарнитура Bookman Old Style. Усл. печ. л. 30. Уч.-изд. л. 15,03.

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе
299001, г. Севастополь, ул. Героев Севастополя, 7.
Тел. (факс): +7(8692)48-79-07
Электронная почта: lazarev_chtenia@mail.ru

